

1—ИЮНЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕНЬ
ЗАЩИТЫ
ДЕТЕЙ

РАБОТНИЦА

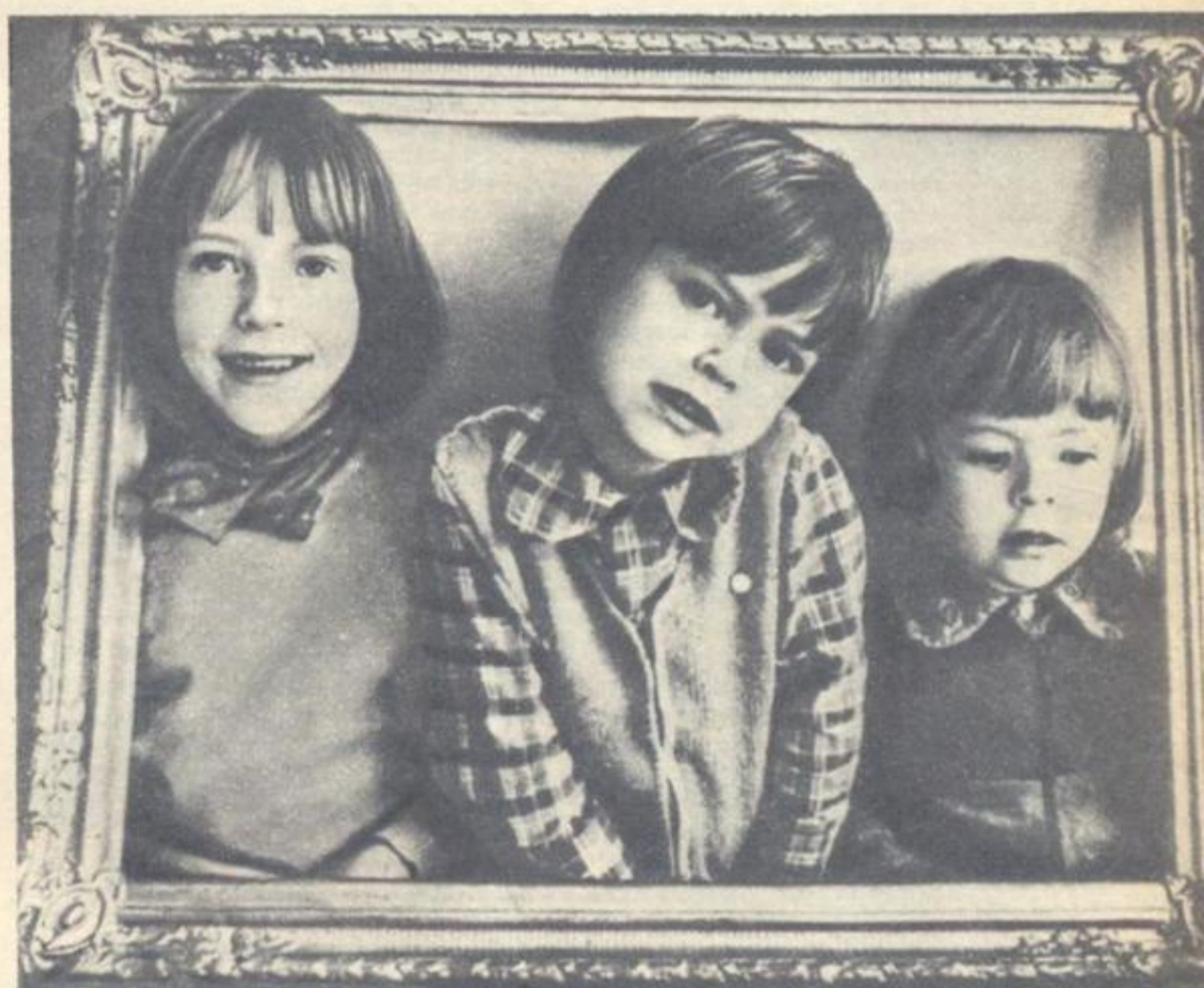
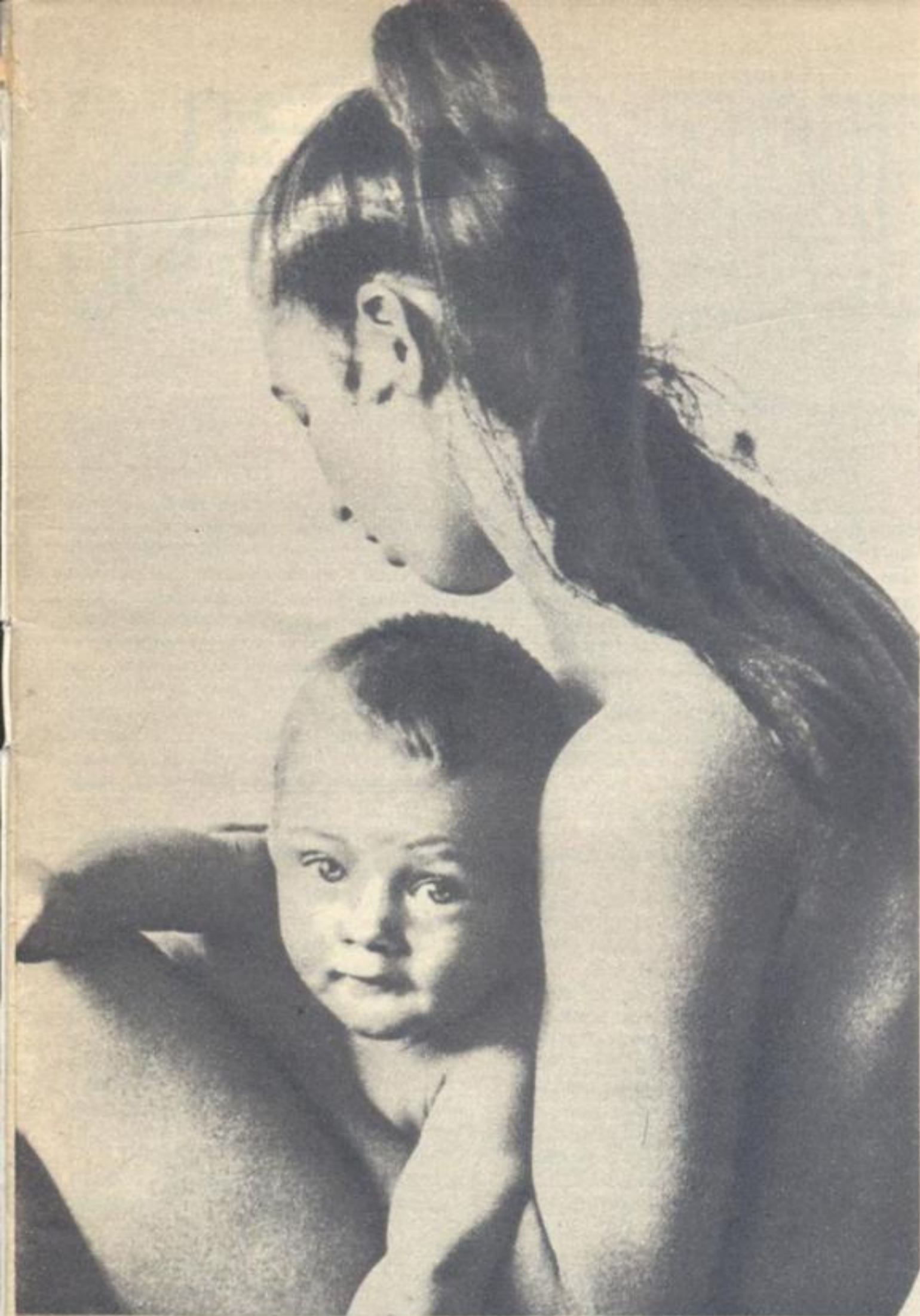
101

№ 6 • 1977 • Издательство «ПРАВДА»

ФОТО-
графирует
ЖЕНЩИНА

Снимки, представленные на этих страницах, посвящены вечным и непреходящим темам. Святая страда материнства... Пора детских открытий и огорчений...

Не мудрено, что фотографии отличаются особой добротой и трепетностью. Ведь все их авторы — женщины. На международной фотовыставке «Фотографирует женщина», проходившей в Риге, были представлены более двухсот работ 77 авторов из 11 стран мира. Диапазон возраста авторов — от 15 до 90 лет.

- Элвира Ступенкова (Литовская ССР). Материнство.
- Хилда Мисурова-Диасова (ЧССР). Новая жизнь.
- Нина Свиридова (РСФСР). Бабушка и внучка.
- Марлена Нойман (Италия). Перуанцы.
- Даниела Сикорова (ЧССР). Вечная тема.
- Дел Турка Франка (Италия). Игра.
- Эне Кярема (Эстонская ССР). Мы играем старую картину.
- Хейди Итин (Швейцария). В одном из детских садов Швейцарии.

МАЛОЛЕТНИЕ РАБЫ

Из блокнота журналиста

Мы были в южной части штата Флорида. Вокруг — безбрежные рощи цитрусовых деревьев. Зелеными волнами они сбегают с далеких холмов в долину. Деревья гнутся от тяжести золотистых плодов.

Мы ехали по Флориде день, второй и никак не могли пересечь зеленый океан. В одном месте мы нагнали странную автоколонну. Один за другим тянулись старенькие грузовики, держа путь куда-то на север. К бортам были привязаны ведра, тазы, закопченные чайники. В кузовах, прижавшись друг к другу, сидели люди. Здесь были мужчины и женщины, молодые и старые. Много здесь было подростков и детей.

Колонну замыкал маленький «пикап». В кабине мы разглядели водителя в широкополой ковбойской шляпе и карабин, висящий на задней стенке кабины.

Мы обогнали автоколонну. Ее возглавляла полицейская автомашинка, в которой сидели двое разморенных жарой полицейских. На борту машины была изображена шерифская звезда и изогнувшаяся дугой надпись: «Графство Палм-бич».

Кто в Америке не знает графства Палм-бич? Голубые волны Атлантики с мягким шорохом набегают на его песчаные пляжи. В тени широколистных пальм прячутся особняки. Это зимние дачи миллионеров.

Люди в грузовиках никогда не видели ни этих особняков, ни их хозяев. И хозяева особняков никогда не видели людей в грузовиках. Хотя они зависят друг от друга. Между ними существует невидимая связь. Ибо апельсины, грейпфруты и ананасы в хрустальных вазах, стоящие на коктейльных столиках в этих особняках, все эти цитрусовые, принесшие Флориде славу, а ее хозяевам миллионы, выращены и собраны людьми, которые под конвоем полиции трясутся в стареньких грузовиках.

Люди в грузовиках — кочующие сельскохозяйственные рабочие. С наступлением уборочной поры они начинают кочевать «вслед за осенью». Они медленно движутся с юга на север вслед за созреванием плодов, предлагая свои руки для сбора фруктов, ягод, бобов, лука, моркови, хлеба. В стареньких грузовиках их перевозят с плантации на плантацию, из одного

района в другой. Их много, хотя никто точно не знает, сколько, говорят, что по всей стране не менее двух с половиной миллионов человек.

Они живут в хлевах и пустых курятниках. Их лагеря спрятаны от посторонних глаз в глубине садов и на отдаленных фермах. Они отделены от внешнего мира колючей проволокой и вооруженной охраной. Многие американцы даже не знают об их существовании. И когда телевизионная компания «Эн-Би-Си» показала репортаж о жизни «забытых людей», это оказалось сенсацией. Сытая Америка была шокирована.

Снять такой репортаж было нелегким делом.

— Никогда не знаешь, что произойдет, когда в грудь тебе упирается ствол пистолета, — рассказывал режиссер телефильма Мартин Кэпп. — Человек, который угрожал убить меня, был хозяином лагеря кочующих рабочих в графстве Палм-бич. Он появился в тот момент, когда я разговаривал с одиннадцатилетним мальчиком о жизни в лагере. Хозяин сразу выхватил из кармана пистолет и закричал: «Убирайся к дьяволу, да поживей, если хочешь остаться живым!»

И все-таки телевизионным репортерам удалось многое показать телезрителям. Больше всего потрясают сцены с детьми.

Вот шестилетний мальчуган, работающий рядом со взрослыми на уборке урожая. Репортер беседует с матерью малыша. Она рассказывает, что вместе с ней работают трое ее детей, старшему из которых десять лет.

— По данным министерства труда, — говорит репортер, — на полях страны трудится сейчас около 600 тысяч детей кочующих рабочих.

Вот репортер старается «разговорить» угрюмого подростка. Тот хмурится, отворачивается от телекамеры. На вопросы отвечает неохотно. Школу бросил. Учиться некогда, надо работать. И вообще он школу ненавидит.

— Почему? — не отстает от паренька репортер.

Тот еле сдерживает слезы. Оказывается, в школе смеются над его заплатанными штанами. Других у него нет.

Конец фильма потрясает. Репортер беседует с матерью, которой не хватает заработанных денег, чтобы накормить детей. Это тяжелый разговор. Но мать держится. Лишь время от времени смахивает ладонью слезы.

— Что чувствует мать, когда ее дети плачут от голода? — «дожимает» репортер.

Пауза. Долгая пауза. Мать сидит с каменным лицом. Кажется, что ее покинули все чувства. Но вот голова ее начинает клониться к столу. Она закрывает лицо руками и плачет в голос. Рыдания сотрясают ее...

— Мы могли сделать этот фильм в любом штате, — заканчивает ведущий, — но мы остановили свой выбор на Флориде, потому что сельскохозяйственный сезон там длится девять месяцев в году...

Однажды общественные организации штатов Огайо, Мэйн, Калифорния, Орегон и Вашингтон предприняли расследование о детском труде в сельском хозяйстве США. Результаты этого расследования в форме доклада были переданы в конгресс. Главный вывод звучит так: «Эксплуатация детского труда в семидесяти годах XX века почти ничем не отличается от эксплуатации в прошлом столетии».

Четвертая часть всех наемных рабочих рук в сельском хозяйстве США — детские руки, говорится в докладе. В сезон сбора урожая клубники и бобов в штате Орегон детский труд достигает 75 процентов всей рабочей силы.

«Наемные сельскохозяйственные рабочие настолько бедны, — подчеркивают авторы доклада, — что им не остается ничего другого, как брать на поля вместе с собой даже малолетних детей. В сезон уборки урожая дети наравне со взрослыми работают от 10 до 12 часов в сутки».

Америка — богатая страна. И вот среди этого богатства вы вдруг слышите плач голодного ребенка. Но все ли слышат?

Однажды в корпункт «Правды» в Вашингтоне пришло письмо, подписанное известной американской актрисой Линой Хорн. От имени Национального комитета негритянских женщин она просила принять участие в сборе пожертвований для голодающих американских детей. Повидимому, комитет отправил тысячи таких писем в самые различные адреса. «Пожалуйста, — говорилось в письме, — пожертвуйте что-нибудь, сделайте ваш взнос сегодня. Голодные дети ждут вашего ответа».

«Я одна из тех, — писала Лина Хорн, — кто чувствует на себе вину за то, что в самой богатой стране мира миллионы детей, белых и черных, ежедневно страдают от голода».

Вместе с письмом в конверт была вложена брошюра, изданная Национальным комитетом негритянских женщин. Брошюра озаглавлена: «США, голод». Члены комиссии, составленной из врачей, учителей и женщин-активисток, рассказывали в брошюре о том, что они увидели в штатах Миссисипи, Алабама, Джорджия, Техас, Южная Каролина, Кентукки.

«Дети просыпаются голодными и ложатся спать голодными, — свидетельствуют члены комиссии. — Они плачут от голода. Вот что мы постоянно слышали, куда бы ни приезжали... Мы видели детей, потерявших в результате анемии всякую энергию и способность жить нормальной активной жизнью... В каждом штате, который мы посетили, мы встречали у детей явные признаки хронических недоеданий, которые уже нанесли непоправимый ущерб детскому организму».

...Я читал брошюру, и мне вспомнился один из залов американского конгресса. Экран на стене. Проекционный аппарат у противоположной стены. Здесь заседает сенатская комиссия, изучающая вопрос о голодающих в Соединенных Штатах Америки.

Сенатор Макговерн, председатель комиссии, ждет, когда рассядутся сенаторы.

— Начинать, доктор, — обращается он к молодому человеку в роговых очках, который стоит у проекционного аппарата. Рядом с аппаратом на столе лежат стопки цветных слайдов.

Человек у проекционного аппарата — доктор Питер Чейз из Колорадского университета. По заданию сенатской комиссии он изучал положение детей кочующих сельскохозяйственных рабочих в штате Колорадо.

— Я обследовал триста детей, — начинает свой доклад доктор Чейз, — и сделал триста снимков. Посмотрите на них, пожалуйста.

В зале гаснет свет. На экране появляется увеличенная цветная фотография малыша двух лет. И сенаторы ахают от неожиданности. Перед ними обтянутый кожей скелетик. Вздутый живот. Кривые ножки. Головка не держится на тонкой шее...

Меняется слайд. На экране девочка с заострившимся носом, с большими глазами и беззубым, как у старухи, ртом.

Снова меняется слайд в аппарате... И снова ахают сенаторы.

— Этому малышу четыре с половиной месяца, а весит он меньше, чем при рождении, — объясняет доктор Чейз. — У его родителей еще пятеро детей и нет денег на молоко даже для этого малыша. Обследовав его, я обратился в местную больницу. Произошел такой диалог.

— Спасите ребенка, — сказал я. — А кто будет платить за лечение? — спросил меня администратор больницы.

Я настаивал: — Возьмите в виде исключения бесплатно.

— Не могу, — вздохнул администратор. — Если я возьму одного, завтра меня будет осаждать толпа матерей вот с такими же на руках.

...Сенатская комиссия, расследующая проблему голодающих детей, собирается дважды в год. Снова и снова доктор Чейз показывает сенаторам страшные слайды. Меняются лишь штаты, где они были сняты. Миссисипи... Огайо... Калифорния...

Б. СТРЕЛЬНИКОВ
(спец. корр. «Правды»)

XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 1979 год Международным годом детей. Подготовка и его проведение имеют целью объединить мужчин и женщин, общественных деятелей, женские, профсоюзные, молодежные, детские организации, укрепить их содружество, мобилизовать правительства разных стран и неправительственные учреждения, чтобы умножить усилия в поисках путей и возможностей для совместных действий во имя благополучия и счастья всех детей земли, их настоящего и будущего.

Палестинские дети... Лишенные родины, они живут в ветхих лачугах в лагерьях для беженцев, гибнут от пуль израильских оккупантов, остаются сиротами.

«Мы ненавидим войну!» — говорит эта палестинская женщина.

По данным, опубликованным в докладе Панамериканского бюро здравоохранения, только за последние 10 лет в Латинской Америке 7,5 миллиона детей погибли из-за отсутствия медицинской помощи.

В Бразилии 5 миллионов детей не могут учиться: не хватает школ, учителей, школьные учебники очень дорогие...

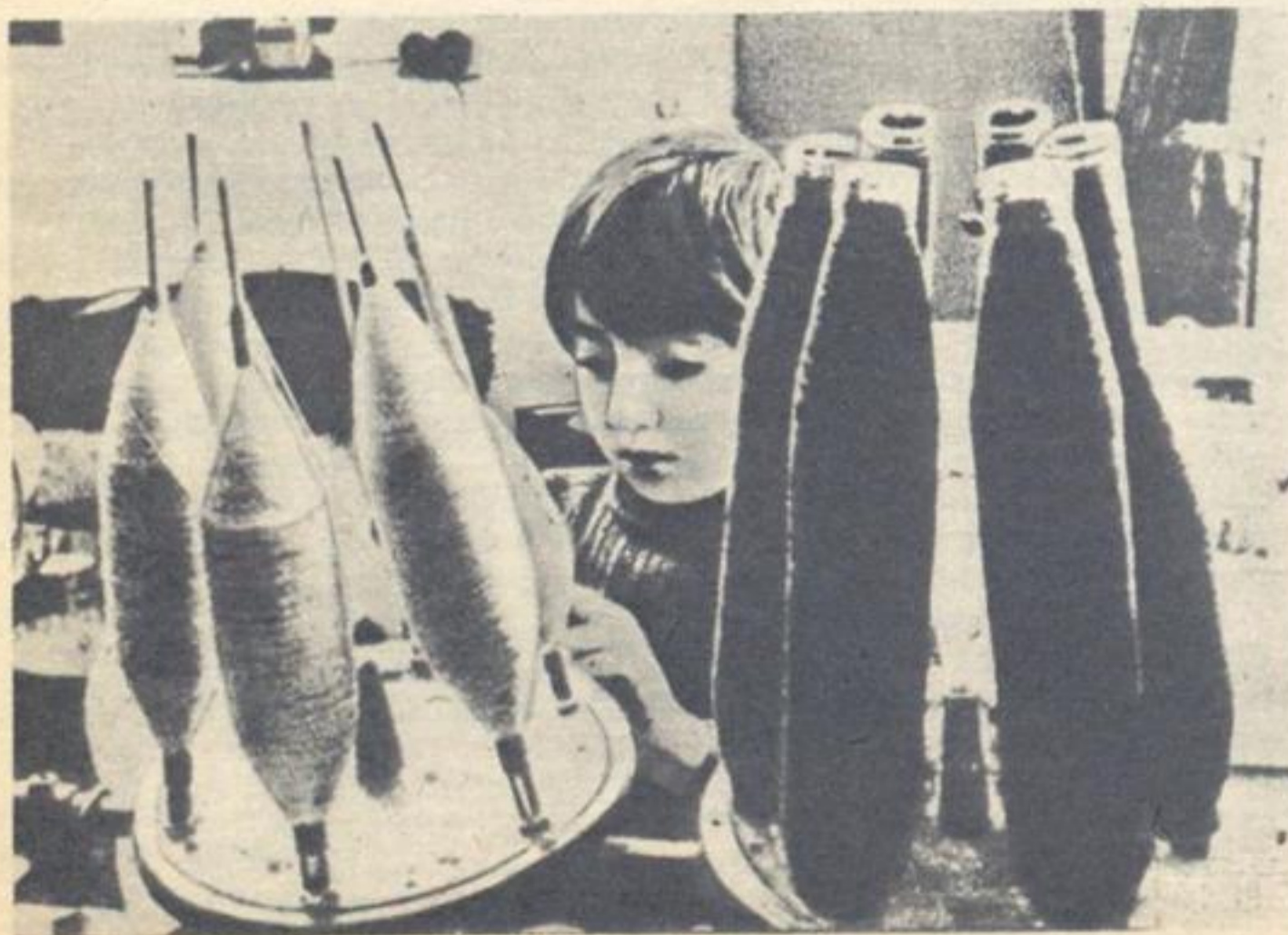
По данным Международной организации труда, 43 миллиона детей в мире работают, чтобы иметь средства к существованию. Среди них и этот бразильский мальчик.

В Италии насчитывается около 1 миллиона работающих детей (официальная статистика называет цифру 500 тысяч). В 1976 году здесь из-за несчастных случаев на производстве погибли 1100 детей, многие получили ранения и тяжелые увечья.

Этому маленькому итальянцу приходится зарабатывать, чтобы помогать семье.

Фото из журнала «Фюр дих».

ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

Шесть лет назад мечта стать журналистом привела меня из маленького городка под Калугой в столицу. Но, оробев от большого числа конкурентов, я даже документы не стала сдавать в МГУ, а поступила «пока» на электромашиностроительный завод имени С. М. Кирова, на «Динамо».

Не думала тогда, что моя мечта окажется вскоре какой-то «не моей», основанной не на знании жизни, а на удачном писании школьных сочинений, что найду я себя совсем в другом.

А пока я осваивала операцию под названием «изолировка». Цех, где работала, тоже назывался обмоточно-изолировочным и еще заготовительным. Весь завод со всеми прочими цехами, его роторы и якоря начинаются с наших катушек, с того ролика, что первое время все выскальзывало из моих пальцев. А наставница Клава Мошкова учила меня, помогала, называла Любочкой. Мне казалось, что умение приходит слишком медленно. Ей, наверное, трудно со мной, потому что я в себе не уверена.

От комсомольской организации завода послали меня вожатой в пионерлагерь. В моем отряде оказался мальчик по имени Юра и по фамилии Гагарин. Это был прекрасный, но совершенно невозможный мальчишка: энергия и неумная любознательность без конца ломали рамки дисциплины, в которых я пыталась его держать. Но я не сердилась. Скорее завидовала его раскованности, смелости, непосредственности. Рядом с ним я почему-то особенно чувствовала, насколько сама не такая.

И все-таки это было прекрасное лето. Но, вернувшись в цех, я поняла, как соскучилась по своей работе. Оказалось, это большое удовольствие — быстро и ловко делать то, что умеешь. Вот когда начали у меня вырастать крылья уверенности. Но следом вновь пришла неудача. Зря я взяла сразу такой темп, после перерыва в ритм надо входить постепенно. Руки за лето отвыкли от напряжения, растянулись связки. Врачи посоветовали переменить работу.

Меня перевели на участок намотки к старшему мастеру Анне Александровне Шалагиной. И Шалагина сначала мне не понравилась. Слишком прямо смотрит. И говорит резко, требовательно.

Но как же я ошиблась! Видела резкость — и не заметила постоянного стремления к справедливости, умения жить делом. Если какая-то деталь не идет, именно Анна Александровна обычно первой понимает, в чем дело, канавку ли на корпусе надо углубить, или разбить намотку на две операции и выполнять их на разных станках. Она внесла много рационализаторских предложений, все они просты и остроумны.

А для самой Шалагиной все это «рабочий момент». Она говорит:

— Когда спокойно живешь, ничего в голову не приходит.

Я спросила:

— А разве это плохо — спокойно жить?

— Кому, может, и хорошо. Да ведь я-то коммунист.

Теперь я понимаю: именно потому, что Анна Александровна жила беспокойно, нам всем хорошо работалось. Нравилось осваивать новые виды катушек, и мне их никогда не возвращали на доработку. И опять почувствовала: прибывает во мне уверенность.

Вскоре мне предложили стать во главе комсомольско-молодежной бригады. Подобрались хорошие, старательные девочки: Тая Носова, Лида Николаева, Оля Евдокимова, «студентка» наша, — она в техникуме учится, две Лиды Абрамкины, которые мало того, что двойные тезки, так еще и из одного города. Мы были патриотками участка, старались поддержать престиж своей бригады, все у нас ладилось, казалось тогда — мы все можем, давайте нам новые задания — сделаем. В эти дни я и подумала впервые о том, чтобы вступить в партию. Видимо, когда говорят «душевный и творческий подъем», подразумевают не только настроение. Это и буквальный подъем: вдруг берешь новую высоту.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ИЮНЬ 1977 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Л. Борисова

Мне рассказывали, как вступала в партию Любовь Ивановна Богданова, делегат XXV съезда КПСС. Ее бригада первой в цехе взялась осваивать новые станки. Станки несли облегчение — позволили механизировать процесс изолировки. Однако многие работники отнеслись к ним настороженно: новое-то дело поначалу всегда сложнее старого, недаром его надо осваивать. Вот и беспокоились, какой будет выработка, не скажется ли она на зарплате. А Богданова взяла ответственность на себя и свою бригаду. Помогла работникам преодолеть психологический барьер. После этого трое — сама Любовь Ивановна, Алла Иванкина и Екатерина Шустикова — подали заявления в партию.

Я чувствовала то же, что, видимо, чувствовали тогда они. К нашему мастеру, Анне Александровне, пришла со своей думой к первой. А она мне рассказала, как на завод приезжал Ленин. Было это в октябрьские праздники 1921 года. Владимир Ильич поднялся в нашем — сегодня таком старомодном — лифте, его хотели проводить в кабинет, но он сказал: «Скорее к рабочим». Выступление на митинге закончил так: «Крепче сжимайте ряды, и мы победим!»

Анна Александровна сказала тогда, как понимает эти слова: «В партии все мы чувствуем локоть друг друга, становимся сильнее, но каждый из нас должен жить и работать так, чтобы в партию вливалась его сила».

После митинга Владимира Ильича попросили сделать запись в «Красной книге», он написал: «С коммунистическим приветом! В. И. Ленин».

Думаю, и нас, нынешних динамовцев, ко многому обязывает коммунистический привет Ильича. Быть членом партии, им созданной, значит встать в строй, где первым — Ленин. На него равнение. И каждый день дополнять обычное понятие нравственного долга тем, что открывается тебе во время чтения и осмысливания Ленина.

Когда меня уже приняли кандидатом в члены КПСС, произошел такой случай. Внезапно привезли проволоку, которую нам долго задерживали поставщики. Надо было срочно сделать хотя бы 80 катушек, необходимых для выполнения производственного плана. Анна Александровна и парторг участка Мария Ивановна Уварова подошли ко мне:

— Люба, возьмишься? Очень нужно. Считай, что это партийное поручение.

Я сделала 120 катушек. Никогда так быстро и собранно не работала.

А потом вдруг подумала: а ведь то, что я сделала, — это же всего-навсего мое профессиональное дело. Вот Анна Александровна — настоящий коммунист. И я горжусь тем, что она дала мне рекомендацию в партию. Она и Мария Ивановна Уварова, которая четырнадцатилетней девочкой в 1942 году пришла на завод... А Антонина Петровна Золкина, Любовь Ивановна Богданова, Мария Григорьевна Смирнова? Разве потому только уважаю я их, что отлично работают? Та же Мария Григорьевна, председатель цеховой группы народного контроля, с какой дотошностью она вникает во все подробности работы цеха, некоторые ее за это даже недолюбливают. Она будет вымерять обрезки дефицитного материала: не велики ли? Ее волнует, что эти обрезки выбрасывают: а может, на другом заводе они могут пригодиться? Она в партком об этом написала, там стали звонить на другие предприятия. А я в своем «Комсомольском прожекторе» разве так работала? Рейд провели, «молнию» повесили — и вроде дело сделали. Вскрыли недостаток и успокоились.

На партийных собраниях я сразу же обратила внимание на требовательность коммунистов друг к другу и к себе. Опять невольно сравнила с комсомольскими собраниями: вроде бы и речь о том же, а страстей и пафоса в комсомоле даже больше было. Но так, словно мы последняя инстанция, от которой зависит дело, мы решать умели не всегда. А здесь люди брали на себя всю ответственность. И того же требовали от других.

Мне запомнилось собрание, на котором обсуждались обязательства нашего коллектива на 1977 год. Мы думали о резервах, о том, как экономить каждую минуту. И естественно, заговорили о наболевшем:

нам, намотчицам, приходится обрубать проволоку зубилом — это и непроизводительно и неудобно. На каком основании инструментальный цех считает, что виброножницы — это мелочь? Мы беремся подсчитать, какой убыток приносят производству эти зубила. Начальнику инструментального отдела пришлось держать ответ и как руководителю производства и как коммунисту. На справедливую критику инструментальщики ответили делом — изыскали резервы и изготовили для нас виброножницы.

Выступает тетя Маша Уварова и опять говорит о «дровах», обшивке из досок, в которой нам привозят барабаны проволоки. Часто изолировщица сама отдирает доски, и они захламляли и без того тесный участок. А сколько времени на это теряется? И Мария Ивановна добивается своего — барабаны проволоки начинают поступать без обшивки: ее снимают на складе. Но ушел из отдела снабжения человек, которого удалось «уломать» Уваровой, и все началось сначала. Я понимаю своего партгруппорга. Как члену «Комсомольского прожектора», мне приходится каждый день напоминать: надо лампочку потушить, станок отключить, электроэнергию экономить. Казалось бы, мелочи, — их каждую в отдельности легко исправить. Но, может, именно из-за того, что мелочи, они возникают снова и снова. И начинают казаться чем-то неизбежным и естественным, и бороться с ними вроде бесполезно. Но к лицу ли коммунисту привыкать к недостаткам?

Откровенно говоря, я пока еще не очень хорошо представляю, как бороться с тем или иным беспорядком. Если что-то зависит лично от меня, от моих собственных усилий, я с готовностью сделаю. А вот от кого-то потребовать еще не умею.

Взять такую беду намотчиц, как «концы». Мы мотаем проволоку на большой скорости, и если специально положенная бумажка не предупредит работницу, что скоро конец куска, то проволочный «хвост» может больно ударить. А бывает, что бумажки нет. Не могу понять, почему те, кто должен, не кладут эту бумажку. А мы, намотчицы, — страдающая сторона, даже не постарались выяснить, от кого поступают к нам такие барабаны.

Помню, читала я, как Ленин судился с одним сызранским купцом, который арендовал переправу через Волгу и никому другому не разрешал переправлять людей — заворачивал лодки обратно. И все терпели это самоуправство — и жители Сызрани и сами лодочники. А Владимир Ильич, оказавшись в этих местах проездом и лишь однажды столкнувшись с этими «порядками», по возвращении в Самару подал на купца в суд. И дважды ездил под Сызрань, где должно было разбираться дело. Но крючкотворы всякий раз откладывали дело в надежде, что молодому человеку надоест ездить за сто верст, причем без всякой для себя выгоды. Но Владимир Ильич приехал и в третий раз, и суд был вынужден вынести купцу приговор — месяц тюремного заключения. Владимиру Ильичу было тогда двадцать два года — меньше, чем мне сейчас!

Сама себе говорю: то Ленин. Но с другой стороны, он же просто был нетерпим к безобразию. Настоящий, принципиальный. Эти качества может развить в себе каждый. Так неужели я не смогу разобраться, кто подводит нас из-за своей халатности, недобросовестности!

Я пошла и выяснила, что барабаны без бумажек-«сигналов» поставляет подольский завод «Микропровод». С каждого бракованного барабана мы выписали рабочий номер его изготовителя и отправили этот список в Подольск. Может, усомнятся, наконец, работники, допускающие подобный брак? Может, строже станет относиться к своим обязанностям ОТК этого завода?

А недавно я пережила такое чувство, такой подъем, о котором хочется сказать словами поэта: «Я счастлив, что я этой силы частица». Обсуждали мы в бригаде постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Думали о том, какие возьмем социалистические обязательства. Спорили, прикидывали, считали. Считать было нетрудно. Ведь именно на нашем заводе появилась система повышения производительности труда, основанная на личных планах рабочих. Каждый рабочий знает, что лично он должен сделать за месяц, за год, за пятилетку. Каждый — в курсе технических мероприятий, которые обеспечат снижение трудоемкости на его рабочем месте. Так что свои резервы все видят наперед. Это сейчас называют динамовским методом планирования. Нормы у нас жесткие, и сделать что-то сверх плана непросто. Но мы прикинули все. В прошлом году создали задел месяца на три. Решили обучить друг друга некоторым приемам труда, — ведь у каждой есть какое-то свое умение, свое «открытие», позволяющее работать быстрее и ловчее. Есть такие приемы и у меня, однажды даже попросили рассказать о них на занятиях в школе коммунистического труда. Кроме того, каждая из нас научится работать на всех станках, и тогда бригада будет более «маневренная». Таким образом, задание двух лет мы сможем завершить к юбилею Великого Октября.

Раз десять перепроверили — ошибок нет. Потом оказалось: наша бригада третьей в цехе взяла такое обязательство. Кроме нас, бригады Л. Богдановой и П. Денисовой. В тот день я чувствовала: вот крупица и моей силы влилась в партию.

Л. БОРИСОВА,
бригадир намотчиц
завода «Динамо»

Москва.

Воскресенье ефрейтор Володя не поехал на лыжные соревнования, хотя был лыжником не слабее других. (Начальник заставы как-то под- считал, что все они проходят в месяц не менее трехсот километров, а это солидная тренировка!) И все-таки выступать от заставы послали не его. Он, видимо, годился больше для ежедневных утомительных переходов, где нет ничего показного, а все решает выносливость. Может, ему и в самом деле не хватало азарта, той нервной искры, которая вырывает из-под носа у противника последние метры.

...А на отрядном стадионе готовилась играть весь день духовая музыка! Финиш и старт отметят красными флажками; жены и дочери офицеров, наверное, станут дружно охать всякий раз, как победитель оборвет слабо натянутую шелковую ленточку.

Володе, лишенному праздника, стало настолько обидно, что он даже не захотел смотреть кино, хотя приехала передвижка и тотчас после завтрака на стене столовой принялись развешивать простыню. Он решил свою досаду «заесть километрами». Смешное выражение, перенятое им у одного из товарищей; оно натолкнуло, впрочем, на полезную мысль.

— Что к ужину? — спросил он повара, просовывая голову в дверь кухни.

— Гидрокурица, — ответил тот без тени юмора. — Треска.

— Ну, — сурово и загадочно пообещал Володя, — может, принесу чего и получше.

Он встал на лыжи, взял удочку и, сильно оттолкнувшись, помчался сначала по дороге, вдоль которой тянулись электрические провода в белом бисере, а потом по нетронутому полю.

Пахло молодым морозным одеянием земли; казалось, целая охапка цветов не могла бы источать более свежего дыхания. Снега играли перламутром. Красок на Севере мало, и поэтому они особенно приметны. Какое-нибудь розовое пятнышко величиною с ладонь способно задержать внимание на несколько минут; за ним следишь, пока оно не погаснет. Ведь красоту ценишь не там, где ее много, а где она редка. И если пропустил минуту, не заметил, не поймал — она уже для тебя потеряна. Должно быть, поэтому у северян такое великолепное сочетание постоянной бодрой деятельности и глубокой мечты — где-то на самом дне сердца. Жизнь на Севере каждый день берется с бою. Здесь надо уметь работать топором и иглой, не пропуская ни одной минуты, потому что природа не подносит ничего на раскрытых ладонях.

Ефрейтор Володя миновал замерзшее озеро, обогнул округлый холм и углубился в березовое криволесье: деревья стояли низкорослые и скрюченные, похожие на заглохший яблоневый сад. Зато их мелкие веточки блестели алмазной кожурой.

Удивительный покой снизошел на весь окрестный мир!

В этой стране снега и камня молчание казалось наполненным, а тишина не угнетала.

Минуты одиночества, столь нечастые теперь в жизни, встречаются обычно с тягостным недоумением; словно нам уже нечего делать ни с небом, ни с лесами. Нечего делать с самими собой. Но если перетерпеть эти первые пограничные минуты между суетой и углубленностью, то с тихим шелестом перевернется стра-

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

ница природы, испещренная живыми следами птиц и зверей, тенями веток, играющим светом на кольчатом дне реки...

Володя знал одну долинку, ближе к морю, закрытую с четырех сторон дикими скалами. Она лежала в стороне ото всех путей; в самую

холодную затяжную весну, когда кругом господствовали еще не стаявшие снега, на подступах к ней начинали уже попадаться прогалины с робкой травкой. А за крутой скалой неожиданно открывалась зеленая поросль брусники, и под ногами распускались скромные бутончи-

ки гром-ягоды. Тут уж лыжи на плечи — и пешком. Дышит Гольфстрим — теплая река океана.

Ефрейтор Володя спешил к своей долинке с такой стремительностью и напором, словно именно там протягивалась цветная ленточка первенства.

«Не худо прошел», — сказал он сам себе с одобрением. И это было последним отзвуком погаснувшей досады. Он уже не чувствовал себя отставным солдатом, который тоскует по месту в строю. Наоборот, он был одним из первых; не прося ни от кого подмоги, он будет стараться для всех. В этом и есть главная доблесть. Пусть даже она начинается с такой малости, как рыбная ловля. Главное — для всех, а не для одного себя.

И хотя то представление, которое складывается у нас о себе, почти всегда условно, но мы стараемся увидеть себя лучшими, а следовательно, приблизиться к идеалу современного человека, которому — осознанно или нет — пытаемся следовать. Идеал же этот — товарищество и неподкупность.

На исходе зимы трава, разумеется, не могла пробиться даже в заповедной долинке, да он и не ждал этого, но все-таки здесь было намного теплее. Ручей, свободный ото льда, прыгал и блеснул на солнце. Ефрейтор Володя расположился с удочкой.

Так протекли для него утренние часы.

В мире продолжала стоять удивительная тишина. Ничего не изменилось, разве только от Студеного моря лебединым ходом двинулись облака. Он поднял голову и смотрел на них до тех пор, пока им не овладела неясная тоска, похожая на первое брожение березового сока в стволе. Ему не захотелось вдруг больше ни ловить форель, ни любоваться долиной. И он двинулся в обратный путь, но не кратчайшей дорогой, а дал крюку, углубившись в редкий сосновый лес, тут же вспомнив, что уже был здесь однажды прошлым летом в белую ночь, когда все оживает: простертые руки сосен и бледные платья берез.

Неодетая земля источает запах прели; ручьи поют звонко, как и бессонные птицы.

Шел тогда, чувствуя, что задыхается от избытка весеннего воздуха. Во рту у него пересохло. Постучал в первый встречный дом: жилье здесь редко, и за сотни километров люди считаются соседями. Но Володя был новичком; деревянный дом с резьбой над окошками встал перед ним неожиданно. Поднялся на крыльцо, забыв, что сейчас ночь: он еще не привык к солнечным ночам. Это были первые белые ночи в его жизни. Сторожевой пес на длинной цепи подошел к нему и вместо того, чтобы залаять, потерся косматым лбом о колено.

Володя долго стучал, пока дверь не открыла девушка в накинутом на плечи пуховом платке. Одной рукой она придерживала его, вторую положила на щеколду. Глаза ее были широко открыты и совершенно сонны, она смотрела и не видела. Несколько секунд он стоял неподвижно, уставясь в эти распахнутые, не защищенные дневной осторожностью глаза. Свет и тьма витали в них, как остатки сновидения.

Он просит воды? Она отступила на шаг и пошарила за дверью. Казалось, даже поза ее не переменилась, а в руке сам собой возник

жестяной ковшик с плавающими в нем ягодами моченой брусники.

Он выпил и поблагодарил. Она медленно прикрыла дверь, так и не проснувшись. Петля звучно мякнула; пес лениво зарычал, но тотчас смолк и проводил гостя вдоль двора во всю длину своей цепи. Ночь была полна росы и прохлады. Только что взошедшее солнце извилистым лучом блеснуло на темном стекле. Дом спал. Девушка спала. Он постоял, охваченный острым чувством благодарности, такой же туманной и беспредметной, как и юная жажда любви, которая пробивается ранней весной подобно тонкому ручью со дна оврага.

Он увидел ее еще раз на исходе лета. Она шла из лесу с двумя полными ведрами морошки и под мышкой, неловко прижимая к боку, несла охапку свежих, только что сломанных веток.

— Зачем ветки? — спросил он. — Для бани?

Она ответила:

— Для красоты.

Он взял ведра и проводил ее до дома. Ветки несла она сама, спрятав в них горячие щеки.

День был воскресный; его напоили чаем с грибным пирогом.

Мать сокрушалась, что вот кончается лето и дочка снова уедет на учебу. Младшая сестра с независимым видом, сквозь который явственно проступала зависть, старалась даже не смотреть в сторону старшей. А он сидел печальный и скованный: девушка его не узнала! Она обращала к нему ясный, дружелюбный взгляд, а он был в отчаянии, потому что их ничего не связывало, хотя бы общее воспоминание. Она уже и сейчас была от него за тысячу километров, в каком-то незнакомом городе, среди неизвестных ему людей...

Каждое чувство самодержавно, даже простая симпатия. Раз человек нам понравился, мы бессознательно присваиваем права на него и чувствуем себя оскорбленными, почти обкраденными, если он поступает согласно своим, а не нашим стремлениям. С этим деспотизмом внутри себя надо бороться, как и с любым деспотизмом. Хотя бы во имя собственного достоинства: ведь любой деспотизм — показатель ограниченности.

Прошло довольно изрядное время, пока Володя примирился с сознанием, что то, что для него значило так много, для нее могло еще не значить ничего.

...Он покружил вокруг дома, не осмеливаясь войти. Пес приветственно твякнул несколько раз и улегся поперек заснеженного крыльца; хозяев не было дома.

Зимние сумерки овладевают землей внезапно. Сначала они выются над кронами деревьев, путая их между собой, потом начинает темнеть снег на дороге. И вдруг в какую-то секунду, моргнув глазом, видишь, что мир абсолютно перевернулся: все стало двойтаться и тройтаться в глазах. Потерялась устойчивость, и в этом новом расплывчатом мире чудеса возможны гораздо более, чем в полной темноте.

Володя всю дорогу до заставы промечтал о том, что навстречу ему неизвестно откуда, — может быть, из смуглеющих снегов — появится девушка с ворохом зелени. Он не видел в этом ничего невозможного. Все в жизни должно иметь непременно счастливый конец — таково убеждение юности, а Володя был молод!

ВСЕГДА

”Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

Дорогие Евгений Иванович, Анна Георгиевна, Валентина Ивановна и все-все-все!

Поздравляем вас с праздником Первомай, желаем здоровья, бодрости, плодотворной работы и успехов в вашем благородном деле. Близится День Победы, который для вас участников Великой Отечественной войны, особенно дорог. Примите наши поздравления с этим прекрасным днем.

Мы чувствуем себя хорошо, очень хотим приехать в «Кирицы» повидаться с вами. Надеемся выбраться в конце лета, так что — до встречи!

Всегда и неизменно ваши дети — Маша, Петр, Виталий».

Открытка лежала в истории болезни.

— Много у вас таких? — спросила я.

Евгений Иванович колдовал над какими-то счетами и ответил не сразу:

— Трудно сказать... сотни, а может быть, и тысячи.

— Но почему в истории болезни?

— Ну, это ведь тоже свидетельство настроения и состояния, так сказать, нынешний статус пациента. Надо бы завести специальный архив, да все руки не доходят. Вот сдадим новый корпус...

Седой, моложавый, подтянутый, он смотрел на меня так, как смотрят люди, чьи заботы постоянны и непреходящи. И я уже знала, как зорки эти глаза, как умеют заметить не только пятно или соринку в нарядных, ухоженных палатах и лечебных кабинетах, но и уловить почти неприметный сбой настроения маленького пациента...

На лацкане пиджака Евгения Ивановича Посельского, главного врача детского санатория «Кирицы», Почетный знак заслуженного врача РСФСР. Посельский награжден орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями, но знак — свидетельство высшей, если можно так сказать, врачебной доблести. Тридцать два года работает он в «Кирицах», и неоспорима заслуга главного врача в том, что добрая слава здравницы шагнула далеко за пределы Российской республики, что сюда приезжают со всех концов страны смотреть, учиться, перенимать опыт и методику работы самые различные специалисты, от научных сотрудников до поваров.

За окном неумолчный птичий щебет, синее небо и горьковатый запах свежей зелени...

Места здесь прекрасны. Великолепный парк с мощными каштанами и старыми березами, пруды, аллеи... Просторное белое здание с грациозными башенками и балконами — бывший дворец барона фон Дервиза...

Однажды в Госфильмофонде мне довелось увидеть кинокадры 20-х годов: первые пациенты туберкулезного санатория, открытого в бывшем княжеском дворце. На огромной террасе, у мраморных колонн, — изможденные люди со впалыми щеками — металлисты, шахтеры, крестьяне. Они стоят, смущенные окружающим великолепием, подняв, как мандаты, свои путевки. «БЕСПЛАТНО!!!» — гласил субтитр, и краткое это слово рассказало о духе и

И НЕИЗМЕННО

СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ—
ГОД ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

Л. НЕМЕНОВА

завоеваниях Октября не меньше, чем про-
странные речи...

Такие же кадры можно было снять здесь, в
«Кирицах», где в тридцатых годах оконча-
тельно утвердился детский санаторий для лечения
внелегочных форм туберкулеза.

Туберкулез—бич Российской империи, про-
званный в народе «ползучей смертью»... Не-
истребимое социальное зло, косившее и взрос-
лых и детей. Понадобилась коренная пере-
стройка жизни и быта народов Советской
страны, огромный труд работников здравооу-
хранения, чтобы ТБС из проблемы социальной
превратился в сугубо медицинскую.

— Сколько же тут вылечили детей?

— Более шести тысяч.

Целая армия ребят, которых привозили в
колясках, приносили на руках, укладывали на
ортопедические кровати, сковывали на долгие
годы гипсовыми корсетами, вернулась к нор-
мальной жизни, обрела все, что делает бытие
человека насыщенным и полноценным.

— Сейчас все изменилось,—говорит Евге-
ний Иванович.—Туберкулез стремительно по-
шел на убыль. И мы получили возможность
открыть новые отделения: глазное и урологи-
ческое, заняться лечением лимфоузлов и таки-
ми костными заболеваниями, как остеомиелит,
болезнь Пертеса, остеохондроз, хотя они и не
имеют отношения к туберкулезу.

Жизнь стала другой—это самое главное. Но
и методы лечения изменились. Раньше боль-
ные находились у нас целую вечность—шесть,
а то и десять лет. Лечили в основном консерва-
тивными методами. С середины пятидесятих
годов мы взяли курс на комплексность: сана-
торно-ортопедическая и антибактериальная
терапия с включением хирургических методов
лечения, физио- и азротерапия, массаж, лечеб-
ная физкультура, рациональное питание... Нам
помогают специалисты из Московского научно-
исследовательского института туберкулеза
Минздрава РСФСР; вот и теперь старший
научный сотрудник Валентина Сергеевна Бе-
касова обучает врачей методике сложных опе-
раций на позвоночнике, коленных и тазобе-
дренных суставах. Вообще комплексный метод
позволяет сравнительно быстро погасить ту-
беркулезный процесс: дети выписываются из-
леченными уже через шесть месяцев, макси-
мум—полтора года.

...Звонит телефон. Приносят на подпись бу-
маги. Сестра докладывает о поступлении но-
вых больных. Обсуждают меню будущей неде-
ли. Кто-то сообщает, что на одном из заводов,
«если поднажать», можно заказать ортопеди-
ческие кровати.

На утреннем врачебном обходе я видела эти
кроватьи—высокие, на колесиках, старательно
подновленные. На них лежали дети с учебни-
ками и тетрадами в руках, учитель писал
что-то мелом на большой доске. Ребята держали
приветливо и свободно и, кажется, поти-
хоньку подсказывали мальчишке, который го-
товился отвечать урок.

«Ходячие» занимались в просторных классах
небольшими группами по 7—15 человек. В
санатории функционирует десятилетка для де-

тей. Малыши—на попече-
нии воспитателей. Дети
живут в палатах, в основ-
ном по двое и четверо,
«жилплощадь» на каждо-
го—около семи квадрат-
ных метров...

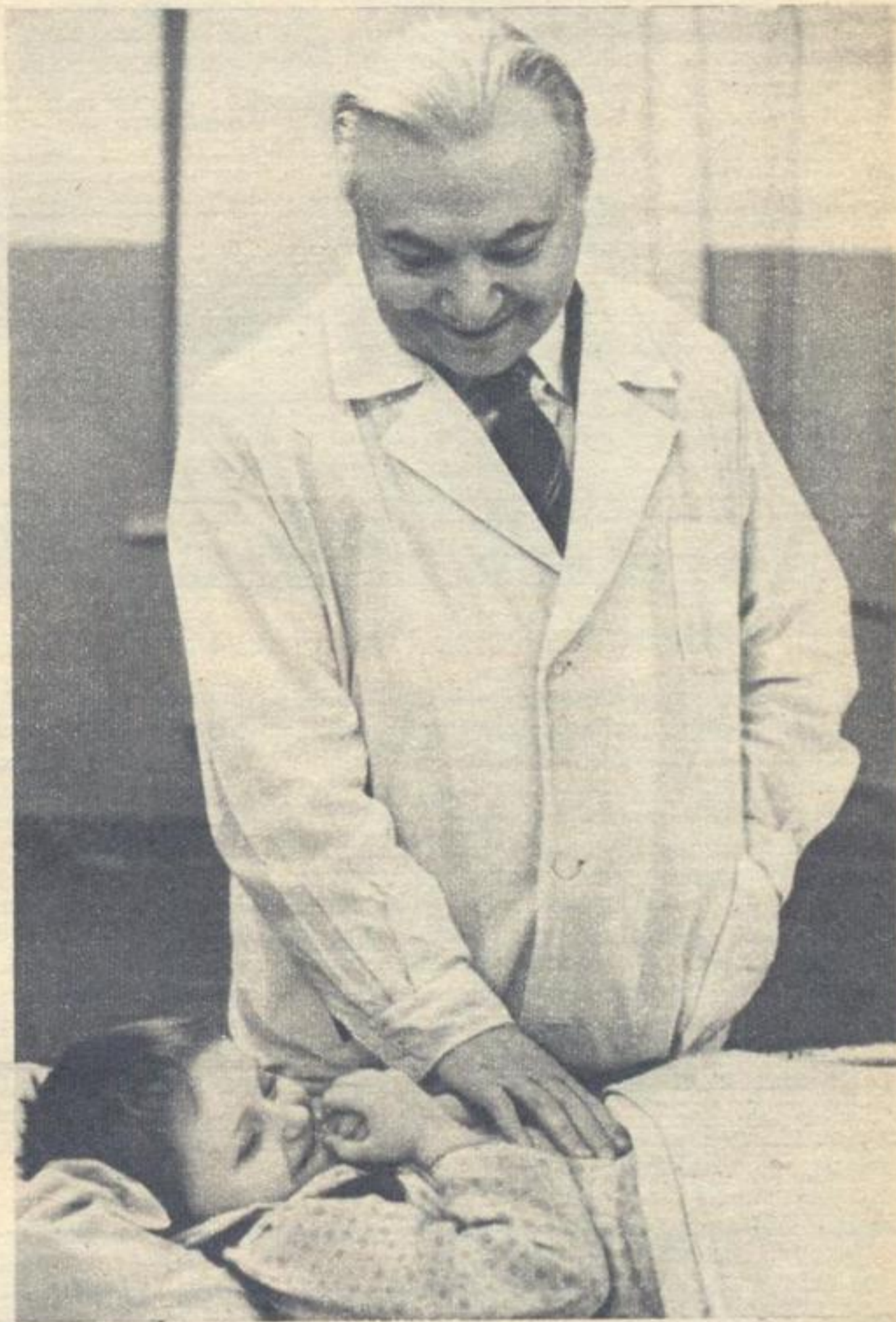
Мы обходили спальни,
классы, кабинеты. Неиз-
менно ласковый с детьми,
Посельский, что называет-
ся, не давал спуску персо-
налу—каждое, даже са-
мое незначительное упу-
щение отмечалось и под-
черкивалось.

Однако замечания эти
не вызывали раздражения
или обиды: недосмотрели—
исправим... Когда за
нами захлопнулась дверь
корпуса, Посельский убе-
жденно сказал:

— Золотые люди! Тре-
буем по максимуму и сверх
максимума... Бывают, ко-
нечно, исключения, но в
принципе народ прекрас-
ный.

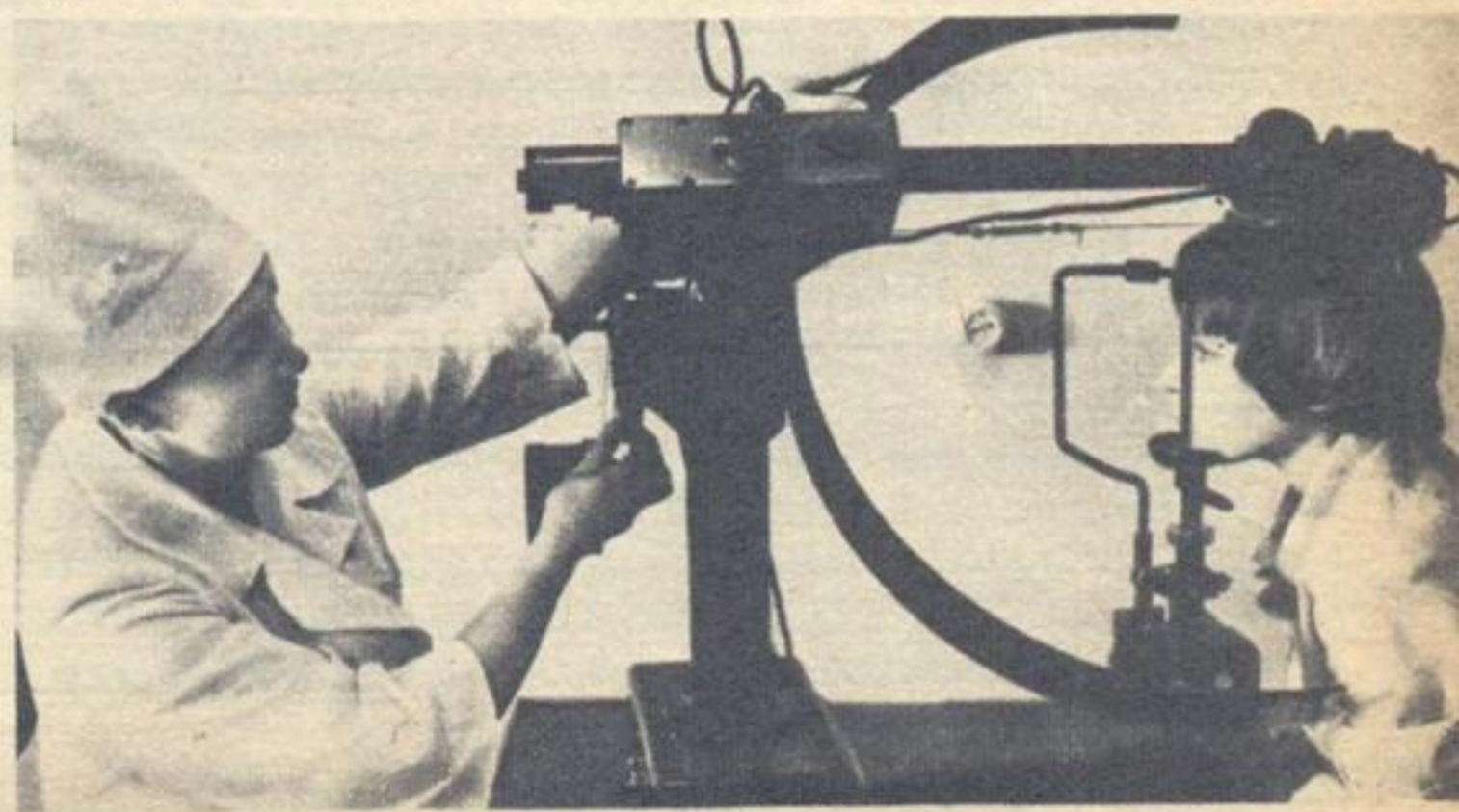
Судьба работников—
врачей, сестер—прочно
связана с «Кирицами».

— Я пришла сюда во-
семнадцатилетней девоч-
кой после Рязанского ме-
дицинского училища,—
рассказывает старшая се-
стра санатория, сек-
ретарь парторганизации
Зинаида Матвеевна Корку-
нова.—Все, чего достигла,
чему научилась, дали мне
здесь, в «Кирицах»... Толь-
ко я тут далеко не един-
ственная с двадцатилет-
ним стажем, другие и по
тридцать с лишним лет ра-
ботаю... Вот, пожалуйста,
старшая хирургическая се-
стра Анна Георгиевна Ле-
вина—с сорок пятого, вос-
питательница Валентина
Ивановна Мелешкина—с
сорок седьмого... Обе уча-
стницы Великой Отече-
ственной войны. Санитар-
ка Надежда Семеновна
Масликова—с сорок вось-
мого... Таких людей, спе-
циалистов таких поискать!
Они, можно сказать, с са-
наторием самые трудные
годы прошли. Я уж не гово-
рю про послевоенное вре-
мя, но ведь если сравнить
нынешний санаторий даже
с тем, что был в пятьдесят
шестом,—это день и ночь!
На кухнях тогда стояли
дровяные плиты, ни горя-

Главный врач санатория Евгений Иванович Посельский с маленьким пациентом.

Заведующая глазным отделением Людмила Ивановна Володькина ведет прием.

А ты читал эту книжку?

чей воды, ни раковин в палатах. Потом провели газ, на месте старых развалюх выстроили клуб, столовую, прачечную, теплицу для ранних овощей. Наши дети в январе зеленым лучком да огурчиками похрустывают! В семьдесят седьмом войдет в строй новый корпус на сто мест—загляденье! Создан по специальному проекту—сколько клиник и здравниц Евгений Иванович объездил, пока нашел «наш», оптимальный вариант! Государство ассигнует миллиарды на бесплатное лечение, питание, оздоровление своих граждан, а для детей, сами знаете, ничего не жалеет. Дело нашей партийной, гражданской совести, чтобы каждая народная копейка использовалась с наибольшим эффектом...

Скоро наши «Кирицы» станут республикан-

ским центром лечения внелегочных форм детского туберкулеза. Проектируется лечебно-диагностический корпус с новейшим медицинским оборудованием, бассейном, душами, большим гимнастическим залом. В ближайшее время начнется строительство биостанции по очистке сточных вод, новой котельной.

Надо сказать, кто приходит сюда на работу, редко покидает «Кирицы», тем более у нас и с жильем неплохо: построено два дома на 48 и 68 квартир, пять восьмиквартирных да пять одноквартирных... Но, поверьте, дело не только в жилье и удобствах—страна велика, можно найти и получше. Дело наше затягивает, вот в чем секрет. Поставить больного ребенка на ноги—такая радость, что никакие трудности ее не замутят...

В 1976 году в домах отдыха, санаториях и других здравницах Советского Союза побывало 48 миллионов человек—в два с лишним раза больше, чем в 1970 году.

Сейчас в нашей стране около тысячи профсоюзных санаториев, пансионатов, домов отдыха, свыше двух тысяч санаториев и профилакториев, принадлежащих предприятиям и организациям, а также около девяти тысяч заводских баз отдыха, спортивно-оздоровительных лагерей.

До революции, в 1913 году, в России было всего 14 детских санаториев на 300 коек. В 1939 году их стало уже 957 на 95 тысяч коек, в 1960-м—1106 на 120 тысяч, в 1970-м—1183 на 154 тысячи коек. В 1975 году в стране действовало 1219 детских санаториев, число мест в которых достигло 162 тысяч.

За годы девятой пятилетки в организованных профсоюзными пионерских лагерях побывало около 46 миллионов детей. На их содержание израсходовано более двух миллиардов рублей. В 1976 году пионерские лагеря приняли почти десять с половиной миллионов ребят—четверть всех наших школьников.

— Вы видели, как танцуют воспитанники Валентины Ивановны Мелешкиной?—спросила меня Анна Георгиевна Левина.

Высокая, в белоснежном халате, с озабоченным добрым лицом, она будто сошла с известной картины художника Б. М. Неменского «Сестры наши». Когда я сказала ей об этом, Анна Георгиевна улыбнулась.

— Ну что вы... картин мало, сестер много. А вот такие танцы, как у нас, действительно не часто увидишь.

— Почему?

— Так они ведь лежа танцуют! У нас традиция: на празднике дети выступают перед своими товарищами. Каждый рад показать свое мастерство. Но плясать лежащие ребята не могут. А ведь хочется! Валентина Ивановна предложила: пусть наряжаются в национальные костюмы и танцуют пока на койках—руками, мимикой... Удивительной пластики достигают дети. Тут одна девчонка лечилась, руки как у индийской танцовщицы, честное слово! Все твердила: буду балериной! А ведь в принципе желание ее исполнимо. Говорят, одна из наших известных балерин в детстве болела костным туберкулезом...

Да, дети в «Кирицах» ни в какой степени не чувствуют себя ущербными. Как их здоровые сверстники, они учатся в школе, участвуют в общественной жизни. Кино, концерты, спектакли—все это они видят у себя в санатории. Интерес к жизни, тренированная воля, умение мобилизовать себя не меньше лекарств и процедур способствуют выздоровлению.

С какой готовностью, с какой самоотдачей работают врачи, педагоги, воспитатели санатория!

Здесь знают цену постоянному взаимному контролю и обмену опытом. На совете сестер (им руководит Анна Георгиевна Левина) обсуждаются насущные вопросы сестринской работы. Проводятся медико-педагогические совещания, врачебные конференции, а также бригадные собрания, на которых обязательно присутствуют врач, учитель, воспитатель, сестра и санитарка участка или палаты. Такое коллективное обсуждение помогает увидеть полную картину работы, вовремя заметить упущенное.

Конечно, далеко не все и не всегда идет гладко: большое дело—большие хлопоты. Но там, где работают и мыслят по-хозяйски, в конечном итоге получается хорошо.

Красивая мебель, яркие занавески, ковры, веселая посуда, игрушки в санатории не только выполняют свои прямые функции, они—средства эстетического воспитания. Ребенку необходима многообразная красота—природы, интерьера, личных вещей. Больным детям это нужно вдвойне.

— С той минуты, как ребенок поступает в «Кирицы»,—говорит Валентина Ивановна Мелешкина,—мы стараемся ввести его в дружный коллектив. Дети часто приезжают к нам избалованными, педагогически запущенными—родители потворствовали больному ребенку во всем. Бывает, ребята плачут, без конца пишут домой... А через неделю, глядишь, уже играют, разговаривают со сверстниками, привыкли. Вернувшись домой, ребята скучают не только по друзьям, но и пишут письма врачам, педагогам, сестрам, нянечкам, приезжают повидаться, как в родной дом...

«Неизменно ваши дети»,—воспомнила я подписи на поздравительной открытке.

Хорошее слово—«неизменно»...

НА ВКЛАДКЕ:

В санатории «Кирицы».

Эта девочка из далекого города Находка скоро вернется домой. Никогда не забудет она Валентину Ивановну Мелешкину (слева), Анну Георгиевну Левину и других добрых, заботливых людей, возвративших ей здоровье.

Фото Н. МАТОРИНА.

В. НЕЧИТАЙЛО. НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ.

Фото А. ПАШИНА

КАЛУЖАНКА

Есть удивительные судьбы. Не тем удивительные, что изобилуют событиями, поворотами из ряда вон выходящими. Вроде живет человек как все, но если пересказать его жизнь шаг за шагом, то окажется, что все в его биографии до мелочей совпадает с биографией страны, словно специально так складывалось, что именно в этой судьбе с наибольшей полнотой воплотился образ Времени.

Александра Ивановна Демидова как раз и принадлежит к числу людей, которые смело могут повторить вслед за поэтом: «Это было с бойцами или страной, или в сердце было моим». Для начала просто заглянем в ее анкету. Такие хранятся в любом отделе кадров. Итак:

Год рождения—1917.

Происхождение—рабоче-крестьянское.

Образование—высшее.

Занимаемая должность—председатель исполкома Калужского областного Совета депутатов трудящихся.

Правительственные награды: орден Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени.

Еще одно чуть было не упустила: место рождения. А между тем родилась Александра Ивановна здесь, в Калужском краю, в деревушке Старые Утки, что неподалеку от старинного гончаровского имения Полотняный завод. А школа, куда она вместе с другими деревенскими ребятами бегала учиться, была в гончаровском доме, так что дух захватывало при мысли, что вот эти самые половицы хранят бесценный пушкинский след.

Вам, может, странным показалось, что происхождение у Александры Ивановны и рабочее и крестьянское. А ведь именно так оно и есть—через черточку. С материнской стороны все предки Александры Ивановны рабочие—на Полотняном заводе, при машинах бумагоделательных состояли. А по отцу она исконная крестьянка. Так что человек родовой и корнями своими по праву гордится.

Отец, который сам в молодости не смел и мечтать о грамоте, был несказанно рад, что его

детям Советская власть предоставила возможность учиться. Один сын выучился на летчика, другой на землеустроителя. А дочь Шура поступила в сельскохозяйственный техникум. И отец был доволен, что вернется дочка в родной колхоз ученым человеком.

Когда Шура окончила техникум, ей не было еще и восемнадцать лет. Ее послали работать в контрольно-семенную лабораторию. Начался ее трудовой путь. Пролетал он по родной калужской земле, которую исходила она вдоль и поперек. Именно исходила, а не изъездила, потому что когда вернулась после войны с двумя маленькими детьми из эвакуации в спальный дотла родительский дом, то направили ее агрономом в МТС. А хозяйства были мелкие, а бездорожье лютое, а транспорта никакого. Шагай-поспевай, агрономша! И она поспевала.

Началось объединение малых хозяйств. Александру Демидову избрали председателем колхоза с символическим названием «Светлый путь».

— Вот тут-то я перепугалась всерьез. Шутка ли—такое хозяйство, а у меня опыта руководящей работы нет, до райцентра сорок верст. От растерянности написала письмо прямо секретарю обкома партии: посоветуйте, мол, поддержите. И секретарь (Борис Иванович Панов у нас тогда был) мне таким письмом ответил, что я его до сих пор наизусть помню. Мол, поможем, конечно, не робей. Но, главное, сама учись. Людей отличай, подхалимов не слушай, набирайся ума-разума, копи золотой запас, который тебе очень пригодится, где бы ни работала.

Год был тяжкий. Деревня той поры достоверно отражена в фильме «Председатель». Вот все точно так было и в хозяйстве, доставшемся Демидовой. Когда перебирает Александра Ивановна итоги далекого года, на глаза невольно наворачивается слеза: по пятьсот граммов зерна выдали людям на трудодень да по два килограмма картофеля, а в колхозную конюшню, долгие годы пустовавшую, купили двадцать восемь лошадей. То-то было радости!

Вскоре Александру Ивановну избрали секретарем райкома партии—сначала вторым, потом первым. И здесь отдавалась она работе сполна, от ответственности не уклонялась. Но, соразмерив свои силы с делами, требовавшими от нее оптимальных решений, почувствовала, что знаний для этого маловато. Попросила направить ее учиться. Так стала Александра Ивановна студенткой в один год с дочерью. Училась в Высшей партийной школе в Москве.

После ВПШ опять секретарствует, теперь в Тарусском районе. А это район особый. Не зря Тарусу калужской Ливадией называют. Население летом увеличивается в два раза, и всех накормить надо, и об удовлетворении духовных запросов позаботиться. Но, видимо, справлялась Демидова, если три года спустя избрали ее секретарем обкома партии, а еще через год—на теперешний пост, который доверяет ей народ вот уже четырнадцать лет.

Необъятен круг забот председателя облисполкома. Спросите Демидову, и она, не заглядывая в справочники, скажет, когда какая дорога построена в области, когда выпустил первую продукцию Калужский турбинный завод, в какие страны мира поставляет он свои турбины (это из Калуги-то, про которую раньше только то и слыхивали, что изготавливают здесь воск и пеньку), сколько пианино и аккордеонов в год производит знаменитая фабрика музыкальных инструментов «Аккорд».

Каждый новый дом в самой ли Калуге, в райцентре ли памятен ей, как дитя родное. Троллейбус пошел от вокзала в центр города—душа радуется. Мост перекинулся через Оку—и сегодня свежи хлопоты и волнения, с ним связанные. Первоклассное шоссе связало Калугу с Киевом и Одессой, превратился в промышленный центр заштатный Боровск, в Обнинске, бывшем уездном городишке, проходит передний край науки, один за другим открываются и в Калуге научные и учебные институты всесоюзного значения.

Нет, не просто на ее глазах, не только на ее памяти одна из самых отсталых российских губерний превратилась в одну из высокоразвитых областей центра России. Но и ее усилиями.

На долю Демидовой выпало участвовать в преобразении родного края. Правда, когда в одной газете поместили на первой странице ее фотографию и заголовок над ней: «Хозяйка области» — ух, и сердилась же она: «Что за слова такие? Народ у нас хозяин, народ, а мы, депутаты, его волю исполняем, все вместе, все, кого народ выбрал в свои Советы. Потому и комитет называется исполнительный».

Но с подлинно хозяйской заинтересованностью, рачительностью вникает Александра Ивановна во всякое дело. Я поехала вместе с ней по области, при мне она разговаривала с людьми, я сидела на ее депутатском приеме, слушала ответы на нескончаемые телефонные звонки и не переставала дивиться ее спокойной уверенности, обширности знаний, способности проникнуть в самую суть вопроса. С директором совхоза она вела речь о производстве свинины, и это был разговор двух специалистов, а потом она корила начальника дорожного ремонтно-строительного управления за состояние дороги, по которой мы с ней только что приехали, и мне показалось, что вопрос обсуждают инженеры-дорожники; заехал по делам директор бумагоделательной фабрики, и она расспрашивала его о новом оборудовании и о том, куда девать старое, проявляя при этом такую осведомленность, будто на каждой из этих машин проработала не год и не два. И вот таким образом в течение одного лишь дня: про лесостроительство и про спортивные сооружения, про интерьеры в новом детском саду и про условия труда на стекольном заводе, про калужские древности, которыми порой не дорожим так, как следовало бы, и про организацию продленного дня в школе, про сельские столовые...

Но самое главное, что при решении всего обилия этих вопросов для Александры Ивановны на первом месте всегда стоит человек: для него надо, чтобы свинина была нежирная и в достатке, чтоб на Кондровской фабрике не упустили из виду производство бумажных пеленок, а на комбинате синтетических душистых веществ перевели женщин с вредных работ на другие.

В Ферзикове на сессии районного Совета выступал молодой директор совхоза. Горячился, не остерегался резких слов, сердито поглядывал на Александру Ивановну, сидевшую в президиуме, словно все его претензии были обращены лично к ней. «Если, — говорил он, — не создадим людям нормальных условий, — побегут». Александра Ивановна тут не выдержала: «От хорошего директора не побегут». А он свое: «Побегут, Александра Ивановна, еще как побегут туда, где квартиру дадут с водопроводом». Потом, в перерыве, слышу, Демидова говорит председателю райисполкома: «Ты что надулся-то? Вот на таких и опирайся, таких и держись. Такие-то о деле и болеют».

Как-то приехала Демидова в один дальний сельсовет. Председатель — женщина. Двадцать лет без нее ни одно событие не обходится: женится ли человек, родится ли у него ребенок — все к ней. Заходит Александра Ивановна в сельсовет — чистота, уют, цветы. Выходит с председательницей на сельскую улицу — опять любитесь: такой везде порядок. Демидова хвалит председательницу и говорит: «Хочется посмотреть, как сама-то живешь. К тебе в гости нельзя?» Видит: так и залилась краской женщина: «Пол у меня провалился, а муж — инвалид, чинить некому».

Приехала Демидова в райисполком, пристыдила кого следует и не успокоилась до тех пор, пока новый дом той председательнице не построили.

Однажды я спросила у Александры Ивановны, каково ей руководить сотнями мужчин, которые и сами-то руководители немалого масштаба. Она хитро прищурилась:

— А очень просто. По-женски. Я и в своих резолюциях всегда пишу: «прошу».

Я была свидетелем одной такой «просьбы». На депутатский прием к Демидовой пришла работница с Кондровской бумагоделательной фабрики. Долго и сбивчиво рассказывала, как проработала она на одной машине двадцать шесть лет и вот подала заявление на пенсию, а тут как раз приспособление одно к машине сделали. Возросла производительность труда, а с ней и зарплата. Ну она тут же и передумала, решила хоть год еще поработать, а директор заявление ее уже подписал и обратный ход делать не хочет, говорит: «Я уже новую работницу на твоё место поставил».

Женщина волнуется, ей все кажется, что речь ее темна, что обиду ее не поймут.

— Да ты не забудь, запиши куда следует, — возвращается она уже с порога.

Когда Демидова распорядилась, чтобы соединили ее с директором фабрики, а помощник сообщил, что директор сейчас как раз по делам в Калуге, я думала: ну, не миновать грозы. Но вот зашел в кабинет этот директор, Александра Ивановна выслушала его резоны, не слишком-то убедительные, встала, подошла к нему, заглянула прямо в глаза.

— А я вас очень прошу, разберитесь по-человечески. Чтобы и производству не в ущерб и чтоб не ушла она от вас с такой болью в душе. Не может быть, чтобы не было выхода. Ну, пожалуйста.

— Хорошо, Александра Ивановна.

Но я уже знаю, что на следующий день Демидова позвонит и спросит, чем дело кончилось. И не отступится до тех пор, пока не добьется того, что считает справедливым.

Вообще депутатский прием Демидовой в высшей степени поучителен. Я спросила, как у нее терпения и души хватает принимать на себя лавину человеческих забот, которая всякий раз на нее обрушивается (с радостями-то мало кто ходит). Она ответила строго и без всякой позы:

— Человек от меня должен уйти с сознанием, что его поняли, что Советская власть — его власть.

Среди неисчерпаемых забот Демидовой есть особая, не оставляющая ее ни на час:

— Когда меня избрали на этот пост, слово себе дала. Уж коли мне, женщине, выпало занять место в этом кабинете, буду решать женские вопросы сколько сил хватит, — усмехается, — с использованием служебного положения. А то ведь так бывает. Величаем женщину: молока больше всех надоила или полотна наткала. Молодец, хвала мастерице! Она-то молодец. Но ведь ее не только величать надо, а конкретную заботу о ней проявлять — улучшать условия ее труда, быта. Думать о том, чтобы та же доярка на работе была одета и удобно и красиво, чтобы была у нее возможность в красном уголке отдохнуть и под душем после трудового дня освежиться. Вместе с недавно созданной в облисполкоме депутатской комиссией по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства мы детально продумали все направления по решению этих проблем.

А несколько лет назад по инициативе Демидовой постоянная комиссия по здравоохранению разработала положение о соревновании среди сельсоветов по благоустройству и санитарному содержанию населенных пунктов. Дважды за последнее время докладывала Александра Ивановна о благоустройстве сел на бюро обкома партии, и бюро принимало специальные решения по этому вопросу.

О результатах дела красноречиво свидетельствует такой факт: вот уже третье полугодие подряд завоевывает Калужская область переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за лучшее проведение работ по благоустройству и санитарное содержание городов и населенных пунктов.

Сегодня в центре внимания калужских партийных и советских организаций — претворение в жизнь социального плана развития области, с которым связано преобразование калужского Нечерноземья. Недавно на совещании областного партийно-хозяйственного актива, посвященного этому вопросу, говорилось о том, что уже сделано. Александра Ивановна тогда с удовлетворением для себя отметила, что постоянная депутатская комиссия, занимающаяся вопросами сельского хозяйства, поработала на совесть.

В Калужской области вместо сотен крохотных, разбросанных и полузаброшенных деревень предстоит создать триста крупных усадеб.

— Представляете, что это такое? — загорается Демидова. — Триста крупных усадеб — это основа, на которой мы создадим новую жизнь в нашем Нечерноземье. Изменится труд и быт селян. Построим крупные животноводческие комплексы. Это позволит уже к 80-му году полностью завершить процесс механизации доения, раздачи кормов и очистки ферм. Повсеместно введем двухсменную работу, и у всех доярок будет нормальный рабочий день. Сегодня мы уже смогли обеспечить двухсменку, но лишь на части ферм.

А возьмем детские сады и ясли. Ну что можно сделать, когда во всей деревне десяток домов, а малышей в них по пальцам перечесть? Идет мать на работу, а душа у нее неспокойна. Только треть сельских ребятшек обеспечиваем мы сейчас садиками. А к концу пятилетки уже восемьдесят процентов дошколят на селе будут в яслях и детсадах: при каждой центральной усадьбе построим детские учреждения по всем правилам.

Коммунальную службу создадим на селе, как в городе. Собственно, сейчас уже создаем. Добиваемся, чтобы на каждой центральной усадьбе был пункт приема районного комбината бытового обслуживания. Когда я приезжаю в село и вижу вывеску «Прачечная» или «Кулинария», я знаю: еще одна грань между городом и деревней стерта. Без болтовни.

Болтовня — это у Александры Ивановны самое ругательное слово. Она больше всего сердится, когда видит, что смирились люди с чем-нибудь таким, что никуда не годится. К примеру, на Березичском стекольном заводе, где изготавливают аптечную посуду, выросло число простудных заболеваний. Почему? Оборудование устарело, вентиляция скверно работает.

— Поехала я туда, посмотрела — и в Министерство медицинской промышленности, к которому относится этот завод: нельзя такое терпеть. Договорилась: будут менять оборудование, вентиляцию новую ставят.

Демидова уверена: очень многое зависит от нас самих, просто подчас мы не распоряжаемся своим богатством, как надо.

— От хозяйского подхода к делу все идет, поверьте. Уж я-то знаю.

Не просто знает, но и действует согласно этому правилу. Не случайно выпала на ее долю честь быть делегатом четырех съездов партии, включая и самый памятный — XXV. Не случайно представляет она своих земляков в Президиуме Верховного Совета России. Сейчас, когда вся страна готовится к выборам в местные Советы, калужане вновь среди своих кандидатов в депутаты областного Совета назвали Александру Ивановну Демидову. Делом заслужила такое доверие. Она умеет смотреть и видеть, слушать и слышать, соединяя взгляд пристальный, подход государственный с простой житейской мудростью, чисто женским вниманием к мелочам, которые на самом деле и не мелочи вовсе. Такой она человек, Александра Ивановна Демидова. Такая у нее история, такая судьба, такая должность.

И. ОВЧИННИКОВА

О СОБЫТИЯХ В ЗАИРЕ

Приходится признать, что к потрясениям на африканском континенте европейский наблюдатель вроде бы привык. Если даже взять за отправной пункт 1960 год, Год Африки, на протяжении которого независимость получили 17 государств, то за эти семнадцать лет по просторам Африки беспрерывно передвигался поток событий. Десятки военных переворотов. Рушились монархии и королевства. Пали кабинеты, свергались президенты. Создавались и распадались союзы. Неоднократно вспыхивали вооруженные конфликты.

Среди почти пятидесяти государственных образований, существующих на территории континента, есть страны, где глубокие социальные потрясения происходят постоянно, а резонанс их ощущается далеко за пределами материка. К таким странам относится Республика Заир, бывшее Конго, а до завоевания суверенитета — Бельгийское Конго. Значение Заира не только в том, что по площади республика занимает второе место в Африке (после Судана), что по численности населения она входит в число крупнейших (согласно переписи 1974 года, перевалило за 24 миллиона человек). По наличию природных ресурсов, по разведанным ископаемым Заиру трудно найти достойного соперника.

До прихода бельгийских колонизаторов главная река страны называлась Заир, или Заире, что дало и новое наименование республике, расположенной в Экваториальной Африке. «Медный пояс» провинции Шаба («шаба» и означает «медь») является одним из крупнейших медедобывающих и медепроизводящих районов мира. Шаба — бывшая Катанга, вотчина американского монополистического спрута «Юнион миньер». Заирское правительство взяло под свой контроль деятельность этой компании и образовало свою горнорудную компанию ЖЕКАМИН. Но нельзя по чисто внешним признакам оценивать шаги местных властей. В медеплавильной промышленности Заира, как, впрочем, и в других сферах экономики, весьма высока доля иностранного капитала. Заметно прогрессирует присутствие американского доллара.

Борьба за обладание Катангой-Шабой велась с самого начала нынешнего столетия: собственно Катанга и явилась причиной потрясений, происшедших сразу же после провозглашения независимости Конго 30 июня 1960 года. Но не одна эта провинция служит ареной финансово-промышленной деятельности иностранных монополий. В Касаи находятся богатейшие алмазные россыпи, в Киву — золотые рудники, в Восточной — плантации масличной пальмы, хины, гевеи, чая, кофе. Добавим, что в Заире на редкость богата и сама природа. Среди местного населения развиты охота, рыболовство, разного рода ремесла, в частности, изготавливают изделия из слоновой кости и эбенового (черного, или, как его называют, «железного») дерева. Заирские скульптуры и маски привлекают внимание знатоков на Западе и находят широкий спрос на мировом рынке.

Советские люди начали более обстоятельно знакомиться с Конго-Заиром сразу же после провозглашения независимости страны, когда во главе первого суверенного правительства стоял выдающийся сын раскрепощенной Африки Патрис Эмери Лумумба. Империалистические силы, пытавшиеся удержать страну и ее богатства в своем подчинении, вмешались во внутренние дела этой африканской республики. Последовала бельгийская агрессия, поддержанная ведущими державами капиталистического Запада. Тогдашнее Конго было втянуто в затяжную братоубийственную войну. Борьба затянулась на несколько лет. Последние очаги сопротивления патриотов в провинциях были объявлены «подавленными» лишь четыре года спустя после начала агрессии.

Новые власти в своей пропагандистской кампании стали практиковать лозунг о так называемом «национальном примирении». При этом делались неоднократные заверения о том, что в стране якобы действительно навсегда покончено с раздорами и противоречиями.

Это «спокойствие» на самом деле было всего лишь договоренностью между заирскими властями и крупными монополиями. Одновременно в стране возростала доля американского капитала: в настоящее время американские капиталовложения в одной провинции Шаба достигают почти миллиарда долларов!

Не случайно, что именно в Шабе и начались волнения. Сразу же сделаем необходимое уточнение. Официальные сообщения из Киншасы, столицы Заира, изображали все дело таким образом, что будто это выступление против правительственных войск бывших жандармов сепаратистской Катанги, расформированных в свое время заирскими властями.

В действительности речь шла о проявлении недовольства среди населения провинции Шаба, что явилось следствием, как утверждает иностранная печать, в том числе и американская, тяжелого положения в заирской экономике. Непрерывно растет задолженность империалистическому Западу. Страна, располагающая огромными земельными угодьями, в настоящее время ввозит продукты питания из различных стран.

Теперь, спустя несколько недель после начала событий, даже буржуазная пресса склонна расценивать события в Заире как чисто внутренние, порожденные общим положением в стране.

Но вопреки всему народные возмущения в Шабе и других местах изображаются как «агрессия», как «вмешательство» во внутренние дела страны соседних государств (имеется в виду Ангола). Было выдвинуто лживое обвинение о якобы причастности к событиям Кубы и Советского Союза. Правительство Заира запросило помощь со стороны ряда стран Европы и Соединенных Штатов Америки. Военная помощь была оказана, прямо скажем, в пожарном порядке. США срочно выделили дополнительные ассигнования на военные нужды Заира, Франция направила самолеты и инструкторов, Бельгия выделила оружие и боеприпасы. К этому империалистическому альянсу незамедлительно присоединился Китай. В Киншасе появились группы разного рода советников и экспертов из Южной Африки и специальная делегация из саудовского Египта.

Довольно неприглядную роль в событиях играют марокканские войска, прибывшие к театру военных действий и объединившиеся с заирскими в попытках подавить сопротивление повстанцев. Однако ставка на молниеносную операцию не оправдала себя: события приняли затяжной характер. Противники нынешнего режима в Заире оказывают упорное сопротивление.

Советский Союз, верный принципам невмешательства во внутренние дела других стран и народов, осудил военное вмешательство Соединенных Штатов и других государств в заирские события. В заявлении ТАСС было сказано: «Советский Союз решительно отвергает как абсурдные всякие измышления о его причастности к событиям в Заире. В руководящих кругах Советского Союза одновременно считают недопустимым вмешательство любых внешних сил во внутреннюю борьбу в Заире. Каждый народ сам — и только он — может решать свои внутренние дела. И пусть никто не питает иллюзий, что ему удастся лишить народы этого их неотъемлемого права».

Конго-Заир, пережив драматические события в шестидесятых годах, оказалась перед лицом новой опасности в семидесятые. Это идет вразрез с политикой разрядки напряженности, ставит препятствия на пути полного освобождения юга африканского континента от колониализма и расизма. Ажиотаж вокруг Заира напоминает старые, колониально-грабительские времена. Вот почему действительно свободная Африка осуждает Запад, требует положить конец вмешательству во внутренние дела Заира, строгого соблюдения права народов самим решать свои проблемы.

Н. ХОХЛОВ

ЗАЖЕТЕСЯ

Светло-зеленые, выше человеческого роста машины стоят плотно, «плечо к плечу». Тридцать один вязальный автомат выстроен в два параллельных ряда. Разглядываю один из автоматов. Половина его бобин крутится, половина остановилась.

Видит ли Копылова — она сейчас в дальнем конце своих двух линий, в десятке метров отсюда, — что несколько бобин остановилось?

Вдруг внутри машины раздаётся сухой щелчок, и в выступающей вбок прозрачной пластмассовой колбочке появляется белое «кучевое» облачко. Миг, и донце колбочки откидывается, скрученный некрашенный капроновый чулок падает в стоящую внизу коробку.

Стало быть, здесь все в порядке. Но на соседнем автомате зажигается красная лампа. Красное — цвет тревоги. Что-то в машине произошло? А вязальщица стоит к ней спиной, собирает готовые чулки.

Непостижимо, как она заметила сигнал. Связывает концы оборвавшейся нити, молниеносным движением ножниц отхватывает «хвосты». Красный свет гаснет, машина опять принимается за работу. А Валентина Адамовна, не помедлив ни мгновения, уже натягивает белые чулки на темную плоскую форму. Натянуть, осмотреть одну сторону, затем, крутнув несильным рывком вращающуюся форму, другую. Если пошел брак, немедленно сообщить об этом помощнику мастера — машине нужна наладка. Если все в порядке, собрать чулки десятками, передать швее. 1800 пар чулок в смену.

Чувство, которое испытываешь поначалу, наблюдая работу вязальщицы рижской чулочной фабрики «Аврора» Валентины Адамовны Копыловой, — замешательство. Темп движений работницы кажется невыносимым, и невольно хочется, как при замедленной съемке, приостановить бег ее рук, чтобы «разложить по полочкам» точные, разумные их действия.

Постепенно замешательство уступает место восхищению. Я уже знаю, что Копылова работает за четверых (правда, так можно говорить с некоторой оговоркой, но об этом скажем позднее). А кроме того, мы всегда чувствуем красивую работу, подлинное мастерство.

Но в сумке лежит письмо, присланное в редакцию:

«Сейчас идет пятилетка качества и эффективности. Как никогда, у нас большое значение стало придаваться социалистическому соревнованию. На фабрике много передовиков, настоящих мастеров своего дела... Но для администрации фабрики есть только т. Копылова. На всех собраниях упоминается, на афишах регулярно оповещается об очередных достижениях т. Копыловой, награждается первой т. Копылова. Мы приглашали ее к себе на участок поделиться опытом своей работы. Но, к сожалению, не услышали от Валентины Адамовны, в чем же ее мастерство. Так рекорды, я считаю (да и все, кто поближе знаком с методом работы т. Копыловой), не устанавливаются. Настоящий передовик должен быть маяком для всех окружающих. А здесь получается очень, очень неприятно».

Автор письма Неонила Кузьминична Антончик, мастер цеха № 3, двадцатый год работает на «Авроре», человек она, как мне сказали, деловой и опытный. Это тем более обязывает отнестись к ее письму внимательно.

Конечно, представлять дело так, будто на «Авроре» чтят только Копылову, неверно. В прошлом году, например, больше двадцати работниц завершили задание двух лет, и всех их торжественно поздравили с этим событием, вручили премии и ценные подарки. Но чаще других действительно звучит имя Копыловой. Оправдано ли это?

Кто компетентен судить о работе вязальщицы? Опрас я начала с руководителя фабрики и цеха. Все единодушно утверждали, что Копылова — блестящий мастер своего дела, по достоинству награжденный в девятой пятилетке орденом Трудового Красного Знамени. Не случайно Министерство легкой промышленности СССР, считая Копылову одной из лучших вязальщиц отрасли, на базе ее работы организовало два года тому назад занятия всесоюзной школы передового опыта.

Что говорят о ней товарищи по цеху? Сменщица Таисия Гордовая (тоже, как и Валентина Адамовна, обслуживает 30 машин вместо положенных восьми): «Работает Валентина Адамовна отлично, машины всегда оставляет в полном порядке».

Недавняя ученица Копыловой, Леокадия Клименок, сейчас также одна из лучших вязальщиц цеха: «И работает хорошо и показывала так понятно, что если бы опять учиться, то в наставницы выбрала бы только ее».

Наконец, что говорят цифры, наиболее объективные показатели трудовых достижений?

Свою личную пятилетку Копылова обязалась выполнить к 60-летию Великого Октября, и ни у кого из руководства нет сомнения, что слово

она сдержит. Первой на «Авроре» о завершении трехлетнего задания (в начале нынешнего года) рапортовала Копылова.

Как будто все ясно должно стать автору письма: не имеют почвы ее сомнения относительно заслуг передовой вязальщицы. Но у Антончик (и не только у нее, по ходу дела выяснилось, что мастер третьего цеха выразил мысли целой группы работников фабрики) есть возражения: Копылова потому достигает внушительных успехов, что администрация фабрики создает ей особые условия.

Первое из них: вязальщице разрешено проверять качество лишь 25 процентов своей продукции (вот она, оговорка: «Копылова работает за четверых, но с неполным контролем»). «Понимаете, что получается, — горячась, объясняла Антончик, — бывает, предлагаю я работнице своего цеха взять больше машин, ссылаюсь на пример Копыловой. А мне с раздражением: «Ей можно на тридцати работать, она только каждый четвертый чулок проверяет. Я-то смотрю все сто процентов».

Может создаться впечатление, что неполный контроль был разрешен только Копыловой, но это не так. Все вязальщицы, работавшие на тридцати машинах, а было их до недавнего времени несколько, проверяли только четверть своей продукции. И не сами они такой метод контроля придумали, а переняли у коллег-ленинградцев. Это как бы своеобразное (неполное) право на личное клеймо, а кто сейчас станет оспаривать прогрессивность такого метода работы? Сотни тысяч рабочих разных отраслей промышленности доказали право работать на самоконтроле, и это именно право, добытое добросовестным трудом. К тому же из справки, предъявленной технологом второго цеха, явствует, что количество брака у Копыловой и у работниц, проверяющих каждое изделие, практически одинаково и укладывается в нормативы.

Есть и еще одно особое условие, говорят Антончик и те, кто мог бы подписаться под ее письмом. Всех вязальщиц участка, где работает Валентина Адамовна, перевели недавно на выпуск чулок из тонкого эластика, артикула более капризного, чем 136-й, который и по сей

КРАСНЫЙ

день производят Копылова и ее сменщица. Всем пришлось переживать трудности освоения новой продукции, потерять в заработке, кому-то с тридцати машин вернуться на пятнадцать (на тонком эластике вязальщица не справляется с тридцатью). Всем, но не Копыловой.

Это уже звучало тревожно. Но объяснения начальника цеха Леонида Дмитриевича Соловьева были убедительны. Торгующие организации с каждым годом заказывают все меньше чулок 136-го артикула. В нынешнем году запланировано выпустить такое количество этих чулок, какое в состоянии дать две вязальщицы на тридцати машинах.

Кого из работниц следовало оставить? Последователей почина или его инициаторов? Ведь именно Копылова и Гордовая первыми на «Авроре» стали обслуживать вчетверо большую зону.

Некоторые работницы второго цеха, не стараясь скрыть своего раздражения, задавали вопрос: «Почему оставили Копылову?» Но ни одна не могла убедительно ответить на мой, встречный: почему было не оставить именно ее? Ведь именно она была первой, кто испытал на себе трудности освоения крупных зон обслуживания. Можно сказать, что своим примером она и остальных заставила дерзнуть — сегодня ни одна вязальщица не работает на зоне меньше пятнадцати машин. К тому же спор о 136-м артикуле временный, скоро его вообще снимут с производства.

Говорю все это Антончик, и она, как бы сдаваясь, машет рукой, но тут же спрашивает: «Еще есть неясный вопрос: что же это за план, если его можно выполнить вдвое скорее? Как ведется расчет личных заданий?»

При расчете личных годовых и пятилетних заданий применяется специальная методика, впервые разработанная Министерством легкой промышленности СССР и Центральным комитетом профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности.

Этот документ прояснил вопрос, связанный с работой на полном контроле: за основу расчета действительно берется типовая зона. Но случай с неполным контролем в методике не отражен. Администрация фабрики совместно с фабричным комитетом приняла решение: для таких работниц за основу расчета принять зону в пятнадцать машин, то есть в два раза превышающую типовую.

Но выяснилось, что ни одна работница, у которой вызывают сомнения успехи Копыловой, не знает, по какому принципу рассчитывали Валентине Адамовне пятилетнее задание. Каких только версий я не наслушалась! «Ей считают, как всем нам», «Может, для нее вообще особые правила...»

Для Копыловой, как видим, действительно принято особое правило, но не более мягкое, а, наоборот, более жесткое, чем для других, и это было бы полезно знать ее товарищам по цеху.

Эпизод, связанный с методикой расчета, поучителен. Нельзя сказать, что на «Авроре» пренебрегают одним из главных принципов социалистического соревнования — принципом гласности. Работницы знают, сколько именно продукции они должны изготовить, чтобы выполнить личный годовой и пятилетний планы, и в соответствии с этим берут повышенные обязательства. На участках висят списки производственников, где против каждой фамилии регулярно проставляются цифры (если, например, это вязальщицы, то пишут количество пар чулок, выпущенных на данное число). Если цифра меньше той, какая должна бы быть по обязательству, ее пишут красным. Это сигнал тревоги, как красная лампочка на остановившейся машине.

Все открыто как на ладони. Но одно звено упустили — самый принцип расчета, и сколько вокруг этого развернулось разговоров, и не на собраниях, а в «курилках»!

Что здесь можно было предпринять? Получив методику, собрать рабочих, на конкретных примерах разъяснить, как она применяется. Стоило бы и вообще узнать, какие вопросы организации соревнования кажутся работницам неясными, и, пригласив заинтересованных лиц, дать на все исчерпывающий ответ.

Но этого, к сожалению, не сделали. Больше того, когда автор этих строк попросил секретаря партийной организации Николая Ивановича Никитина и председателя фабричного комитета Марию Афиногеновну Агеевкову провести собрание вязальщиц и поговорить о наболевшем, они с легкостью согласились, был даже назначен день и час, а потом так же легко от собрания отказались.

Поговорить же было о чем.

Могли бы другие вязальщицы работать наравне с лучшими? «Копыловой дали тридцать машин, а мне не дают, в цехе все оборудование занято. А я тоже сумела бы», — не раз слышала я в цехе. Как дать возможность всем проверить себя? Какова роль передовика в коллективе? Имеет ли он за свои заслуги и в самом деле право на «особые условия», на особые права, или только обязанности у него особые, например, работать лучше, чем другие? Вопросы могли быть открыто, коллективно обсуждены, и я знаю, что вязальщицы говорили бы обо всем с горячим интересом, со страстью, потому что накал трудового соперничества на «Авроре», как можно было убедиться, действительно велик. И самые острые конфликты, возникающие при этом, связаны чаще всего с нравственными, а не с материальными ценностями. Не деньги, а почет, престиж в коллективе — вот что привлекает сегодня рабочих в первую очередь. Понятия эти, как известно, тонкие, часто трудно измеримые, что тем более требует от организаторов соревнования гибкости и даже мудрости.

...Как будто все доводы Н. К. Антончик мы разобрали пункт за пунктом. Кроме одного: приглашенная на участок выступить Копылова не сумела будто бы убедительно рассказать о своем опыте. Но можно ли упрекнуть человека в том, что природа не наделила его даром красноречия? Установлено, что все операции вязальщица выполняет вдвое-втрое быстрее положенного, и это-то самое существенное.

Почему же Неонила Кузьминична смотрит на меня так, словно хочет сказать: «Факты будто бы за Валентину Адамовну. И все-таки что-то здесь есть...»

Что же есть в Копыловой? ...Невысокая кареглазая женщина, буднично незаметная у машин и яркая, нарядная после смены. Маленькие крепкие руки. Сколько они переделали работы? Копылова одна поставила на ноги двоих детей, как говорят, очень хороших ребят. Всем, что имеет, обязана только самой себе. За смену не отвлечется ни на минуту, вся подчинена одному — работе. При всей своей занятости (передовая вязальщица избрана в республиканский совет профсоюзов) находит время и силы для учебы в 11-м классе вечерней школы.

Все-таки что заставило мастера третьего цеха прислать письмо в редакцию, а некоторых рабочих его поддержать?

...При первой же нашей встрече Валентина Адамовна сама завела этот разговор. Живые глаза стали печальными.

«Я знаю, кое-кто меня не любит, — усмехается горько. — Когда я собиралась перейти на пятнадцать машин, за мной некоторые следом ходили: «Только попробуй!» Боялись, что со временем и им повысят зону. А теперь все на пятнадцати. Научились! И денег стали больше

получать. Когда я двадцать брала, тоже насторожились... Я женщинам говорю: не могут же все быть одинаковые, это просто неинтересно. Кто-то должен идти вперед. Я могу — и иду».

Наверное, у редкого человека на гребне успеха нет недоброжелателей. Не раз, знакомясь со знатным человеком или беседуя о нем с его коллегами, я чувствовала, что имя его окружено неким напряженным электрическим полем, в котором и дружелюбие и неприязнь проявляются явственнее, чем обычно. Что делать: известность и все, что она приносит, не могут не возбуждать особо пристального интереса, порою, к сожалению, и ревнивого отношения и зависти. Тем более у женщин, натур, как известно, более эмоциональных. И нужно иметь немалую силу характера и нравственное здоровье, чтобы выдержать и завистливые взгляды подруг и другие испытания, которыми проверяет человека слава.

Копылова, говорят ее товарищи, слегка загордилась: «Гонорок у нее появился. Вы, мол, не можете, а я могу!»

Трудно, наверное, выдерживать испытание славой. Человек, как только его назвали лучшим, начинает с того часа новую жизнь. Отныне ему уготовано место в президиуме, к нему в первую очередь устремляются корреспонденты. Кого-то все это портит, но только ли сам передовик виноват? Не больше ли вина тех, кто хвалит без меры?

В 1976 году латвийские газеты писали о Копыловой одиннадцать раз, за первые три месяца этого года — шесть. О других передовых работницах «Авроры», Валентине Хрисанфовне Чистовой или Людмиле Яновне Закевич, например, гораздо меньше. Н. И. Никитин считает, что здесь журналисты — бывает с нами такое — допустили некоторый перебор, но можно ли, спрашивает он, справиться с корреспондентами? Всем подавай Копылову! А всегда ли это на пользу?

О письме Н. К. Антончик и ситуации на «Авроре» я рассказала в отделе организации соцсоревнования и обмена передовым опытом Министерства легкой промышленности СССР. Тем более что одна из работниц фабрики говорила мне как о чем-то само собой разумеющемся: «Руководство и должно «тянуть» одного передовика. Если маяки будут меняться, начальству в министерстве голову снимут...»

— Есть ли почва под подобными утверждениями?

— Мы следим за судьбой передовиков, заботимся о том, чтобы о них знали другие работники отрасли. Иначе распространение передового опыта просто невозможно, — сказали мне в министерстве. — Иногда концентрируем внимание на ком-то одном, кто первым достиг лучшего результата. Например, работают три ткачихи, три сменщицы на повышенной зоне, а чаще всего мы говорим об одной из них — той, которая первой взяла больше машин. И везде — и в республике и в Союзе — фигурирует она. Если сегодня звучит одно имя, завтра другое — это не то. Должна быть фигура. И мы говорим: «Такая-то передовая работница и ее сменщицы». Конечно, для дела лучше, чтобы «звучала» одна работница, да и так рассудить: нужно кого-то с предприятия пригласить на совещание. Не везти же всех трех! Но поскольку по отношению к сменщицам это все же не всегда справедливо, выравнивать положение должны на местах.

«Для дела лучше». Но точно ли — лучше? Может быть, просто удобнее? Выделить одну, потому что так легче («Не везти же всех трех!»), — может ли быть польза от такой постановки дела? Тем более что нередко на местах, загипнотизированные звучанием часто повторяемого имени, не торопятся «выравнивать».

Так, вязальщицы второго цеха той же «Авроры» В. Х. Чистова и А. А. Тимофеева первыми на фабрике перешли на обслуживание 33 машин (оборудование у них не такое, как у Копыловой) — предложили повесить им типовую зону до 18 машин, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Проще говоря, сами увеличили свою норму. Это принципиально новый почин на фабрике. Одной из первых его поддержала Копылова. В плакате, посвященном опыту ее работы, есть три строки о почине Чистовой и Тимофеевой. А разве не стоило начинание этих работниц отдельного разговора?

В связи с новым почином случилось досаднейшее недоразумение: в корреспонденции с «Авроры», напечатанной в одной из местных газет, дело было представлено так, будто первой предложила увеличить ей типовую зону Копылова, а Чистова с Тимофеевой ее поддержали. Это не могло не вызвать обиды у двух вязальщиц. Г. Д. Качкина, инженер, занимающаяся на «Авроре» вопросами соцсоревнования, рассказывала: «Чистова даже говорить не могла, когда прибежала ко мне с газетой, так переживала».

Виноват в ошибке автор корреспонденции. Не разобрался в деле детально, не уточнил имен инициаторов, да и зачем? Посчитал, наверное, что если Копылова, значит, обязательно первая. Вот он — гипноз имени, инерция славы.

Нет на предприятии человека, который персонально отвечал бы за судьбу передовика, за то, чтобы его опыт, нравственный пример — его имя — служили только доброй службой. Ответственность здесь коллективная — руководителей предприятия и его общественных организаций, в данном случае — фабрики «Аврора». Всего хватило ее руководителям по отношению к передовой работнице — и внимания и чувства ответственности. Не хватило, пожалуй, только чувства меры. Одно волоконец в пряже оборвалось, и сразу зажегся сигнал тревоги.

СВЕТ

„ШТУРМОВАТЬ

ДАЛЕКО МОРЕ“

...Бегу, как на крыльях лечу, по улицам родного Харькова и сама с собой разговариваю. Неужто правда? Неужто это мне поручили сейчас в обкоме комсомола возглавить группу девушек, которые решились поехать на Дальний Восток по призыву комсомолки Валентины Хетагуровой? Растерялась вначале: мне доверяют такое важное дело? А почему бы и нет?—счастливо екнуло сердце. Ведь я совсем взрослая, мне 22, окончила техникум, работаю начальником цеха хромолитографии в научно-техническом издательстве... Но то здесь, в Харькове. А как будет на далеком (Дальнем) Востоке? Справлюсь ли?

В общем, было радостно и тревожно.

Майским днем 1937 года вся наша группа—восемь девушек—с чемоданами, баулами, рюкзаками, собралась на Харьковском вокзале. Толпа провожающих, букеты сирени, корреспонденты щелкают фотоаппаратами... Ведь это первая группа харьковчанок отправляется на Дальний Восток! Поезд дрогнул, двинулся. Все! Мы едем! После шумного, суматошного прощания сидим притихшие. Кто-то из девушек вполголоса затянул песню: «Лейся, песня, на просторе, не грусти, не плачь, жена, штурмовать далеко море посылает нас страна...» Напев подхватили—и вскоре чуть не весь вагон пел вместе с нами.

Во всех подробностях запомнилась мне долгая дорога—и песни запомнились, и чтение вслух, и наши веселые дежурства «по кухне»: даже яичницу умудрились поджарить в железной тарелке, на четырех свечках...

Хабаровск встретил по-комсомольски тепло и радушно. Новые друзья устроили нас, дали отдохнуть с дороги, показали город. А потом—беседа в крайком комсомола.

— Хотим направить вас на работу в Уссурийский район,—сказали товарищи из крайкома.—Только разделитесь на две группы.

Расставаться?.. Но мы уже так сдружились! Неужели нельзя вместе?

— Можно, пожалуйста. Тогда—на Камчатку.

Тихий океан! Край земли! Самые романтические мечты с детства...

На Камчатку мы плыли пароходом из Владивостока, где провели несколько дней, осмотрели город, познакомились с первой в мире женщиной—капитаном дальнего плавания Анной Ивановной Щетининой.

Анна Ивановна—молодая, загорелая, коротко стриженная—всех нас пленила. Она долго расспрашивала, кто мы, откуда, где будем работать, и обещала даже приехать в гости.

...И вот мы на Камчатке, на берегу Охотского моря. Работаем на рыбокомбинате, разделываем и засаливаем рыбу. Специально для нас, восьмерых, построили домик, живем коммуной.

«Хетагуровки»... Кто не знает этого слова? Оно возникло сорок лет назад. И стало символом женской заботы и бесстрашия, готовности к преодолению трудностей и освоению необжитых районов Дальнего Востока страны.

Движение хетагуровок вошло в историю как коллективный подвиг девушек новой эпохи, эпохи социализма.

Предлагаем вашему вниманию записки одной из дальневосточниц, Р. Богомоловой, и рассказ о тех далеких, но незабываемых днях инициатора движения В. Хетагуровой.

В центре—А. И. Щетинина, рядом с ней (справа) Раиса Богомолова. 1937 г.

Июль, горячая пора, путина в разгаре. И рыбаки, и рабочие рыбокомбината, и вообще все население поселка трудятся днем и ночью: рыба не может ждать. Чуть забрезжит рассвет, рыбаки на кунгасах отправляются к неводам, выбирают их и заваливают пристань трепещущим серебром... Горбуша, кета, кижуч—богатую добычу дает Охотское море! Прямо с пристани улов по транспортеру идет на засолку, а вдоль всего транспортера, по обе его стороны, стоят женщины-разделочницы, потрошат рыбу. Работа напряженная—только попевай! С транспортера разделанная рыба попадает в обычные чаны, отсюда мужчины-рабочие отвозят их на тележках к громадным засольным чанам, вкопанным в землю. Там уже ждут те, кто стоит на засолке, укладывают рыбу штабелями, голова к хвосту, чтобы поплотнее. Нам, девочкам из Харькова, приходилось и на разделке работать и на засолке. Первое время уставали до изнеможения. И все же находили время сбегать в клуб (молодость!) потанцевать или на занятия в кружки самодеятельности.

Однажды, в конце рабочей смены, в час яркого морского заката увидели: подходит к берегу пароход, становится на якорь, матросы спускают лодку, что-то грузят и направляются к нам.

— Кто это?—полюбопытствовали мои подруги.

— Обычный рейс, за консервами пришел

пароход,—объяснили местные женщины.

Но, к общему удивлению, подошедшие на лодке моряки стали расспрашивать, где найти старосту группы девушек, недавно приехавших на комбинат... Старостой была я, в это время находилась на смене, на засолке. Слышу зовут: «Рая, Рая!» Выбралась по лестнице наверх—передо мной моряк, щегольски вскидывает руку к бескозырке. А я стою перед ним в рабочей блузе с длинными рукавами, в огромных рукавицах, в резиновых ботах поверх ботинок, в берете, глубоко, по самый нос, надвинутом... Девочки мои потом долго смеялись, вспоминая эту «картинку». Но моряк и бровью не повел, протянул письмо и сказал, что капитан парохода «Чавыча» Анна Ивановна Щетинина приглашает сегодня нас, восьмерых, к себе на чай...

Кинулись к домику, а моряк за нами:

— Покажите, где вы живете.—Проводил нас и исчез.

Вскоре моряки внесли к нам ящики. Это были подарки Анны Ивановны: швейная машинка, гитара, мандолина, патефон с набором пластинок и две корзинки с фруктами.

Во всех деталях запомнился вечер на «Чавыче». Нас поразило сочетание красоты и строгости в обстановке кают-компании, идеальная чистота на палубе. Был чай с разными вкусными вещами и танцы...

Путина продолжалась два месяца. Когда она закончилась, нам, харьковчанкам, все же

пришлось расстаться. Нас направили на разные участки работы.

Меня вскоре избрали секретарем Усть-Большерецкого райкома комсомола. Вот когда я по-настоящему узнала Камчатку, познакомилась как следует с местными жителями — рыбаками, оленеводами. Работа в райкоме была необычайно интересной. Корякская молодежь всей душой тянулась к новой жизни, к учебе. А на пути встречалось много трудностей, связанных с местными обычаями, предрассудками, верованиями. Шаманы злобствовали, пытались запугать людей, сохранить свою власть над ними. Коммунистов и комсомольцев объявили прокаженными, старались помешать парням и девушкам учиться.

Никогда не забуду трагическую историю, которая произошла в одном из отдаленных селений. Молодая корячка вступила в комсомол. И однажды, когда она, не послушавшись шамана, ушла на комсомольское собрание, он схватил ее шестимесячную дочурку и сунул ручонку девочки в пасть собаке... Малышка осталась без двух пальцев. Но ни страх, ни привычка покоряться «служителям богов»

не могли уже воспрепятствовать неудержимому стремлению к новой жизни. Та женщина, забрав с собой дочурку, вскоре уехала учиться в Ленинград, в Институт народов Севера.

Мы, комсомольцы, ездили по стойбищам, собирали молодежь, рассказывали о Большой земле, о Советской власти, объясняли, как важно учиться. На чем только не добирались мы в отдаленные стойбища! На собачьих упряжках, на азросанях, гидросамолетах. И сколько же радости было, когда мы появлялись! После бесед и расспросов начинались танцы — древние, прекрасные танцы коренных жителей Камчатки, с удивительным искусством имитирующие движения птиц и зверей, их голоса. А мы учили парней и девчат нашим танцам.

Незабываемое путешествие по Камчатке совершили мы, комсомольцы, отправившись пешком на областную комсомольскую конференцию из Усть-Большерецка в Петропавловск. Помню ночевку на вершине одной из сопок — в маленькой охотничьей избушке с деревянными нарами. И хотя на много километров вокруг

никого не было, чудо-избушка встретила нас гостеприимно: здесь были и нары, и дрова, сложенные возле плиты, и котел, и даже спички. Неписанный закон тайги: все, чем пользовался сам, с такой же заботой оставь другим. И мы, уходя, пополнили хозяйство избушки своими припасами.

Конференция обрушила на нас целую лавину новых впечатлений. Вокруг десятки молодых лиц — коряки, русские, алеуты, эвены, ительмены. Взволнованные, счастливые — еще бы, нечасто в ту пору приходилось вот так собираться. Делегаты активно выступали, кто по-русски, кто с переводчиком. Чувствовалось: все жадно рвались к новой жизни.

...Два года провела я на Камчатке. Стала журналистом, работала в местных газетах. Потом вышла замуж за офицера, и пришлось уехать на Большую землю. Но это уже рассказ о других событиях — и радостных и трагических. Много их было — и все же они не заслонили моей счастливой и бурной комсомольской юности.

Р. БОГОМОЛОВА

Рассказывает

Валентина Семеновна Хетагурова:

Читаю воспоминания Раисы Владимировны Богомолловой, и дни молодости словно встают передо мной. Да, так все и было. В ответ на мое обращение к девушкам, опубликованное в «Комсомольской правде», пришли сотни тысяч писем. В крайкоме комсомола была создана специальная комиссия. Письма приносили мешками в буквальном смысле слова. Писали семьями, даже целыми колхозами. И в каждом просьба: «Отправьте меня на самое трудное дело...»

В апреле этого года исполнилось сорок лет с того дня, как Комсомольск-на-Амуре встретил первый эшелон москвичек. Да как встретил! Музыка, цветы, и такая радость на лицах первостроителей...

Девушки знали, что ждет их нелегкая жизнь: я, не скрывая, говорила в своем письме о трудностях. Но, насколько мне известно, никто из них не пожалел, что приехал. Сознание, что ты нужен здесь, что на штурм этих трудностей «посылала нас страна», делало значимыми, яркими даже самые будничные заботы.

Создавались семьи, рождались дети... Сегодня многие из тех, кто откликнулся на мой призыв, нянчат внуков, родившихся в Хабаровске, Комсомольске, поселке Солнечном, в Советской Гавани, в Благовещенске. Долгие годы я переписывалась с подругами, навсегда связавшими свою жизнь с Комсомольском-на-Амуре. С Шурой Никитиной, мастером на заводе, Аней Алексеевой, последние годы, перед тем как уйти на пенсию, работавшей в райкоме партии, с Сашей Березницкой, приехавшей в Комсомольск с первым эшелонком хетагуровок; теперь ее, правда, величают Александрой Григорьевной, она бабушка. Дети ее защитили кандидатские диссертации. А на Камчатке до последних лет работала заместителем председателя облисполкома Надежда Игнатьевна Алькова, которая, как и Рая Богомоллова, сорок лет назад просила послать ее «туда, где она нужнее».

Я много раз потом бывала на Дальнем Востоке. Пригласили меня на 35-летие Комсомольска. Был среди гостей и Юрий Алексеевич Гагарин. Помню множество молодых, сияющих лиц, протягивают авторучки: просят автографы. Какая-то девушка говорит:

— Валентина Семеновна, мой отец строил Комсомольск, мама — хетагуровка, а меня в вашу честь зовут Валентиной. И мы с мужем строим Амурск!

Я видела: многое изменилось на Дальнем Востоке — города, заводы, условия жизни. У нас, как говорили тогда, были энтузиазм, руки и топоры, у этих же ребят — мощная техника, совсем иные бытовые условия. Но суть дела прежняя: по зову партии, по велению сердца молодежь там, где она больше всего нужна, где труднее. Первопроходцы, романтики по натуре, строят сегодня Восточный порт в Находке, новый промышленный центр Амурск, поселок Солнечный, Лучегорскую, Зейскую ГЭС, сооружают электростанцию на Колыме. С энтузиазмом трудится молодежь на главной дальневосточной стройке — на БАМе.

Великое счастье выпало нам, первооткрывателям. А сейчас мы видим, как наше дело продолжают дети и внуки, приумножая завоевания первых пятилеток.

ФОТОКОНКУРС
СЕМЕЙНЫЕ
СТРАНИЦЫ

З. ШЕГЕЛЬМАН (фото-
клуб «Радуга», г. Мо-
гилев)

СЕМЬЯ.

ПОЛУДЕННЫЙ СОН.

НТР
И ТРУД ЖЕНЩИНЫ

Фото В. ШЕКОЛДИНА.

МАЛЯР В СКАФАНДРЕ

— Главное, теперь у нас женщина не нянчит железо,— замечает Валентина Петровна. И повторяет так удачно найденное ею слово:— Не нянчит!

Как было раньше? На том же Ульяновском автозаводе мне показали уголок производства, где доживает последние месяцы прежняя технология. Тесная площадка загромождена оборудованием и готовой продукцией. Вот работница подкатила тележку. Привычно выложила из нее на рабочий стол увесистые детали. Поводила-поколдовала над ними пульверизатором, обрызгала краской. Потом перевернула каждую деталь... Другая женщина сноровисто развешивает детали на крючья. В общем, все вручную. Бесконечная разгрузка и погрузка, подноска и подвозка, раскладка и развеска.

А деталька, скажем, бампер УАЗа 8 килограммов весит.

Как теперь?

Мы на участке окраски мелких деталей недавно пущенного третьего кузовного цеха Ульяновского автозавода имени В. И. Ленина. Валентина Петровна Никонова—начальник его технологического сектора. Пришла сюда, когда и цеха-то не было—голые стены. Участвовала в монтаже оборудования, в наладке, в пуске. Рассказывает и показывает охотно, с гордостью.

Бесконечной чередой проплывают над нами, рядом с нами детали «оперения кузова» будущего автомобиля: дверцы, спинки, сиденья, рамы ветрового стекла... Вначале они довольно неприглядны, с рыжеватыми пятнами. Теперь стали почище, отливают металлом. Дальше—покрыты грунтовкой, готовы к покраске. Наконец, погружаются в ванны с краской, проходят сквозь сушильные камеры—сами красятся, сами сушатся. Конвейер то несет их под потолком, то опускает вниз. Все—непрерывно, почти без прикосновения рук человеческих. Новое производство даже внешне заметно отличается от старого. Светло и про-

сторно. Вентиляторов не слышно, а воздух свежий, чистый.

— Знаете, когда мы закончили наконец отладку—сложнейшую, головомомную (ведь цех вобрал в себя новинки десяти проектных организаций!),—когда ждали пуска, я волновалась, словно школьница перед экзаменом. И все технологи мои также,—вспоминает Валентина Петровна.—Новый цех, самый высококомбинированный на заводе, представлялся мне сказкой, которая то ли сбудется, то ли нет...

Семнадцать трудовых лет отдала Никонова заводу. Здесь стала опытным специалистом. Здесь заслужила авторитет человека принципиального, равнодушного, внимательного к людям. Вижу: она и сейчас чувствует себя в набирающем мощь цехе, словно на экзамене.

— Думаете, вся эта автоматическая линия пришла к нам готовенькая?—спрашивает.—Мол, ставьте, монтируйте, запускайте?

Было: запустили конвейер, и сразу же выяснилось, что ни одна из подвесок не годится! Подвески—это приспособления, которыми детали цепляются к крючьям подвесного конвейера. Сорок их разновидностей сконструировал Ульяновский научно-исследовательский проектно-технологический машиностроительный институт (УНИПТИМаш), но подвески ломались, теряли детали, оставляли их в окрасочных ваннах.

Никонова, молодой инженер Светлана Безрукова, их коллеги изучали капризы конвейера, перебирали варианты, давали заказы штамповочно-инструментальному хозяйству. Почти год продолжалась эта скрупулезная работа, да и сейчас она не закончена.

Проплывают мимо нас чередой детали. Одну—словно цепкая рука держит, обхватила пятерней. Другая—будто возлежит на удобном стеллаже. Разные подвески... Никонова смотрит придирчиво: «Вот эту я бы еще раз переделала. Есть одна идея...»

...Этаж, где красят кузова автомобиля УАЗ-

452А. Знаете эту юркую «санитарку»? Здесь тоже конвейер, тоже автоматика. И тоже—маляры. Их в новом цехе две сотни.

Маляр в автомобильной промышленности: маляр-пульверизаторщик, маляр-шлифовщик, маляр-перевесчик, маляр-подвесчик... Работа эта вредная,—полагаются спецжиры, дополнительный отпуск, надбавка к зарплате, на пять лет раньше уходят люди на пенсию. Комбинезоны, защитные кремы, перчатки и рукавицы, респираторы и маски...

Маляр на старом производстве и маляр здесь—в третьем кузовном цехе, вроде одна и та же профессия.

— Не скажите!—возразила мне дежурящая в одной из окрасочных камер Фарид Заротдинова.—В старый цех я бы ни за какие коврижки работать не пошла. Вы были там в окрасочной камере? Грязно, кондиционеров нет... А видели, как там крышу красят?

Видел: стояла на подставке, под потолком, работница с пульверизатором... Здесь же окраску крыши кузова взял на себя трудяга-робот. А еще два робота усердно покрывают боковые стенки.

Сколько раз наблюдала это Никонова! А стоит вот в камере и любит.

— Если бы не автоматы, цеху потребовалась бы еще сотня маляров,—говорит Валентина Петровна.—Мечтаю о том времени, когда конструкторы придумают автоматы и для окраски передней, задней стенок кузова. А особенно когда пошлют роботов внутрь кузова, там сегодня маляру труднее всего.

Но и здесь есть добрая новость. Ульяновцы создали оригинальную защитную маску для маляра-пульверизаторщика. Я попал как раз на испытания новинки.

Камера ручной окраски. Девушка работает быстро, совсем не опасаясь облачков краски. Лицо—за большим прозрачным щитком, легкая каска на голове, на плечи ниспадают складки покрывала. Тонкий шланг отходит от скафандра—так называют новую маску работницы.

Сами они пока в самодельных респираторах. Серийный, типа «лепесток», здесь не прижился: неудобен и не очень эффективен, не любят его маляры. Предпочитают обмотать голову марлей, щелку для глаз оставить—вот вам и респиратор. Негигиенично? Конечно. И глаза не защищены. Очки? В них не поработаешь: потеют.

Почему же не запотевают щиток новой маски? А помните: шланг. По нему поступает непрерывно сжатый воздух. Приточная вентиляция!

Нравится новинка малярам. Штамповочно-инструментальному хозяйству поручено срочно изготовить побольше таких масок. Конечно, было бы лучше, если бы заказ взял на себя какой-нибудь специализированный завод—все маляры автомобильной промышленности сказали бы ему спасибо!

Еще новость в цехе. На грунтовке маляр заходил недавно со своим «пистолетом» в стальную коробку кузова. Теперь вся грунтовка, и внутренняя и внешняя, выполняется разом, с помощью электрофореза. Кузов плавно опускается в ванну с темно-красной жидкостью, а оператор нажимает на кнопки, и все. А при прежней технологии грунтовкой были заняты четыре маляра.

— Кстати, автоматическая грунтовка надежнее, доброкачественнее ручной. Куда лучше прокрашиваются пол, стойки, углы. Антикоррозийная стойкость металла увеличивается в полтора, в два раза. Дольше будет служить наша машина народному хозяйству! А уж работникам легче стало—это слов нет!

Так сливаются два направления в работе коллектива завода: улучшение качества изделия, улучшение условий труда. Оба направления главные.

В. АФАНАСЬЕВ

г. Ульяновск.

ЧЕМОДАН ИЗ РЕТОРТЫ

Вероятно, найдется немало эрудитов, которые знают, что великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев в свободное время любил мастерить чемоданы. Для всех это лишь забавная подробность, но северодонецкие химики нынче считают увлечение ученого серьезным, даже символическим. Судите сами: гигант химической промышленности страны, крупный поставщик минеральных удобрений, высших спиртов, кислот, смол, сырья для пластических масс и искусственных волокон — северодонецкое ордена Ленина производственное объединение «Азот» в десятой пятилетке станет и первым предприятием по выпуску жестких чемоданов из сополимерных материалов.

В середине апреля этого года здесь изготовлена опытная партия чемоданов и начат их промышленный выпуск.

Северодонецкие чемоданы современны по конструкции, изящны по форме, удобны в пользовании. Материал, из которого они делаются, стоек к воздействию кислот, щелочей, способен, не деформируясь, выдерживать удары с силой до 60 килограммов на квадратный дециметр. Вещи в таком чемодане не помнутся. А запачкается чемодан — мыло или любое моющее средство легко вернут ему первозданный вид. Он может быть окрашен в 46 разных цветов, учитывая вкусы всех потребителей. А потребителей много. Что ни говори — век бесчисленных поездок и командировок!

— Создание нового производства помогло нам решить и социальную задачу, — объясняет директор объединения, делегат XXV съезда КПСС, кандидат в члены Центрального Комитета Компартии Украины Виктор Иванович Кандела. — В цехах «Азота» много женщин, а работа здесь трехсменная, и дело приходится иметь с веществами далеко не совсем безвредными. Есть среди работниц и такие, кто имеет достаточный стаж для льготной пенсии, но хотел бы еще трудиться на производстве, не связанном с вредными процессами. Пора переводить женщин с таких работ — этот вопрос не раз ставил перед нами женский совет объединения. Мы были согласны с женсоветом. Но как и куда выводить женщин? Предприятий легкой промышленности в Северодонцке нет. И поэтому, когда мы узнали, что Министерство химической промышленности предлагает создать новое чемоданное производство, мы сразу сказали: «Только у нас, в Северодонцке!»

На новое производство пришли работницы из самых разных цехов объединения «Азот» — опытные химики и совсем молодые выпускницы технического училища.

«Условия хорошие: режим работы двухсменный, с двумя выходными днями — в субботу и воскресенье. Оплата труда — сдельная», — рассказывали представители женсовета, рекомендуя женщинам переходить на новое производство.

Желающих делать чемоданы нашлось немало. Но где и как учить кадры? Оборудование сложное, дорогое, обращаться с ним надо умело.

Превратили в классы комнаты административно-бытового корпуса, организовали занятия в учебно-курсовом комбинате. Начальники смен Л. В. Кияшко, В. Л. Витковская, Л. Л. Юрченко и другие инженеры сначала хорошо освоили дело сами, а потом стали передавать знания рабочим.

Под крышей новых цехов собрались представители 52 специальностей — и массовых и довольно редких, от сварщиков пластмасс до модельеров и дизайнеров.

— О многих специальностях, перечисленных в нашем штатном расписании, мы раньше даже не слышали, — рассказывает гальваник Людмила Иналовна Кравцова. — Пришлось работницам проходить стажировку в Минске, Воронеже, Москве. Но до большинства секретов докапываемся сами. К примеру, гальваники есть на многих предприятиях, но у нас ведь гальваническая линия уникальная — к тому же автоматическая, с программным управлением. И я и мои подруги не просто гальваники, а операторы. Работать здесь, конечно, интересно. Перспективы для повышения квалификации большие.

Вроде бы что может быть проще чемодана... Вспомните верных дорожных помощников прошлых времен — из чего только и как только они не делались! Корзины, которые плели из лозы, деревянные сундучки, что сколачивали, собираясь в дорогу, наши деды. Чемоданы, склеенные из картона, с железными уголками и чемоданы из кожзаменителя, сшитые на швейных машинах. Чем же отличается новый чемодан? Его не плетут, не сколачивают, не сшивают, не клеят,

его формуют. И не зря на корпусе этого чемодана стоит фирменный знак объединения «Азот» — реторта на ладони. Чемодан северодонецких химиков и впрямь вышел из реторты.

Весь процесс от получения сырья до упаковки готовой продукции автоматизирован и механизирован. Чтоб читатели убедились в этом, приглашаю на новое производство в день рождения первого чемодана.

Вот пневмотранспорт засыпает гранулы сополимера АБС в особое устройство, так называемую экструзионную линию. Легкое гудение — и из верхней щели аппарата ползет вниз белый трехслойный лист. Полотнище сматывается в рулон на специальную бобину. Молодой начальник смены Геннадий Лейбович измеряет толщину (точно три миллиметра!), пробует ладонью, как пружинит материал. Оценивает результат довольно своеобразно: «Можно кувыркаться, как на батуте». Недаром же он мастер спорта по акробатике!

Затем рулоном сополимера завладевают хозяйки девятнадцатиметровой вакуум-формовочной линии — инженер-технолог Жанна Лященко и формовщицы Лариса Романченко и Надежда Панчул. Лист вставляется в зажимы, и теперь формовщицы со своего пульта управления следят, чтобы соблюдались определенные температурные параметры.

Минута — и в металлическую корзину скатывается первая половинка будущего чемодана, или, как ее называют по технологии, «раковина», и сразу же — вторая, третья...

У крышек и днищ приятные округлые формы, красивая тисненая поверхность. Наружная и внутренняя стороны разных оттенков — не зря же сополимер трехслойный.

Отходов нет — оставшийся пластик движется дальше, измельчается в скоростной гильотине и по замкнутому циклу снова подается на переработку, он пойдет на внутренний слой листа.

В это время в другом цехе штампуют чемоданные замки. Обе половинки-раковины соединяются красивой алюминиевой рамкой. Ее изготавливают с помощью автоматического устройства, затем анодируют и передают на сборочный участок.

Первый чемодан доверили собрать смене Людмилы Васильевны Кияшко. Наладчик Владимир Зозуля еще раз проверил пресс, за который встала сборщица Людмила Ефимовна Стрелец. Она поставила детали на свои места, нажала педаль... И вот — первый из миллионов. Белый, сверкающий — так и просится на выставку. Его и решили передать в музей трудовой славы предприятия. Но предварительно все, кто был тогда на участке сборки, взяли фломастеры и поставили на чемодане свои автографы. Директор объединения написал номер — «000001» и дату «6 апреля 1977 года, 21 час»...

На следующий день было собрано еще двадцать чемоданов. Потом начались обычные в таких случаях доводка, совершенствование образцов, наладка непрерывного конвейера. И в процессе этой доводки снова один за другим вопросы. Скажем, такой: проектанты московского ГИПРОПЛАСТА предложили перевозить чемоданы на ручных тележках, вес которых с грузом будет составлять от 500 до 1000 килограммов. «Хороший» подарок женскому коллективу! Пришлось разрабатывать свой вариант тележек.

Чтобы труд на конвейере не был слишком монотонным, решили организовать его таким образом: работницы будут осваивать сразу несколько операций и смогут меняться местами. 220 работниц обязались в течение года овладеть смежными специальностями.

В такой организации заинтересованы и работницы и производство. Дело в том, что уникальное оборудование комплекса, позволяя достигнуть высокой производительности труда, не допускает сбоя ритма ни на одном участке.

В этом году с конвейера сойдут чемоданы трех видов. Два дорожных и один для деловых бумаг — «Дипломат». Пока что план составляет 700 тысяч изделий до конца года, а в 1978 году намечается вдвое увеличить производство. Выпускать чемоданы «Люкс», саквояжи специального назначения — для медиков, автомобилистов, фотографов, рыбаков... В общем, каждый пятый чемодан, изготовленный в стране, будет иметь марку северодонецких химиков — «Реторта на ладони».

С. ПЕРЦОВСКИЙ,
сотрудник газеты
«Северодонецкий химик»

РОЩИ КАРЕЛЬСКИХ БЕРЕЗ

Я поднимаю с земли несколько листков, разглядываю их и закладываю в страницы блокнота. Ведь это не простые листья...

Мы шагаем сиреневой тропкой.

Журчит, взгудывает неугомонный ручей, шелковистым переплеском отзывается ветру юная пахучая листва берез, сильно, задиристо, молодо заходится соловей, его трель нет-нет да и простегивается отрывистым звучным «кук-ку».

— Вот как! И кукушка у нас поселилась! — обрадованно удивляется Сергей Николаевич Багаев, старший научный сотрудник Костромской опытной лесной станции.

— Это она мне считает, — подхватывает дед Николай Андрианов.

Он коренаст, круглолиц, в старой телогрейке и валенках с калошами. У деда Николая, любителя лесовода, тут своя персональная роща — Андриановская. Так и в отчетах идет: Андриановская роща карельских берез! Он ее сажал вместе с Багаевым и его женой Маргаритой Васильевной на пустыре за Костромой. Так загорелся, увлекся — про пенсионный возраст позабыл. Стерег, берег, холил. И радовался: деревца прижились и тянутся к солнышку крепенькими.

А вторая роща за болотинкой — Ритина. В пожаристое лето змеисто подобрался по торфянику огонь к молодому карельскому березняку, но Маргарита Васильевна дежурила тут. И приняла бой. И сражалась с огнем сперва одна, потом вместе с дедом Андриановым, потом на подмогу примчался муж с бригадой рабочих. Спасли рощу. И стали называть ее Ритиной.

За ручьем по луговине еще одна роща карельских берез — семенная, березы здесь и не признают, по облику больше на яблони смахивают: ствол широк, осадист, как бочонок, а ветви вразброс. Брали обычную двух-трехлетнюю березку и вживляли в нее черенок карельской березы, при этом старые ветви обрезали. И получилось! Появилась целая роща низкорослых карельских берез, с которых удобно обирать семена.

Карельская береза...

Мы сидим с Сергеем Николаевичем Багаевым у него в кабинете на Костромской опытной лесной станции. Срезы деревьев, шпон, семена, гриб чага, каповый наплыв, похожий на ежа, плакаты, диаграммы, графики — все по лесу, по лесу.

Багаев протянул мне шпон карельской березы. От пластины глаз не оторвать — светлая, солнечная. Кажется, в дереве бушевали какие-то непонятные страсти, так неспокоен весь строй древесины. И льется, льется мягкий, атласный свет, теплый и торжествующий. Мебель из карельской березы получается крепкой и красивой. Для внутренней отделки зданий нет лучше материала — таким бы деревом пионерские дворцы украшать! А уж что могут сотворить из живого ствола умные, терпеливые руки мастера-художника, какие сувениры! Не материал — мечта! Охочи до карельской березы и иноземные фирмы. И продают им древесину не на кубы, а на вес. Да, на вес. Мало ее, прекрасной, драгоценной березы.

Я давно и близко знаком с «лесной» семьей Багаевых. Сергей Николаевич и Маргарита Васильевна кончали Поволжский лесотехнический институт, там же сейчас учатся их сыновья Сергей и Евгений.

У судиславского лесничего Сергея Николаевича Багаева с юношеских лет жила мечта: найти карельскую березу в лесах Верхневолжья. Он считал, что это ценное дерево растет не только в Карелии. Поиск был долгим, но успешным: за лесной деревенькой Клиницы отыскалась заветная береза. Она и сейчас жива. Обнесена оградой, к которой прибит щиток: «Карельская береза — элита, 1961 год». Она и не белостволая и не кудрявая; среди других (беспородных берез) выглядела даже убогой: кора с ромбическими ростресками, ствол с наплывами, будто из втулок составлен, к тому ж изрядно зачернен, крона выражена слабо. Словом, не красавица. Свою чарующую красоту она спрятала в стволе. Под корой.

За первой, «клинцовской», еще больше тысячи карельских берез отыскал кандидат наук Сергей Николаевич Багаев. Пригласили соседи-ивановцы, и у них нашлась заветная береза. К владимирцам ездил, водил лесников по речке Клязьме, и близ города Вязники нашли то, что искали. С удивлением разглядывали лесники березы, на которые раньше и глядеть-то не хотели, так они были убоги, непривлекательны. Выходит, от клада отворачивались.

Осенью прошлого года Багаев отдыхал в Литве. Первым делом, разумеется, свел знакомство с местными лесниками, справился, есть ли у них карельская береза. Отвечали уверенно: нет. Не поверил. Стали замечать отдыхающие санатория, что этот высокий худощавый человек то пропустит обед, то не явится на ужин. Багаев обшарил местные леса и нашел пятьдесят элитных деревьев. Лесники не поверили. Пришлось вести в их же лес и показывать его богатства.

...Карельская береза найдена. Встала задача не менее трудная — размножить ее! Собирали семена с элитных берез, проращивали, высаживали в оранжереи, в открытый грунт. Заложили три рощи карельских берез, разбивали опытные делянки. Тревоги, радости, удачи, неудачи — все было.

Семьсот тысяч саженцев карельской березы передали Багаев и его друзья в пятнадцать лесхозов страны. Сегодня багаевская «карелка» растет и на Сахалине, и в Казахстане, и на Украине, и в Молдавии, и в степях Поволжья, и в предгорьях Кавказа.

Только по речке Костроме и в Космынинском лесничестве заложено 50 гектаров замечательного дерева. А из Марийской АССР пишут отцу и матери Сергей и Евгений Багаевы: ставили опыты, карельская береза живуча и по горельникам.

Так началась новая жизнь карельской березы. Рождение дерева — всегда чудо. Дерево близко человеку. А тут не просто дерево, а дерево-клад, дерево-мечта!

Василий БОЧАРНИКОВ

д. Нелидово,
Костромской области.

СПАСИТЕЛЬНЫЕ ГРАНУЛЫ

Проблема очистки крови от вредных, ядовитых веществ, попавших в организм в результате отравления человека, очень сложная, а от ее решения во многих случаях зависит жизнь. Советские ученые разработали новый метод выведения ядов из крови, более эффективный, чем все ранее применяемые. В чем его суть?

Известно, что так называемый активированный уголь обладает способностью поглощать (адсорбировать) некоторые вещества и газы. Ученые-медики совместно со специалистами из других областей науки (химиками, биохимиками) попытались применять активированный уголь и для очистки крови. Конечно, «фильтровать» кровь надо так, чтобы ни в коем случае не нарушить сложный состав.

Химикам Института горючих ископаемых (ИГИ) в Москве удалось внести свой вклад в решение этой проблемы. В качестве адсорбента они предложили активированный уголь в виде гранул, покрытых особой пленкой, позволяющей поглощать только вредные вещества и не нарушать обычный состав крови.

На снимке: заведующая лабораторией ИГИ кандидат химических наук С. И. Суринова (стоит) и старший лаборант Е. Н. Васильева, принимавшие участие в создании новых адсорбентов.

Г. ПОЛЬСКОЙ

Для малышей

— Меню на сегодня? — переспрашивает Вера Николаевна Ромашова, заведующая молочной кухней Гродненской областной детской больницы. — Молочные смеси: овес, гречка, рис. Мясной бульон, овощное пюре, кисель, донорское молоко, биолакт. Двадцать восемь названий. Пять тысяч порций в день. Для больницы, для родильного дома, в ясли и домашней детворе, всем, кому доктор выписал наше питание.

У раздаточного окошка мамы и бабушки, папы и дедушки разбирают бутылочки.

В списке против многих фамилий стоит пометка «бесплатно»: это для двойняшек, детей студентов и курсантов, из многодетных семей.

Исполком Гродненского городского Совета депутатов трудящихся предоставил для детской молочной кухни просторное светлое здание с прекрасным оборудованными варочным, разливающим, кисло-молочным цехами.

С. ЛАЗЕРЕВА

Наша информация

Именем героини

Для работниц Ферганского производственного хлопчатобумажного объединения незабываемым остался день встречи с делегацией из Вьетнама, посетившей их предприятие в сентябре 1975 года. Особенно взволновали всех рассказы Та Тхи Киеу — маленькой женщины с орденом Освобождения на военном кителе, участницы многих боев с американскими интервентами. После этой встречи прядильщицы бригады Н. Бодриной попросили у героини разрешения включить ее в состав своего комсомольско-молодежного коллектива.

С тех пор бригада носит имя Та Тхи Киеу, выполняет за нее рабочую норму и в письмах, которые часто уходят из Ферганы в Социалистическую Республику Вьетнам, рассказывает о своих делах. Нелли Бодрина, Гюльсине Хус-

инова, Ася Осипова (вы видите их на снимке) и их подруги уверены: Та Тхи Киеу приятно узнавать, что они выступили с инициативой «Работать без отстающих», что каждая из них ежедневно перевыполняет норму, что многие комсомолки занимаются в вечернем техникуме легкой промышленности, а весь их коллектив — одна дружная интернациональная семья.

«Настроение у нас отличное», — сообщили прядильщицы в одном из последних своих писем в город Хошимин. — Сейчас мы готовимся к 60-летию Великого Октября. Решили к этому празднику выполнить два годовых плана и дать сверх нормы 104 тонны пряжи».

Ю. ЕФИМОВ

Фото В. ДМИТРИЕВА.
г. Фергана.

Большие планы

«Лиепайчанка» — так назвали наши женщины свой клуб. Год от года растет его популярность. Беседы на тему текущих событий, лекции врача, педагога, консультации юриста расширяют кругозор слушательниц. Женщины охотно посещают занятия кружков: рукоделия, кройки и шитья, «вкусной еды». Устраивают выставки своих работ.

Очень помогает в организации всех этих дел заведующая клубом строителей Ева Цериня.

Интересно проходят тематические вечера-встречи. «Дочки-матери» — так назывался один из них. О сложности характеров подростков, о трудностях во взаимоотношениях с ними серьезно и заинтересованно говорили матери и учителя. Не одну женщину заставила эта встреча по-новому взглянуть на свою подростковую девочку, а может, в чем-то и пересмотреть свои отношения с ней.

В юбилейном году у женского клуба большие планы. Готовятся театрализованные вечера «Женщины мира в борьбе за мир», «Труженицы Лиепай — навстречу 60-летию Октября».

В. ФЕДОРОВА,
председатель женского клуба

г. Лиепая,
Латвийская ССР

На снимке: активистки клуба готовятся к очередной встрече.

Фото Я. ЛАБИТСА.

«Воздушный джигит»

Дагестан — край заснеженных вершин и узких троп, уходящих ввысь, туда, где, словно ласточкины гнезда, темнеют крыши аулов. Трудны к ним дороги. Снежные лавины, обвалы преграждают путь. Поэтому самый надежный транспорт здесь — авиация. Без нее немыслима экономическая и культурная жизнь республики. По густоте сети воздушных сообщений Дагестан занимает одно из первых мест в Европе.

Среди опытных пилотов ордена Трудового Красного Знамени Махачкалинского авиапредприятия Галина Сергеевна Лунина — командир самолета АН-2.

Еще занимаясь в Каспийском профессионально-техническом училище, Галина увлекалась парашютным спортом, училась в аэроклубе управлять самолетом. Затем ее, фрезеровщицу, направили на учебу. С 1969 года комсомолка Галина Лунина — пилот гражданской авиации.

У каждого летчика есть самый памятный полет. Для Галины Луниной таким стал рейс по маршруту Махачкала — Хунзах — Чирюрт. Он проходил в исключительно сложной обстановке, и нужно было немало мастерства и самоотверженности, чтобы благополучно посадить самолет.

За проявленное мужество, выдержку и грамотные действия в сложных условиях полета приказом министра гражданской авиации командир самолета АН-2 Г. С. Лунина награждена знаком «Отличник Аэрофлота».

Махачкалинские летчики хранят портрет народного поэта Дагестана Расула Гамзатова с дарственной надписью: «Моим дорогим друзьям, воздушным джигитам с давней и верной любовью».

С полным правом воздушным джигитом можно назвать и Галину Лунину.

Р. ХАРЧЕНКО

На снимке: командир самолета АН-2 Г. С. Лунина.

Фото автора.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ЖЕНСОВЕТОВ УЧАТСЯ

Уже не первый год в Кировабаде работает университет идеологических кадров, созданный горкомом КП Азербайджана. Занятия проводятся раз в месяц на шести факультетах, в том числе и на факультете председателей женских советов предприятий, учреждений, учебных заведений.

Активистки слушают лекции, участвуют в семинарских занятиях, обмениваются опытом работы.

«Советские женщины в коммунистическом строительстве», «XXV съезд КПСС об улучшении условий труда, быта и отдыха тру-

жениц», «Задачи женсоветов в обобщении и распространении опыта работниц, передовиков производства», «Роль женсоветов во внедрении в быт советских обрядов и традиций» — вот некоторые темы занятий. Помимо лекций и семинаров, слушатели посещают предприятия, учреждения быта, встречаются с руководителями партийных, советских организаций города, с учеными, писателями, деятелями культуры.

Г. АГАДЖАНОВА,
председатель горженсовета
г. Кировабад.

«ЖЭМЭ» И «ТАТЬЯНА»

В ассортименте кремов, мыла, лосьонов, выпускаемых производственным объединением «Свобода», появилась новинка — крем-пудра «Жэмэ». Создана она совместно советскими и французскими парфюмерами. Крем-пудра, придающая коже естественный цвет — натуральный, бежевый или персиковый, — составлена на основе натуральных жировых веществ.

Оттеночный шампунь «Татьяна» — еще одна новинка — также выпускается производственным объединением «Свобода» совместно с французской косметической фирмой «Л'Ориаль». Пепельный, серый, коричневый, золотистый — любой из этих оттенков можно придать волосам. При мытье волос краска легко смывается. Шампунь благоприятно дей-

ствует на кожу головы и волосы, они становятся мягкими, легко укладываются в причёску. Крем-пудра «Жэмэ» и шампунь «Татьяна» удостоены государственного Знака качества. В этом году будет выпущено 8 миллионов туб шампуня «Татьяна» и 5 миллионов — крем-пудры «Жэмэ».

Э. ГУСЕВА

Фото читателя
С. Берлинерблау
(г. Алма-Ата).

Здравствуй, мама!

...А в понедельник утром гляжу: вторая койка, что пустовала в моей палате целую неделю, занята. Лежит на ней мальчонка лет семи. Лежит себе и помалкивает.

«Звать-то тебя как?» — спрашиваю. «Митя». «А по батюшке?» «Иванович». «Пойдем тогда завтракать, Дмитрий Иванович». «Идемте», — говорит.

Так вот и стало нас двое.

Для веселья больницы, в общем, мало оборудованы. Ну, шахматы там, шашки, телевизор вечером, друзья забегают новости порассказать. А все равно настроение неважное. Подойдешь к окну: народ по улицам спешит, у каждого свои дела, а ты знай одно: есть и спать да таблетки принимать вовремя.

Дня через три вижу: поскуцнел мой Дмитрий Иванович. Он и вообще-то, кажется, замкнутый мальчонка, а тут что-то совсем приутих. Станет у окошка, локти на подоконник, подопрет кулачками подбородок и все выглядывает на улицу, словно ждет кого-то. А кого ждать? Мать привезла его из Лабитнанги, это пять часов поездом. Среди недели в город ей выбраться никак нельзя — стрелочницей работает, пост оставить не на кого.

Митя знал это лучше меня. А все равно ждал...

Скажешь ему: «Давай в шашки сгоняем», — обернется, глазенки грустные-грустные. «Нет, — ответит, — не хочется...» И опять к окошку.

Принесет жена что-нибудь сладкое, я — ему. Он не отказывался. Но как-то медсестра, которая ежедневно перед обходом врача делала осмотр наших тумбочек, заметила, что кулек сладостей у Мити не только не уменьшается, но становится все больше и больше.

«Ты что... — обратилась она к нему, — сладкое, наверное, не любишь?» «Да так... — замылся Митя, — что-то не хочется». «А если по-честному?» «Она скоро придет...» «Кто это — она?» «Ну, моя мама. Она приедет в субботу. Завтра...»

Назавтра Иванович проснулся затемно. Скоренько натянул пижамку и — к окошку. Его уводили: то уколы, то на рентген. Он, как всегда, послушно делал все, что велят старшие. Но с каким нетерпением возвращался на облюбованное место, к окну!

...День шел на убыль. Стемнело. Я ворочался с боку на бок, нервничал, видя, как мой Иванович все ждет и надеется.

Она появилась в больнице поздно. Вдруг Митя сорвался с постели, затопал по коридору к входной двери; я — за ним, а он уже повис на шее матери, что-то шепчет ей на ухо, гладит ладошками по щекам.

Как удалось ему услышать шаги и не ошибиться, что это именно она, его мама, которая обязательно придет в субботу? Но, может, я тоже бы сумел, будь это моя мама...

Дежурный врач предложила женщине переночевать в больнице, уступила ей диван.

...За час до подъема вышел я в коридор, вижу: дверь в ординаторскую приоткрыта. Доктор дремала, склонившись над письменным

столом. Митя сидел на стуле перед спящей матерью, на коленях — кулек сладостей. Вот он тихонько слез со стула, поправил сползшее с дивана одеяло...

После завтрака Иванович прощался с мамой, та спешила на поезд. Он усиленно расхваливал свое житье-бытье, лестно отзывался о моем умении рассказывать сказки и все повторял, что ему в больнице несколько не скучно...

До среды Митя ходил заметно оживленный. С удовольствием отзывался на расспросы. А потом все чаще и чаще оказывался у окна. Положит локти на подоконник, подопрет кулачками подбородок и смотрит-смотрит на улицу...

Все, что после тебя...

Во время командировки в Инту был моим спутником человек, много лет проживший в этом городе. Он знаком в Инте со всеми, и его знают все. С ним я побывал в гостях у здешних старожилков.

В каждой семье разговор чаще всего начинался с расспросов, рассказов о детях.

— Как твой Вадим?

— На четвертом курсе уже. А твоя Татьяна? Поступила в институт?

— Как же, студентка... Выросла, похорошела, не узнать прежней пигалицы.

— А Ленка? Поглядите на Ленку! Давно ли в коляске ее катали? А уже первоклассница!

— Что первоклассница! Вчера в гостях была, шейк танцевала. Ты, небось, не умеешь в свои сорок лет. Вот Ленка за тебя и дотанцует.

Растут ребята. Радуют родителей. И хочется каждой матери, каждому отцу оставить детям что-то после себя. «Работаем, стараемся — все для них».

— ...А новый приемник мы в Москву отослали, пусть Таня слушает. Вот с пианино труднее: негде ей там его поставить. Но ничего, построят кооператив, тогда и отправим инструмент.

— ...У меня в библиотеке классики неплохо представлены. На днях Теккерей выписал. Мой старший, Сергей, очень книги любит. Хорошая библиотека достанется ему. Приятно, что передам ее в надежные руки.

— ...Вот с трудом приобрела хрустальную конфетницу, еще одну вазу... Зачем вторую? Так ведь Лена подрастает...

У каждого свои представления о наследстве, о том, что оставить сыну или дочери...

...В отделе главного механика шахты № 1 попался мне на глаза журнал, где подробно записывались все неполадки с машинами и механизмами. Очень подробно записывались. Нигде раньше не приходилось мне встречаться с таким журналом. Теоретически они, конечно, должны быть на каждой шахте. Но всякий ли механик за текучкой повседневных дел найдет возможность вести такой учет?

А Роман Владиславович Пиотрович вел. Уже второй год заполнялась изрядно потрепанная тетрадка. На полях ее были отметки о принятых мерах, выводы, мысли.

— Какая отличная штука! — вырвалось у ме-

ня. — Сколько в ней ценного материала для экономиста, механика, для каждого горняка. Не дадите ли во временное пользование? Мы и у себя в Воркуте заведем такие же.

— Почему же нет? Только не «замотайте». Я ведь хочу оставить ее своим пацанам. Они у меня определенно станут механиками, — заключил Роман Владиславович.

Бывает и такое наследство.

...А жаль, что нельзя заглянуть в будущее, лет на двадцать вперед хотя бы. Устареют, вероятно, к тому времени нынешние угольные комбайны. Примитивной будет казаться молодым техника наших дней. Да и вообще не исключено, что «пацаны» захотят стать не горняками, а скажем, хирургами, филологами. Зачем им тогда пухлая отцовская тетрадь?

Может, все-таки лучше оставить в наследство хрусталь?

«Я же Вова!»

Он стоял на лестничной площадке, забившись в уголок, и держал в руках игрушечный автомат. Час был поздний, лампочка на площадке перегорела, и ничего не было видно вокруг. Потому и заметил я его не сразу. Постоял немного у перил, дожидаясь, когда приятель выйдет из квартиры, и все мне казалось, что кто-то сопит у стены.

Дверь открылась. Оглядываюсь и вижу: стоит мальчонка в углу, жмурится от света, прижимает к себе игрушку.

— Кто это, Рома?

Приятель ввернул лампочку, щелкнул выключателем.

— Да это наш сосед из квартиры напротив. Здорово, солдатик!

Малыш молча протянул руку.

— А что это у тебя, автомат? Знаешь, как он стреляет? Конечно, знаешь. А ну, дай в него очередь, — дурачился Роман, показывая в мою сторону.

Игра начинала нравиться мальчику. И он тихонько засмеялся.

— Смелее, Серега! — кричал Роман. — Не трусь! Мы сумеем замести следы.

Малыш неуверенно взглянул на веселого дядьку и опустил автомат. Потом вновь его поднял и опять опустил. Что-то явно мешало ему.

— Ну, что же ты? Дрейфишь?

Малыш, видно, не все понимал из сказанного. Но ему нравилось, что этот дядька размахивает руками, показывая, как надо палить.

— Ладно, хватит, — сказал я. — До свидания, Сережа. Нам пора уходить.

Автомат загремел по ступеням. Малыш отчаянно забарабанил в дверь своей квартиры. По щекам его текли слезы.

— Мама! — отчаянно кричал мальчик. — Мамочка!

Роман метнулся к мальчику. Молодая женщина выбежала из квартиры напротив.

— Что с тобой, сынок? Что случилось?

— Мамочка! Я же Вова! Я всегда был Вовой!

— Ну, конечно, сынок, — сказала молодая женщина, утирая сыну слезы.

Мать не поняла, что произошло. Она увела его, а мне так хотелось сказать мальчонке: «Успокойся, малыш. Ты не Сережа. Ты Вова. Все в порядке. Пока все в порядке. Самое же трудное, парень, у тебя впереди. Не раз еще появятся на твоём пути взрослые люди. Их слепая вера в свою непогрешимость порою заставит тебя в самом себе усомниться. И тебе захочется бить кулаками в дверь и требовать, чтобы все стало на свои места. И даже мама будет бессильна помочь тебе.

Ты должен будешь во всем разобраться сам».

О времени

и о себе

Лев ОЗЕРОВ

О чем я пишу, читатели узнают, если захотят познакомиться с моими книгами.

Как писать? На этот вопрос я отвечаю одновременно с ответом на вопрос: как жить?

Не сочиняю, не придумываю, живу стихом, через стих познаю мир и себя. Как санитарные и пожарные машины, стихи идут на красный свет.

Зачем пишу? Покрасоваться, показать себя, развлечь, развлечься или сказать нечто важное для других? Мне хотелось быть не столько ярким, сколько полезным. Быть полезным Отечеству. Внести свою лепту в изменение такого несовершенного мира, как душа человека. Без этой — пусть наивной — веры в то, что слово может двигать горы, писать нельзя.

Для меня поэзия не вид, не жанр литературы, а голос влюбленности. Человек не может долго жить ненавистью, — она озлобит его и испепелит. А любовью можно жить долго, всю жизнь.

Итак, поэзия — влюбленность. Но поэзия — и ответственность. За человека. Перед временем.

Я должен, обязан предупредить человека, а в его лице все человечество о завтрашней радости и о завтрашней опасности. Предчувствие — неотъемлемое свойство поэта. Как подтекст рождается из текста, так предчувствие рождается из чувства, сильно обострившегося.

Образуюсь из впечатлений бытия, поэзия становится, должна стать бытием. Писать стихи, «делать стихи»,

выстраивать слова мне представляется занятием, которому при усердии можно научиться. Но создавать поэзию — это воссоздавать вторую вселенную, встающую рядом с первой вселенной. Имею в виду классику. Это вершины. Работаю, глядя на них. Поэтому гарантирован от самоуспокоенности.

Много раздумывал и неоднократно писал о читателе поэзии. Мне кажется, что вижу и чувствую своего читателя. Когда вслух прочитываю написанное мной или размышляю над тем, что сделал за день, я как бы ощущаю одобрение или порицание читателя. Мне представляется он интересным и взыскательным собеседником. Мы разговариваем с ним, сидя по обе стороны стола. В руки этого читателя-собеседника я и отдаю свои стихи.

* * *

Луга в цвету. Вершина лета.
Пахуч июль, не воздух — мед.
Земля приволжская нагрета
Так, словно бы на целый год.
На целый год запас теплоты
В дровах, что сохнут во дворе,
В плодах еще незрелых, в сини,
Что вспыхивает на заре,
В березах, что ползут на взгорки,
В домишках, погруженных в сон.
Не потому ли взгляд твой зорок,
Что тоже солнцем напоен
На целый год...

* * *

Ручей сквозит за пальцами арфистки.
Свирель торопит раннюю зарю.
Когда стихают ветровые визги,
Заря ерошит грудку снегирию.
В душе веду я беглые записки,
Но с совестью своею говорю.

Я устарел! Но — оказался новым.
Новей, чем джаз, куда новей, чем твист.
Нет, не зову к лаптям или паневам,
Хочу, чтоб голос был правдив и чист.
Звучанием скрипичным и альтовым
Живет во мне старинный симфонист.

Пожизненно-жестокая беда
Не может быть никем завершена.
Я устарел для смуты и для бреда.
Не до словес! Важна мне мысль. Она!
Я устарел. И в том моя победа.
И в том моя, быть может, новизна.

* * *

Повтори это слово, мой друг, повтори.
Слово требует властно возврата.
Ведь земля не боится повтора зари,
Не боится повтора заката.

Повторенное слово, что туча в реке,
Что в колодце звезды отраженья,
И рука, что лежит безмятежно в руке —
Это наше с тобой повторенье.

Сели рядом на ветку вдвоем снегири,
Два пригорка глядят брат на брата.
Повтори это слово, мой друг, повтори,
Слово требует властно возврата.

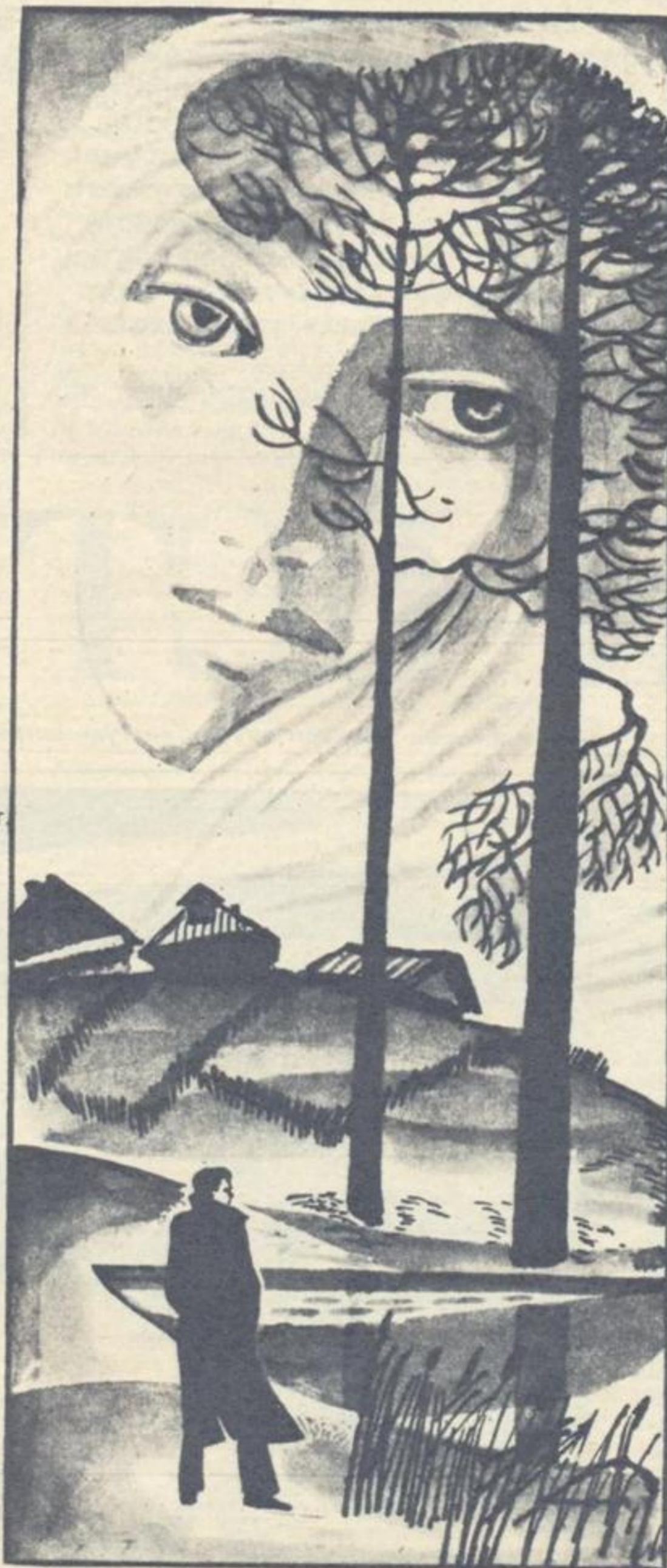

Рисунок Ю. РАКШИ

* * *

В Ленинграде нельзя заблудиться —
Четко вычерчен Ленинград.
У домов непохожие лица,
И такие же — у оград.

Архитектора век быстротечен,
Но его проступают черты
На проспекте, который отмечен
Красотою своей простоты.

А проспект, он в сиянии тонет,
И разбег его весел и крут,
И под стать ему клодтовы кони,
Что и стоя на месте бегут.

* * *

Шопен не требует усилий,
Нажима, никаких потуг,
И только легкий шум воскрылий,
И только ночи горный дух.

Как будто все само собою
Рождается на белый свет:
Мельканье листьев, гул прибоя,
Вопрос, похожий на ответ.

* * *

Медлительно-величаво
По Волге баржа плывет.
Ей не сопутствует слава,
А столько у ней забот.

Вся в синих стрекозах, вся в бликах,
В играх света и мглы.
Завязанные на стыках
Постукивают стволы.

А жизнь идет, как на суше:
Рыбу чистит жена.
Все тише, все реже, все глуше
К вечеру бьет волна.

Пеленки давно подсохли.
Младенцу лафа и без них.
Песенку — ох ли, ох ли —
Гармонию взял отпускник.

Уха уже закипела,
А главный сидит на корме,
Поглядывая то и дело
На звездочку в полутьме.

Немногим более двух лет прошло с того дня, когда последний заокеанский оккупант был выдворен с вьетнамской земли.

Официально завершено объединение страны. На первой сессии Национального собрания единого Вьетнама было принято решение дать государству название — Социалистическая Республика Вьетнам. Сайгон переименован в город Хошимин.

Героический вьетнамский народ восстанавливает народное хозяйство, разрушенное войной. Особое внимание уделяется южным провинциям Вьетнама, три десятилетия находившимся под колониальным и империалистическим гнетом.

При всесторонней экономической помощи Советского Союза, других братских социалистических стран СРВ уже добилась значительных успехов.

Север и Юг связала железнодорожная магистраль «Единство», протяженность которой около двух тысяч километров. Восстановлены и построены сотни предприятий. Набирает темпы строительство гигантской ГЭС на реке Черной. В южных провинциях, где сельское хозяйство было разорено империалистическими войсками и сайгонскими карателями, восстанавливаются рисовые поля, плантации кофе, чая, каучуконосной гевеи, создаются овощеводческие хозяйства, высаживаются фруктовые сады.

На юге ликвидируются массовые инфекционные заболевания — тяжелое наследие недавнего колониального прошлого. Организовано бесплатное медицинское обслуживание населения, обеспечена охрана материнства и детства. Здесь до освобождения каждый пятый взрослый житель не умел читать и писать. За два последних года курсы по ликвидации неграмотности окончили более миллиона человек. Учатся все дети школьного возраста.

В декабре 1976 года в столице СРВ — Ханое состоялся IV съезд партии вьетнамских коммунистов. Съезд наметил программу построения в короткие исторические сроки материально-технической базы социализма в масштабах всей страны.

Единый, свободный, мирный Вьетнам, преодолевая трудности, идет по пути социалистического строительства.

«Брат!» Из толпы стремительно вырывается человек лет пятидесяти в пестрой рубашке. Пол-лица скрывают темные очки. «Брат!» Хрустнули под ногами линзы очков. Гигантским волчком закрутился зонтик. Покатилось по причалу колесо серого фетра... Рыдают, прикинув друг к другу, родные люди. Мы никогда не узнаем, какую пытку неизвестности вынесли они, прежде чем настал этот день.

Слезы радости и печали... Только сейчас кто-то узнал, что у него есть внук, а кто-то — что его отец умер много лет назад. И как рассказать сразу, вот здесь, за несколько минут, о своей жизни — с того самого давнего дня, когда разлучила война.

К выходам из порта устремляются потоки счастливых людей, и толпа у трапа постепенно редет. Оркестр умолк, и все заполнила музыка человеческих голосов — смех, восклицания, песни...

У этого ожидания счастливый конец. А кому предъявят свой счет те, кто уже никогда не встретится, никогда?..

Тем, кто нес смерть и разрушения их родине, кто оставлял руины не только на вьетнамской земле, но и в сердцах вьетнамцев. Тем, кого натаскивали за океаном в лучших военных училищах, осыпали наградами, повышали в званиях. И требовали: «Убивай! Убивай!» И поучали: «Хороший вьетнамец — мертвый вьетнамец».

...Солнце скрылось за низкими крышами пакаузов. Ветер с реки окреп и без труда расправил поникшие полотнища флагов. Посвежело. Остро запахло морскими водорослями, перцем, мазутом, угольной пылью, лимонами, паровым дымом, перегретым железом, какими-то цветами и еще многим-многом — всем, чем дышит большой тропический порт.

Николай
СОЛНЦЕВ

ТРИ ВСТРЕЧИ

Адрес надежды

Снова и снова приходит Нгуен Тхи Туан встречать сына...

От северовьетнамского порта Хайфон до города Хошимин морем несколько суток пути. Для этих людей он растянулся на четверть века. Для одних — треть или половина жизни. Для других, кто не старше двадцати пяти, — вся жизнь.

Жители города Хошимин встречают в порту своих родственников, прибывших на пароходе с символическим названием «Единство».

...Пять часов вечера, а солнце жжет нещадно. Каждый шаг четко отпечатывается на размягченном асфальте. Под оранжевым тентом из парашютного шелка гремит духовой оркестр. Кумач флагов, отражаясь в чуть колеблемой легким ветерком реке Сайгон, дробится на тысячи алых бликов. А между бетонным отвесом причальной стенки и высоким белым бортом парохода — узкая, шириной в ладонь, густо-черная полоска воды. Как пограничная черта между горем разлуки и счастьем встречи.

Сотни пар глаз прикованы к трапам, на которых появляются первые пассажиры. Как узнать тех, кого неузнаваемо изменило время? А тех, кого никогда не видел, но любишь больше жизни, — детей своих детей? Вот разве сердце подскажет...

У нижней ступеньки трапа растерянно всматривается в лица встречающих седой человек. Через плечо — потертая клеенчатая сумка, аккуратно перевязанная бечевкой. В одной руке — раскрытый порывевший от времени зонтик. В другой — старомодная фетровая шляпа с большими полями.

В гости к бабушке.

Оркестранты спускают парусящий под ветром оранжевый тент.

У опустевшего трапа маячит фигурка пожилой женщины, одетой по-крестьянски: «нон», белая полотняная кофточка, широкие черные штаны. В руках самодельный плакатик: «Меня зовут Нгуен Тхи Туан. Мой адрес: улица Кау Банг, 30». Эта женщина вот уже год встречает каждый пароход с Севера, она ждет сына. Или тех, кто хоть что-нибудь знает о нем. 15 лет назад карательный отряд сайгонской армии сжег ее родную деревню. Сын успел скрыться в джунглях. Если он жив, ему сейчас 32 года.

Через четыре дня после встречи в порту с Нгуен Тхи Туан я побывал в лагере перевоспитания для высших сайгонских офицеров.

Мы сидели с бывшим генерал-лейтенантом Ле Минь Тао на бамбуковой скамейке около лагерной кухни.

Ле Минь Тао, небрежно заложив ногу за ногу, то и дело теребил украшавшую его короткую шею тонкую золотую цепочку с каким-то талисманом. Он подробно рассказал мне о своих давних увлечениях: буддийской философии и рецептах древней вьетнамской кухни. Тщательно уложенная прическа на его круглой голове отливала глянец. И во всем его облике было что-то парфюмерное, ненастоящее...

Пропуская мимо ушей подробное перечисление экзотических блюд парадного обеда последнего императора Бао Дая, я думал, что Нгуен Тхи Туан, наверное, не узнала бы этого человека. А ведь именно он в тот далекий август 1962 года командовал карателями, ворвавшись в деревню, где вместе с сыном жила Нгуен Тхи Туан. Тогда Ле Минь Тао был молод и носил капитанские погоны.

Начальник лагеря перевоспитания, много лет проработавший в революционном сайгонском подполье, сказал мне, внимательно выслушав историю Туан и Тао: «Революция не мстит».

...По многим адресам пришел в тот день праздник. Но не на улицу Кау Банг, в дом номер тридцать—на городскую окраину.

Следующий пароход с Севера—через неделю. И тогда Нгуен Тхи Туан снова пойдет через весь город в порт со своим плакатиком. И снова будет всматриваться в каждого, и ждать, и надеяться.

*Конусообразная вьетнамская шляпа из листьев водной пальмы.

Секретарь райкома

Данг Нгок Винь—секретарь партийного комитета одного из окраинных районов бывшего Сайгона, ставшего городом Хошимин. Ее заботы без остатка отданы сегодняшнему дню, а помыслы будущему. Будущему, во имя которого она стала революционеркой в 16 лет, о котором мечтала три тысячи двадцать шесть дней и ночей в тюремном бараке острова смерти Пуло-Кондор.

Район, куда ее направила работать партия, один из самых трудных в городе. Но, хотя со Дня Освобождения прошло совсем немного времени, кое-что уже удалось сделать. Построены временные жилища, у людей появилась крыша над головой.

— При марионеточном режиме,—говорит Данг Нгок Винь,—здесь обитали бедняки из бедняков. Их выбросили не только из города, но и из жизни. Тысячи людей ютились на старом католическом кладбище—прямо среди могил, спали на могильных плитах. Их заживо вычеркнули из списков живых.

Им не разрешалось появляться в центре города. Можно сказать, этот район был настоящим концентрационным лагерем. Его заключенные обвинялись в самом «страшном преступлении»—бедности.

Сейчас,—ее голос теплеет,—очень много внимания уделяется детям: борьба с беспризорностью, болезнями. Раньше многие дети умирали, едва успев родиться.

Люди, которые живут здесь, истосковались по мирному труду. Ведь столько лет в их руки насильно вкладывали оружие, чтобы стрелять, жечь, резать. Штыками и голодом загоняли молодежь в марионеточную армию, превращали в соучастников преступлений против своего народа. А они хотели работать...

Товарищ Ле Зуан на съезде партии сказал, что в ближайшие годы необходимо обеспечить полную занятость трудовых ресурсов нашей страны. Для Юга, лишь недавно освободившегося от гнета колонизаторов, империалистов и их марионеток, это одна из самых главных задач.

...Данг Нгок Винь—простоволосая, с грустными глазами, застенчивой улыбкой.

— Знаете,—вспоминает Винь,—мы с мужем всю войну Сопротивления, можно сказать, не разлучались. Вместе работали в подполье, после ареста сидели в одной и той же тюрьме. И на Пуло-Кондоре находились в одно и то же время. Даже записки друг другу посылали, честное слово! Служил там один охранник—не то чтобы сознательный, а дальновидный, что ли: старался на всякий случай с арестованными заигрывать. Вот он и был нашим почтальоном.

И чего бы я, кажется, не сделала, только бы муж вырвался на свободу... А вот сознание того, что он поблизости, что получу от него вечером весточку и свою пошлю, очень мне помогало не только выдержать, но и выжить. Поверьте: это было не просто—выжить на Пуло-Кондоре, не поступившись совестью революционера, убеждениями коммуниста... Подпольный тюремный партком (был на Пуло-Кондоре такой) принял даже постановление: каждый коммунист обязан бороться, чтобы жить, и жить, чтобы бороться.

Да, я уже говорила, что во время войны мы с мужем всегда были если не рядом, то все-таки поблизости. А после освобождения почти все время в разлуке. Мой муж—уполномоченный по организации новых сельскохозяйственных районов, которые будут снабжать Хошимин продовольствием. Месяцами не бывает дома и записки присылает редко: со связью еще неважно.

Винь улыбается.

— Я горжусь мужем. Он там, где всего нужнее партии, народу.

И, немного помолчав, вздыхает:

— Все понимаю, а все-таки немного обидно: всю войну вместе, а теперь, когда сотни тысяч семей вновь соединились...

Винь, задумавшись, машинально трогает небольшой шрам над ухом. Через день после освобождения в нее стрелял из-за угла переодетый жандарм.

Когда Винь и ее мужа полицейские марионеточного режима схватили на конспиративной квартире, их дочери было пять лет. Теперь она учится в средней школе. Ее выбрали в школьный комитет Союза коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина. Недавно вместе со своими товарищами выезжала в деревню—по

Женщины—депутаты Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам. В центре—Нгуен Тхи Динь, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Фото автора.

могали крестьянам восстанавливать разрушенную во время войны дамбу.

— Вся в отца,— говорит с гордостью Винь. И весело спрашивает:— Ну, как вам нравится наша семья?

Май из Ханоя

Каждое утро я слышу звонкий голос моей соседки Май, напевающей какую-нибудь советскую песню. Май поет без слов, но мелодию воспроизводит очень точно. Мелодий советских песен Май знает множество: все, которые за последние три года проигрывались в магнитофонных записях на корпункте Советского телевидения и радио в Ханое. У девочки абсолютный слух и приятный голос. Напевая, она как бы посылает мне каждое утро музыкальный привет. Май знает, что я люблю ее слушать. Но времени у нее мало. Родители уже уехали на семейном велосипеде на работу. (Отец—мастер-ремонтник в железнодорожных мастерских, мать—ткачиха на текстильной фабрике.) А Май еще надо накормить и отвести в детский сад четырехлетнюю сестренку, потом успеть в школу, в шестой класс. Май—отличница.

После занятий (если нет общественных поручений или пионерского сбора) Май приходит домой и прежде всего заглядывает в почтовый ящик. Май знает, что мама очень ждет писем из Камау—ее родного города. Этот город Май может показать на карте—он на самом-самом юге. Когда мама была еще совсем маленькой—такой, как сестренка Май,—дядя увез ее к себе в Ханой: мамина семья была бедной, и мамин дядя хотел ей помочь. С тех пор мама никогда не видела своих, если, конечно, не считать фотографий в большом семейном альбоме, оставшемся после дяди. Иногда мама листает альбом и плачет. Она показывает Май фото молодых людей и говорит, что это бабушка и дедушка Май, а маленькие девочки и мальчики из альбома, оказывается, ее, Май, тети и дяди. И в этом нет ничего удивительного. Ведь, как говорила мама, фотографии были сделаны почти тридцать лет назад!

Сразу же после того, как Юг стал свободным, мама отправила в Камау несколько писем—по всем адресам, которые написаны на последней странице альбома красивым дядиным почерком. Это адреса маминых родителей, друзей и знакомых маминого дяди. Мама писала и в городской комитет, и в газету «Зяй фонг»*, и куда-то еще... Но в почтовом ящике по-прежнему пусто... Май вздыхает и начинает готовить ужин для всей семьи. Потом идет за сестрой в детский сад.

Обычно Май приходит немножко раньше, чем полагается, и незаметно любит малышей, которые под наблюдением воспитательницы играют во дворе: кружатся на карусели, качаются на качелях, катают большой оранжевый мяч... Потом, взявшись за руки, поют песню о дяде Хо...

Когда-то очень-очень давно—пять или даже шесть лет назад—Май тоже жила в детском саду. Но тот сад был подземным, под землей жили дети, много детей... Так много, что для качелей и даже большого мяча не оставалось места. Наверное, поэтому Май иногда очень хочется покачаться на качелях и высоко-высоко подбросить большой оранжевый мяч... Но она этого не сделает: она взрослая. И, приняв строгий вид, Май чинно входит в ворота детского сада.

— Добрый вечер, уважаемая воспитательница,—говорит она,—хорошо ли вела себя сегодня моя сестра, была ли послушной?

Хошимин—Ханой—Москва

* «Зяй фонг» («Освобождение») — газета, издаваемая на Юге СРВ.

„КРАСНЫ

Самолет прилетел в Мурманск под вечер, и я прямо из аэропорта отправилась во Дворец культуры.

Репетиции инструментально-вокального ансамбля «Красны девицы» не было, но я все-таки попросила разрешения заглянуть в репетиционную: комнаты не всегда хранят молчание...

Тихи цветастые балалаечки, молчит электроорганоло, отдыхает ударная установка. Лишь афиши на стенах, перебивая яркостью друг друга, оповещают на финском, русском, шведском языках о концертах женского ансамбля Дворца культуры рыбаков имени Кирова из Мурманска. А вот и сами участницы ансамбля улыбаются с фотографии, помещенной в газете норвежского города Тромса.

Ансамбль, оказывается, выступал с концертами в нескольких городах Северной Норвегии—и в маленьком помещении профессионального училища и в огромных залах, вмещающих до 2000 зрителей,—всюду успех был неизменным. «У исполнителей разные профессии, но общее хобби—художественная самодеятельность,—и здесь они проявляют удивительную виртуозность...»

Статья полна восторженного удивления. Особенно поразило норвежцев то, что занятия музыкой, пением, танцами во дворце бесплатные. Удивил их и исполнительский уровень ансамбля. «Любители с профессиональным мастерством»—так оценили они выступления девушек из Мурманска.

Как же возник ансамбль?

...Однажды Валентина Антоновна Козлова, музыкальный работник детского сада, попала на концерт приехавшего на гастроли в Мурманск ансамбля «Добры молодцы».

— «Добры молодцы» есть, а про ансамбль «Красны девицы» почему-то не слышать!—пошутил кто-то после концерта.

Словно подслушали Валины мысли: женский вокально-инструментальный ансамбль был ее давней мечтой.

Еще когда училась в культурно-просветительном училище, увлекалась современной музыкой, народными песнями. По счастливому совпадению, любовь Валентины к музыке разделяет и ее муж Владимир Павлович, хирург областной больницы: он играет на многих музыкальных инструментах.

Рождению ансамбля предшествовал семейный совет, на котором было решено, что Владимир Павлович будет руководить инструментальной группой, а Валентина Антоновна, сама обладающая хорошим голосом,—вокальной.

Надо заметить, что во дворце идею эту поначалу приняли сдержанно. В самом деле: энтузиазм—вещь прекрасная, но одного энтузиазма, как известно, недостаточно. Однако объявление о том, что производится прослушивание и отбор девушек в вокально-инструментальный ансамбль, появилось.

Желающих оказалось больше, чем можно было предположить. Из множества претенденток отобрали всего восемь девушек. У каждой из них были и слух, и голос, и чувство ритма, только никто не знал нотной грамоты, а если и играли на каких-то инструментах, так подбирая мелодию по слуху.

Владимир Павлович разыскал на складе

дворца заброшенные инструменты, отремонтировал их. Он же собственными руками соорудил и электрогитары. В тот год, когда был создан ансамбль, из отпуска с юга они с Валентиной вместо таких желанных на Севере фруктов привезли 60 килограммов радиоаппаратуры. Дворец приобрел для ансамбля две трубы, два саксофона, тромбон.

На первых порах руководители и участницы работали без устали. Репетиции затягивались порой до глубокой ночи.

Олю Попову однажды даже не узнали на работе. В морское пароходство она пришла с распухшими от трости саксофона губами.

— Оля, что это с тобой?

А она в ответ радостно:

— Да пройдет! Зато я уже солирую!

Люба Поспелова—швея, а в ансамбле—ударник. Чувство ритма у нее врожденное, а вот поди ж ты—ничего поначалу не получалось. И она тренировалась не только на репетициях. В троллейбусе едет и по стеклу тихонько: тук, тук, тук, обедает и едва слышно по столу постукивает.

В марте 1972 года—тогда проводился телевизионный молодежный конкурс «Ищем таланты на Кольской земле»—ансамбль «Красны девицы» завоевал первое место.

...Они сидели в репетиционной комнате чуть-чуть растерянные, притихшие от радости.

— Девочки, а ведь в нас поверили!—Люба Поспелова лихо прошлась по своим щеткам и тарелочкам:—Поверили!

— Но это, девочки, только начало,—сказала Валентина Антоновна.—Дворец нам вручает...—и, не выдерживая строгого тона, сияя глазами, сообщила:—Вручает органолу и новые электрогитары.

И вновь репетиции, вновь поиски. Казалось бы, отработанная до мелочей песня В. Темнова «Балалаечка». Уже много раз с восторгом ее принимали зрители.

«За речкой сумерки сгустились,

Туманы низко опускались».

Задумчиво ведет солистка Таня Гранкина. Голос у нее грудной, глубокий. Девушки подхватывают:

«Бас-гитара» в ансамбле—Оля Перельгина.

«Как всегда, на старой лавочке
Играла я на балалаечке...»

Так и видишь отмытую дождями, вросшую в землю лавочку у калитки и русоволосую девушку...

— Стоп, девчата, стоп!..—Это Владимир

«Ох, помогла мне балалаечка»,—выводят «Красны девицы».

Фото В. ШУСТОВА.

ДЕВИЦЫ

Павлович.—Балалайка... Нужна балалайка! И не одна—вся вокальная группа возьмет в руки балалайки.

Опять—в который раз!—пришлось учиться. В результате все—теперь уже четырнадцать вокалисток—освоили игру на балалайках.

Балалайки и электроинструменты—сочетание непривычное, но именно оно придало ансамблю своеобразие.

В некоторые номера был введен и танец. Танцуют девушки, надо сказать, не хуже, чем играют и поют,—грациозные движения, хоро- воды, а то и лихой перепляс.

Выступать приходится много и часто. И в отдаленных поселках Кольского полуострова, и на промысловых судах, стоящих в порту на выгрузке, и даже в штормовом Баренцевом море. Поют для рыбаков и моряков на плавба- зах и траулерах в короткие часы их отдыха; поют и в самом городе—для судоремонтников, рыбообработчиков, строителей.

Программа ширится день ото дня. В реперту- аре ансамбля много песен: песни о мире, песни лирические, шуточные, песни народные, укра- инские, русские, народов Севера. А когда ансамбль готовится к зарубежным поездкам

(он выезжал в Норвегию, Финляндию, Шве- цию), ищут и разучивают народные песни этих стран.

Если учесть, что у всех участниц ансамбля есть основная работа, то можно понять, как мало у них времени. Все они молоды, а отсюда постоянные перемены в составе: и замуж выходят и детишек рожают.

В ансамбле постоянно готовят и учат новень- ких. А бывает, что и отогревают и поддержива- ют дружелюбием, доверием.

...Поставили однажды на учет в детской комнате милиции девчонку лет шестнадцати, которая и учиться бросила и домашних не слушает, а вечерами торчит с компанией в соседних подъездах—играет на гитаре, за что и прозвали ее «композитором». Общественный инспектор детской комнаты милиции Татьяна Гранкина разыскала этого «композитора» и почти силой привела на репетицию ансамбля. Девчонка сидела насупившись, делая вид, что ее ничего не интересует. Инспектора это не смутило. И она привела девчонку и на вторую репетицию. На этот раз «композитора» встре- тили как давнюю знакомую. Ну, а на третью репетицию она пришла уже сама, да так и

осталась в ансамбле. Поступила учиться в профессионально-техническое училище.

А Наде Ягуновой ансамбль помог выбрать профессию. Она всегда любила музыку и, увидев объявление о наборе в инструменталь- но-вокальный ансамбль, пришла во дворец.

Спустя месяц, дря на стертые струнами пальцы и счастливо улыбаясь, она сказала: «Я решила поступать в музыкальное училище». Сейчас Надя на пятом курсе. И уже сама руководит инструментальной группой ансам- бля «Спутник», в котором занимаются музы- кально одаренные девочки из 2-й школы горо- да Мурманска.

«Красны девицы» не однажды были победи- тельницами различных конкурсов, а в 1974 году им было присвоено звание народного коллектива. Выступал ансамбль и в Москве на Центральном телевидении.

Стали «Красны девицы» дипломантками и на проходящем в эти дни Всесоюзном фестивале художественного творчества трудящихся.

Сами получая огромную радость от сопри- косновения с искусством, девушки охотно да- рят эту радость другим.

З. ИЛЬИНА

П. РУБЕНС. «АВТОПОРТРЕТ С ИЗАБЕЛЛОЙ БРАНТ».

«РОСКОШНЫЙ ПИР ДЛЯ ОЧЕЙ»

400

Двадцать восьмого июня исполняется 400 лет со дня рождения великого фламандского художника Петера Пауля Рубенса. Весь мир торжественно отмечает эту дату, чья память выдающегося сына Фландрии.

Город Антверпен, обязанный славой своей Рубенсу и блистательной плеяде его последователей, в этот юбилейный год открывает выставки, воскрешающие век Рубенса, его историю, культуру, и, конечно, демонстрирует произведения самого художника. Участники выставок — самые знаменитые музеи мира, в том числе Государственный Эрмитаж, хранящий значительное число картин Рубенса.

В Антверпене до сих пор сохранился дом Рубенса, построенный по проекту художника и под его наблюдением. Это маленький дворец, в котором мастерская с огромными окнами и комнаты, где художник держал свои коллекции картин, скульптур, медалей.

Хранят память о великом антверпенце и старый готический собор, церкви и музеи. И до сих пор в Синт Якобскерк (церковь Святого Иакова) над могилой художника висит картина, которую он в завещании сам предназначил для этой цели.

Отец Рубенса был юристом, советником антверпенского магистрата. Но после введения в 1567 году в страну испанских войск, когда начался жестокий террор, установленный герцогом Альбой, Ян Рубенс бежал в Кельн. Семья вернулась на родину уже после его смерти. В изгнании, в городе Зиген в 1577 году и родился будущий великий художник. В 1591 году он начал обучение в мастерских антверпенских живописцев, — Т. Верхакта, А. ван Ноорта и О. ван Веена. В 1598 году Петер Пауль стал свободным художником. Через два года Рубенс отправился в Италию. Восемь лет, прожитые здесь, принесли молодому художнику известность. Он работал в Риме, Генуе и Мантуе, серьезно изучая творчество таких великих предшественников, как Леонардо, Микеланджело, Тициан. Из современных итальянских мастеров больше других его интересовал Караваджо.

Вернувшись в Антверпен осенью 1608 года, Рубенс увидел, по образному выражению одного из современников, «большой город — большую пустыню». В результате многолетней войны с Испанией и Голландией Антверпен разорен, обескровлен. Но весной 1609 года было объявлено перемирие, продлившееся 12 лет. И Фландрия наконец смогла вздохнуть свободно. Рубенс отразил в своем искусстве это счастье мирного бытия.

Гений Рубенса — гений универсальный. Блестящий живописец, человек к тому же литературно одаренный, он сочетал свои художественные пристрастия с глубоким интересом к философии, мифологии, истории, археологии, физике. Он владел несколькими языками и был человеком широкого политического кругозора... Современники отмечали глубину и живость его ума, необыкновенное обаяние личности. Не потому ли Рубенс стал одним из известных дипломатов своей эпохи? Не случайно король Испании Филипп IV сделал его дворянином и секретарем тайного совета, а Карл I Стюарт возвел в звание рыцаря.

Но дипломатическая карьера не смогла

заслонить главной цели жизни художника.

Даже в период наибольшего увлечения своей дипломатической деятельностью Рубенс создал несколько полотен, содержащих призыв к миру в Европе, и среди них такую известную картину, как «Последствия войны».

Будучи придворным живописцем правителей — наместников Испании, живших в Брюсселе, он предпочел обосноваться в Антверпене. Свободолюбивый и независимый художник пожелал жить вдали от венценосных владык. В одном из писем он признается: «...я задыхаюсь при... дворе...»

Не многим, даже великим художникам, свойственна такая широта и масштабность мировосприятия, которая была присуща Рубенсу. Он стремился воссоздать стихийную мощь, необузданную власть природы и вместе с тем был способен увлечься мягкой грацией юной матери, играющей со своим младенцем. Он любил труд, землю, народ Фландрии. О быстроте, с которой он создавал свои полотна, складывались легенды, недалекие, впрочем, от истины. Известно, например, что картина «Поклонение волхвов», хранящаяся в Антверпенском музее, была написана за одиннадцать дней.

Когда обилие заказов и нетерпение знатных заказчиков заставляли его особенно торопиться, он поручал исполнение отдельных частей картины своим ученикам. Помогали ему и известные молодые мастера — Иорданс, Ван Дейк, Сайдерс. Этот достаточно распространенный метод работы он перенял у итальянских и антверпенских живописцев XVI века.

Осенью 1609 года художник женился на Изабелле Брант. Автопортрет с молодой женой принадлежит к лучшим его созданиям. Молодые люди изображены в саду около куста жимолости. Их лица напоены счастьем, а движения полны естественной простоты. Но куда больше, чем ощущение счастья, в фигуре самого художника бросается в глаза гордое сознание свободы и уверенности, которые всегда были присущи Рубенсу. В этой работе художник великолепно передает нежную мягкость кожи, блеск глаз, фактуру ткани... И в то же время композиционное и цветовое решение полотна, как, впрочем, всегда у Рубенса, зрелищно-декоративно. Портрет во многих деталях отвечает принципам парадности изображения, хотя автор и вводит в него настроение интимности и камерности.

Спустя 16 лет после женитьбы художник в одном из своих писем с болью напишет: «Я потерял превосходную подругу... Эта утрата поражает меня до самых глубин моего существа, и так как единственное лекарство от всех скорбей — забвение, дитя времени, придется возложить на него всю мою надежду». За три года до этого горестного события Рубенс пережил другую тяжелую утрату — смерть двенадцатилетней дочери Клары-Сарены.

Но художник был не только мужественным, но и жизнелюбивым человеком, и искусство его, несмотря на потрясения и болезни, всегда было проникнуто призывом к наслаждению земными благами.

Рубенсу было свойственно восторженное восхищение женщиной, то исполненной одухотворенной красоты и чарующей, пленительной нежности, то здоровой, чув-

ственной силы. Жена, мать, возлюбленная то и дело возникают на его полотнах. Любил художник изображать и детей — они всюду в его произведениях — ласковые, смеющиеся крепыши.

Одна из лучших работ Рубенса называется «Гирлянда фруктов» — несколько ребятшек тащат на себе фрукты. Налитый соком виноград, вишни, персики соперничают со свежестью румяных лиц, яркостью их сияющих глаз.

Тематика картин Рубенса чрезвычайно разнообразна. Он пишет исторические, религиозные, мифические композиции, работает в жанре портрета, пейзажа, бытовых сцен, своим смелым, жизнеутверждающим искусством бросая вызов распространенному тогда ханжеству и лицемерию.

Любит он и темы охоты. Ему не стоит ни малейшего труда изобразить человеческую фигуру или тело животного в самом сложном движении, ракурсе, полете, падении. В этом помогает ему блестящее знание анатомии, строения человеческого тела. Здесь с ним могут соперничать разве только Дюрер и Леонардо.

В картинах, посвященных военным действиям, он прежде всего спешит передать героический порыв, усилие, азарт, вдохновение, охватывающее человека в пылу боя.

С удовольствием углубляется художник и в древнюю историю, вызывая из забвения образ Деция Муса, отдавшего жизнь ради победы своих соотечественников-римлян. Восхищение отчаянной смелостью сражающихся женщин он выразил в картине «Битва греков с амазонками».

Блистательный дар монументалиста Рубенс проявил, создав по заказу королевы Марии Медичи двадцать четыре огромных полотна, прославляющих вдовствующую правительницу Франции.

Этот цикл картин явил собой новый тип исторической живописи, где главное не достоверное изображение событий, а высокий смысл совершившегося исторического факта. Расписывал он банкетный зал в Уайтхолле (Лондон), картоны ковров, предназначенных для французского королевского дворца, арки, которые сооружались к моменту торжественного въезда в Антверпен нового правителя кардинала-инфанта Фердинанда. К этому времени мастер был уже тяжело болен и потому не смог принять участия в торжествах, которые стали праздником и его искусства. Как известно, Фердинанд сам навел художника в его доме. Это обстоятельство красноречивее слов говорит о том почете, которого добился Рубенс в сложном мире феодальных отношений, где личные заслуги ценились куда ниже преимуществ, дарованных знатностью и богатством.

Последнее десятилетие жизни художника было озарено новой любовью. Рубенс так объясняет причину своей второй женитьбы на девушке из бюргерского, а не дворянского сословия: «Я взял дочь честных горожан... хотя меня со всех сторон убеждали сделать выбор при дворе... Я хотел иметь жену, которая бы не краснела, видя, что я берусь за кисти...»

В конце жизни Рубенс создает два своих едва ли не самых знаменитых портрета. На одном — полуобнаженная молодая женщина со спокойным, ясным взором, чистым и доверчивым. Это его вторая жена Елена Фоурмент. На другом — он сам, в плаще со шпагой, полный чувства собственного достоинства, уверенности и независимости. Таким Рубенс хотел остаться в памяти последующих поколений, таким в общем-то он и был в жизни — «король живописцев», подаривший миру искусство, которое Делакруа назвал «роскошным пиром для очей».

Что в прокате?

Право на будущее

Десять раз хлопнула дверь. Десять посетителей. Понедельник был не самым напряженным днем для Людмилы Дмитриевны Каруниной, заведующей единственным прокатным пунктом города Александра, Владимирской области.

Чего только нет в этом небольшом помещении! «Разве вот детских медицинских весов — большой дефицит. На всю область не дали ни одной штуки», — говорит Людмила Дмитриевна. Ждут клиентов 58 детских колясок, 20 велосипедов, многочисленные транзисторы и фотоаппараты, проигрыватели и магнитофоны — кассетные, катушечные, какие угодно. Стоят холодильники и стиральные машины, пылесосы и полотеры, аккордеоны и баяны, капусторезки и мясорубки.

А клиенты? Жильцы пятиэтажного дома, где расположен пункт, обитатели нескольких окрестных домов. Вот, пожалуй, и все постоянные клиенты проката, который (отдадим должное деятельной энергии его заведующей) все же справляется с планом.

Увы, александровское малолюдье не случайно. Гораздо больше посетителей могли бы обслужить ателье проката в Москве и Саратове, Иванове и Горьком... В чем же дело? Почему прокат непопулярен? Почему так неохотно пользуемся мы предоставленными возможностями?

С каждым годом все новыми и новыми вещами обростает наш быт. Когда-то, не сумев купить собственный холодильник, мы вынуждены были обращаться к услугам проката. Прошло время, выросли наши покупательские возможности, расширилась сеть прачечных, химчисток, и соответственно изменились требования к прокату. Редко берем мы стиральные машины и пылесосы — предпочитаем купить свои, благо дефицит на предметы домашнего обихода ликвидирован. Блестящие от лака полы и практичный линолеум оставили без работы прокатные полотеры. Вот и возникли сомнения: понадобится ли прокат в недалеком будущем? Не свидетельствуют ли пустующие ателье о начале заката этой отрасли службы быта?

Не будем торопиться с выводами. Есть у проката качество, которое позволяет взглянуть на него по-другому, задуматься над поворотом, который может совершить он в сфере наших взаимоотношений с вещами.

Кто-то из близких заболел, и, чтобы скрасить больничные вечера, вы хотите поставить у его кровати маленький переносной телевизор: зачем покупать, дома есть большой. Семья переезжает на дачу: чтобы не возить домашний холодильник, решили взять прокатный. Негде и незачем зимой держать велосипед, палатку. Ставшую ненужной детскую коляску или манеж мы понесем в комиссионный магазин, а ведь можно было не покупать. На прокатных — не магазинных — полках возьмем мы то, что необходимо лишь на сезон, на месяц, на день.

Социологи, изучающие проблемы проката, столкнулись на первый взгляд с парадоксом. В северных районах страны совершенно не пользуются спросом лыжи. Зато в южных коэффициент оборачиваемости их, говоря языком ученых, гораздо выше. В самом деле, там, где лыжи нужны почти пять месяцев в году, выгоднее их купить. И наоборот, зачем постоянно хранить собственные лыжи, если воспользоваться ими придется, может быть, всего два-три раза за зиму?

Итак, кратковременное пользование — вот основное условие наших сегодняшних взаимоотношений с прокатом. Вот его перспектива, его право на большое будущее. Именно прокат освободит нас от груза ненужных, быстро устаревающих в напряженном ритме современной жизни вещей. Прокат даст возможность, не загружая свои квартиры, не тратя солидные суммы, пользоваться практически всеми товарами культурно-бытового назначения, которые выпускает промышленность. Но пока... Что все-таки мешает нам обращаться к этой услуге почаще? Психологический барьер: чужая вещь — не своя? Не удовлетворены качеством прокатной службы?.. Не очень удобно ею пользоваться?..

О чем молчал транзистор

Пожилой мужчина что-то взволнованно доказывает хранящей спокойствие приемщице. Объект спора стоит тут же, на прилавке, — фотоувеличитель. Он вполне бы удовлетворял всем требованиям взыскательного клиента, если бы не одно обстоятельство: нет объектива. Он есть только у большого фотоувеличителя «Нева», для всех остальных годятся объективы фотоаппаратов. Мужчина, теряя терпение, объяс-

няет, что он уже сдал прокатный фотоаппарат и, естественно, злополучного объектива у него нет. Не брать же аппарат снова! Кончился спор весьма сердитой записью в книге жалоб.

Ломятся полки от транзисторных приемников разных калибров. Интересуюсь стоимостью проката, качеством звучания, договариваюсь о сроке и под конец справляюсь о наличии батареек. Весь предварительный разговор оказывается ненужным. Батареек нет.

Тот, кто пытался взять напрокат кинопроектор, очевидно, не раз сталкивался и с другой проблемой: лампочки...

Конечно, можно вместе с увеличителем взять и фотоаппарат, можно побегать и достать батарейки, можно, обойдя еще несколько ателье, найти кинопроектор с лампочкой. Но не подрывают ли эти досадные мелочи то, что мы называем авторитетом услуги? И, вспомнив один-два предыдущих неудачных опыта, пойдем ли мы снова в прокатный пункт? Посоветуем ли это сделать друзьям? Вот и стоят на полках проекторы без лампочек, фотоувеличители без объективов, «простуженные» проигрыватели, разболтанные пишущие машинки — вроде бы и выбор большой, а не возьмешь...

Подсчитано, что каждого четвертого посетителя, отказавшегося от услуг проката, не устраивало техническое состояние предложенного предмета или его внешний вид.

В правилах сказано, что предметы должны выдаваться исправными, годными к употреблению. Но годность — понятие весьма растяжимое: новый и старый спальный мешок — это совсем не одно и то же, разбитая пишущая машинка хотя и годится для работы — работа эта ох как нелегка. Как же быть? Списывать нельзя, пока не истечет установленный срок эксплуатации. Да и незачем: ту же машинку мы бы взяли, но с соответствующей скидкой на износ. Справедливо ли, что за свою долгую прокатную жизнь, несколько раз возвратив государству собственную стоимость, коньки и велосипеды выдаются нам по одному и тому же тарифу, что и новые?

Молчаливые транзисторы на полках заставляют подумать и о другой, казалось бы, чисто внутренней проблеме проката, которая тем не менее самым непосредственным образом касается нас, клиентов. В Москве предметы проката ремонтируют объединения «Рембыттехника» и «Электрон». Прокат для крупного объединения — клиент второстепенный: за одним проигрывателем машину не пошлют, вот и ждут, пока подберется целая компания «инвалидов», неделю и больше.

А всего работы-то — сменить деталь... Однако в небольшом пункте г. Александра все предметы, от холодильника до приемника, ремонтирует один опытный мастер, знающий привычки и сложности характера каждого своего подопечного. В Башкирии у проката свои специалисты по пишущим машинкам, проигрывателям, пылесосам. Может быть, именно это и позволяет им наладить ремонт быстрее, четче.

Мы мечтаем видеть на полках проката самые новые марки транзисторов, фотоаппаратов, самые красивые и удобные детские коляски, стереопроекторы самого высокого класса и горные лыжи. Но увы — новинки, и тем более дефицит, в прокат не попадают. Давно ведутся переговоры с торговлей и промышленностью, чтобы новые товары, еще не пошедшие в массовое производство, для апробации давали в прокат. Здесь можно и спрос выяснить и проверить качество. Но пока практических результатов переговоры не принесли...

«Чужая вещь — не своя». Даже в эту расхожую фразу каждый вкладывает свой смысл. Кто-то боится брать напрокат телевизор: сломаешь нечаянно — краснеть придется, чинить (кстати, страх напрасен, мастер всегда определит, что вызвало поломку, и, если не было прямой вины клиента, починку фирма берет на себя). А для кого-то «чужое» — это не удвоенная бережность, вызванная сознанием того, что вещь послужит еще десяткам людей, нет. Чужое — значит ничье. Молодая девушка принесла сдавать целую сумку прокатной посуды. Одна за другой выстраивались на столе приемщицы липкие от вина рюмки, отнюдь не сверкающие чистотой тарелки и чашки... Что это? Неаккуратность или небрежение к «чужому», общественному? Свой сервиз, вымытый и насухо вытертый, давно, наверное, красуется в серванте. А не свой — так сойдет!

...Приемщица сразу узнала этого парня: неделю назад взял гитару. А сейчас уже с порога: «Извините, потерял». Полчаса выяснений, расспросов, сетований и в итоге — семь рублей (стоимость дефицитной гитары), оставленных приемщице незадачливым клиентом. Потеряв, испортив библиотечные книги, мы возвращаем их пятикратную стоимость. Прокат же, оперирующий немалыми материальными ценностями, по сути, безоружен перед нашей небрежностью и даже недобросовестностью. Уж если предъявляем мы прокату свои претензии, вправе и он требовать бережного отношения к вещам или материально наказывать провинившихся.

Знакомая ситуация. Холодильник напрокат? Пожалуйста. Доставка? Приемщица вежливо объясняет: о грузчиках и транспорте должен позаботиться сам клиент.

— Не думаю, что кого-нибудь остановит это препятствие,— считает директор фирмы «Мосгорбытпрокат» П. А. Илюхин.— Тем более что преодолеть его довольно просто. Достаточно снять телефонную трубку и набрать номер транспортного агентства.

Я последовала этому совету, и через минуту диспетчер агентства сообщила мне, что хотя машину и пришлют, грузчиков все-таки придется искать самой. Сколько дополнительных сложностей, препятствий на пути к услуге! Сколько денег, минуя государственный карман, переходит в руки «леваков»! Не транспортной ли проблемой объясняется то, что 60 процентов посетителей проката живут не далее чем в 10 минутах ходьбы от пункта? Наверное, пора подумать, как довести услугу до конца, не вынуждая нас прибегать к помощи промежуточных служб. В том же Александрове все заботы о доставке берет на себя прокат. Есть договоренность с транспортным агентством, и машину, грузчиков заказывает сама приемщица.

В Москве же пока лишь специализированное ателье проката пианино и роялей обеспечивает доставку. Правда, как мне сообщили в «Мосгорбытпрокате», сейчас создается ателье проката холодильников, и доставку, договорившись с транспортным агентством, работники ателье также возьмут на себя.

Как-то в Министерстве бытового обслуживания РСФСР я услышала такую фразу: «Для нас (подразумевались работники проката) идеальный вариант — пустое ателье. Все предметы на руках, все в обороте». Мы же, клиенты, мечтаем о полках, заставленных всем, что душе угодно: смотри, выбирай... Как же увязать столь полярные точки зрения? Держать в каждом ателье весь прокатный ассортимент действительно невозможно. Выход, очевидно, надо искать в специализации проката. Сейчас начали создавать специализированные детские пункты — с манежами, кроватками, колясками; туристского снаряжения (поближе к вокзалам); радио- и телеаппаратуры с цветными телевизорами; счетно-вычислительной техники.

Сделать услугу удобной, доступной помогает и введение системы заказов. Если в ателье не оказалось необходимого предмета, можно оставить заявку, приемщица по телефону сообщит, когда придет. Центральная диспетчерская подскажет, где в данный момент имеется та или иная вещь. В Куйбышеве уже существует централизованная служба проката. Принимается заказ (лично и по телефону), и с единого склада доставляется на дом все, что заказал клиент. В этом году будет создано еще 30 таких централизованных хранилищ в разных городах РСФСР.

Максимум гибкости, умение улавливать все колебания спроса необходимы сегодня прокату. Меньше стали брать швейные машинки — и прокат предлагает новый вид услуг: «швейные мастерские». Для того, чтобы сделать несколько швов, хозяйке вовсе не обязательно нести взятую напрокат машинку домой, можно прострочить и в специально оборудованной комнате. Основные посетители «музыкального класса», конечно же, ребяташки: гаммы и экзерсисы они могут разучивать прямо в ателье проката, щадя нервы и уши своих соседей по дому. Жаль только, развиваются эти новые формы обслуживания медленно. «Музыкальный класс», скажем, один на всю Москву.

Надо признаться, что о многих услугах, которые предлагает прокат, мы попросту не знаем. Примелькавшиеся на улицах щиты «Пользуйтесь услугами проката» вряд ли можно считать рекламой. Что, как, где можно взять напрокат, мы должны узнавать не из набранных мелким шрифтом правил и прейскурантов, развешанных на стенах ателье, — из рекламных объявлений в газетах, по радио, на улицах.

...Кончается рабочий день. Нам надо успеть в магазин, химчистку, еще и в прокат. Пока добрались — семь часов. Дверь закрыта, не успели. А в воскресенье прокат отдыхает. В Москве 143 пункта, 19 — в летних зонах отдыха. Работают в основном с 11 до 19 часов, немногие — с 8 до 20. Вряд ли этот режим можно считать оптимальным. Не лучше ли сделать рабочими два часа с утра и с 16 до 21 вечера? Или, как рекомендует Министерство бытового обслуживания РСФСР, установить выходные дни во вторник и среду, чтобы в дни наибольшей загрузки можно было работать подольше. Но местные Советы депутатов трудящихся, от решения которых зависят часы работы бытовых учреждений, не спешат следовать рекомендациям. И сейчас работаем мы — работает прокат, отдыхаем мы — прокат отдыхает тоже.

Проблемы проката... Пока они больше волнуют клиентов. Но все наши, казалось бы, мелкие претензии, неучтенные вовремя, станут тормозом для дальнейшего развития отрасли. Такова специфика службы быта: нет удобства, не завоеван еще авторитет — и отпадает сама потребность в услуге, снижается на нее спрос. Над этим, очевидно, и предстоит задуматься сегодняшнему прокату.

И. ЖУРАВСКАЯ

«КОЛОБОК»

Василий БИРЮКОВ

УТРО

Первым проснулся Тростник. Огляделся и покачал головой:

— Спит Речка.

Посмотрел на розовую полоску зари. Прислушался.

Проснулась у берега Ива. Вздрогнула от свежего ветерка. Уронила Росинку.

— Ай! — воскликнула Росинка и упала на спину Стрекозы.

— Кто меня беспокоит? — спросила Стрекоза и подняла голову. Потянулась, встряхнула крылышками.

— Ай, — испугалась Росинка и упала на Колокольчик.

— Дзинь, дзинь, дзинь, — зазвенел Колокольчик и разбудил Ромашку.

Ромашка толкнула соседку Незабудку. И зазвенел весь луг.

— Трак-так-так! — выстрелил за селом Трактор.

Захлопал крыльями Петух, испуганно закричал:

— Ку-ка-ре-ку! Вставайте! Проспали! Ку-ка-ре-ку!

— Вот видишь, — зашуршал Тростник, — кругом все проснулось. Просыпайся, Речка.

Шуршит сердито Тростник, а Речка молчит. Не шелохнется.

— Беда с тобой. Солнце встает, а ты спишь.

Брызнули по лугу первые лучи. Потянул с берега ветерок. Засмеялась Речка. Шевельнула легкой волной и сказала:

— А я не сплю. Я слушаю, как просыпается все вокруг.

ЧТОБЫ НЕ МОКНУТЬ

За огородом, около пруда, шумели лягушата:

— Ква-ква! Ква-ква!

Подлетел к пруду Воробей. Попрыгал. Посмотрел на лягушат и спросил:

— Вы почему расшумелись?

— Ква-ква, дождь будет! Дождь будет, ква-ква!

— Да?! — удивился Воробей. — Откуда вы это знаете?

— Знаем, знаем, — горланили лягушата.

— Смешно, — сказал Воробей.

Но не успел он напиться воды из пруда, как из темной тучи полил дождь. Да такой сильный, что Воробей еле успел спрятаться под лопух.

А лягушата дружно попрыгали в воду.

— Зачем вы в воду прыгаете? — спросил Воробей.

Самый глазастый лягушонок высунул из воды нос и проквакал:

— Чтоб под дождем не мокнуть.

— Чудаки! — засмеялся Воробей.

КАК ОТУЧИТЬ ЕГО?

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Мальчишка был обвешан трофеями с ног до головы. У пояса болталась ворона. На палке через плечо были переброшены сойка и еще какие-то две пичуги, не то трясогузки, не то... Я не мог определить—такой растерзанный был у них вид. Даже ворону не сразу признаешь: должно быть, в нее вкатили целый заряд дроби.

Мы встретились в лесу, в том пригородном лесу, которые теперь называются лесопарками и где всякая стрельба категорически воспрещена.

Лет парню было, наверное, тринадцать-четырнадцать, но держался он совсем повзрослому, подчеркнуто независимо. Он не очень смутился, когда я окликнул его; более того, мне показалось, в глазах мальчишки мелькнуло вызывающее: «Хочу и стреляю. А твое какое дело?» Но ружье он все же опустил. Новехонькое ружье, ИЖ-54.

— Ты что...—Я не мог подобрать нужных слов, гнев сотрясал меня.—Ты что... другого занятия для себя не мог найти?

Показалось, что парень глухой: слова падали в пустоту. А он и был глух—нравственно.

Он держался враждебно-настороженно, вызывающий огонек горел в его насмешливых (да, он явно издевался надо мной, старшим, который годился ему в дедушки!) мальчишеских глазах. Ему было совершенно безразлично, что о нем думают другие, для него казались бессмысленностью слова о жалости к живому—птицам, лесу.

По-моему, все живое для него было только мишенью, на которой можно потренироваться, и ничего более.

Ружье-то, наверное, отцовское; по возрасту мальчишка явно еще не обладал правом считаться его владельцем. Наставлял ли сына отец, как пользоваться оружием? И что думает об этой забаве мама? Не случилось бы беды! (Куда повернется ствол в неразумных руках, на кого будет наведен?)

А что будет, когда этот мальчик вырастет? Попробуй останови такого!

Не о нем ли было написано—помните—в стихах В. Лифшица:

Через рошу напрямиком
Парень шел с дробовиком,
Шел довольный сам собою,
Шел, махорочку курил
И с плеча во все живое
С наслаждением палил.
Увидел на ветке сойку,
По-собачьи сделал стойку,
Приложился, замер!!!
Бух! Полетел кровавый пух...
Бух!—у белки вырван бок,
Бух!—и нет в живых синицы,
Бух!—и нет в живых грача...
Все бегут—зверье и птицы
От лесного палача...

О таких юных палачах всего живого, с малолетства занятых разрушением природы, мне рассказывал мой знакомый—старший охотвед из Ирбита Г. А. Жоховский.

Георгий Алексеевич перебирает листы протоколов, быстро выхватывая то одну, то другую бумагу, подкрепляя ими свой рассказ о несовершеннолетних браконьерах—пожалуй, самом страшном типе браконьера: парнишка не научился еще ничему общественно полезному, но убивать уже умеет.

Постоянно бывая в школах, разговаривая с ребятами, заходя в их семьи, Георгий Алексеевич вывел четкую закономерность: стреляющих мальчиков воспитывает пример взрослых. Папы, старшие родственники, всякие «добрые» дяди, любители наставлять молодежь, с широким радушием когда-нибудь да предлагали мальчишке: «Хочешь пострелять, парень?» А почему бы парню не пострелять...

В Московском суде разбирается дело. Девочка с собакой гуляла в лесопарке. Вдруг выстрел, и мертвый фоксик покотился к ее ногам. Выстрелил парнишка, ровесник девочки. Баловался с отцовским ружьем, увидел «цель»—отчего не пальнуть! А папа в это время, хватив изрядную порцию спиртного, храпел на траве. Счастье—заряд не попал в девочку!

«Он у меня хорошо стреляет! Он у меня хорошо стреляет!»—как граммофон с испорченной пластинкой, твердил, стоя перед судьей, отец.

Уроки жестокости начинаются для иных ребят гораздо раньше, чем попадет в их руки заправское ружье.

«Часто мы видим,—писал мне Н. Медведев из Туапсе,—как ученики, идя из школы, бьют лягушек, и никто их за это не ругает. А жаль. Не отсюда ли появляется в человеке тупая жестокость? Неплохо, если бы был школьный закон, запрещающий это делать».

Знаю мальчишку: он бил воробьев из рогатки, чтоб доказать, что отличный стрелок. Азарт превозмогал в нем жалость.

«Убивая других, убиваешь себя»—это старинная мудрость. Нельзя начинать жизнь с выстрела!

Позвольте, позвольте, скажут мне, а как же охота? Отвечу словами учителя из села Утьма, Омской области, С. Преображенского: охота—один из увлекательнейших видов спорта, но только при условии, когда она начисто лишена нездорового азарта. Основной смысл охоты—это развитие наблюдательности, обогащение знаний о родном крае.

Но охотник—это все-таки человек с ружьем; и ответственность его перед природой и людьми особенная. От него требуются строгая внутренняя дисциплина и любовь ко всему живому. Поэтому для юного охотника лучшее ружье—фотоаппарат, который поможет ему увидеть в природе нечто более значительное и прекрасное, чем добытая к столу утка... Как привить именно такое бережное отношение к природе, к живому?

Можно рассказывать детям о мудром равновесии природы, где ни один из ее живых отрядов не лишней—ни хищные волки, ни трусливые зайцы, ни вездесущие воробьи. Поз-

накомить их с существованием «Красной книги», в которой поименованы исчезающие виды животных. Рассказать, как охотились Тургенев и Некрасов, как бродил по лесам и лугам тонкий знаток и ценитель русской природы писатель Пришвин...

Можно рассказать. Можно и нужно показывать. Знакомить с самой природой—в лесу, на реке, в горах, на болоте и во все времена года! А еще лучше—научить помогать природе. Работать с ней заодно: в школьных лесничествах, в садах, в операциях «Голубой патруль» на реках и озерах, в отрядах «Зеленого патруля». Наш знакомый Георгий Алексеевич Жоховский, не педагог, а охотовед, бывало, никогда не упустит возможности помочь ребятам подружиться с природой. Намечают, скажем, в опекаемом районе выпускать бобров—сам звонит в школу-интернат: пусть займутся дети. Для них это полезно. Со школой у него постоянный контакт. И, надо сказать, школа значительно преуспела в выработке у ребят доброго чувства ко всему живущему на земле. Если б везде было так!

...В детстве я тоже мечтал о ружье. Кто из парнишек не мечтает о нем! Мне ружье не покупали. А у тетки Чистякова—мы сидели на одной парте—оно было. Представляете, настоящий бердан! Точнее, ружье было отцовское, но тот позволял Борьке иногда пользоваться им.

Борька не раз приглашал меня с собой на охоту. И вот собрались, я отпросился у родных. О том, что Борька обещал дать и мне пострелять из ружья, я предусмотрительно умолчал.

Стояла золотая осень. День был яркий, солнечный. Помню шорохи притихшей роши, шуршание опавшей листвы и запах увядания природы перед долгим сном... Борис, рослый, широкий в плечах, в высоких болотных сапогах, перепоясанный крест-накрест ремнями, вразвалку шагал впереди, зорко поглядывая по сторонам; я, чуть поотстав, за ним. Не знаю, была ли уже разрешена охота на зайцев (ведь мы «шли на зайца»), о правилах охоты я не имел ни малейшего представления—всецело полагался на приятеля.

Серо-белый комок внезапно метнулся от нас—мы чуть не наступили на него. Он сидел под кустом шиповника, одиноко торчавшим на лесном прогале. Я не успел сообразить, что или кто это, как ударил выстрел,—Борис не зря похвалялся, что не проморгает. Серо-белый комок подпрыгнул как-то неловко, бок и остался неподвижно лежать на земле. С березок слетело несколько запоздавших листков.

Мы подбежали к нашему трофею... Я сказал «к нашему», хотя стрелял Борька, это была его заслуга, но я тоже принимал участие в охоте и, значит, имел право на какую-то, пусть малую, долю успеха. Мы подбежали, опять первый Борька, я—за ним...

Впервые я увидел, как убивают зайцев. До чего просто! Даже удивительно... Борис ухватил добычу за длинные вялые уши, как будто нарочно созданные для того, чтобы охотникам было удобнее брать свои жертвы и совать в ягдташ. И вдруг заяц пронзительно закричал. Он был еще жив! Мягкое, обвислое, пушистое тельце его—такое трогательное в своей беспомощности, я почти физически ощутил это—напряглось и затрепыхалось; крик походил на детский. Как будто заплакал ребенок, одиноко-жалостно, в предсмертной тоске.

Солнце закатилось, и померк день. Все чувства во мне угасли, кроме одного—острой жалости. После пришло сознание вины...

И все. Больше я не охотился.

Помню крик зайца.

А теперь у меня в глазах стоит парнишка, стреляющий беззащитных пичуг под Свердловском: как отучить его?

Изо́топ идёт по следу

Желая внести свой вклад в борьбу за качество, «Персо́ль» приступила к созданию многосерийного персифильма «Изо́топ идёт по следу», для участия в котором приглашаются все желающие, а равно и нежелающие лица и организации.

Серия первая

Действие разворачивается в одном из районных центров Павлодарской области. Наш оператор как раз успел захватить момент, когда жительница села Успенка Елена Мальцева вошла в дом с подарком для годовалой дочки.

От чего зависит хорошее настроение? У одного — от безоблачной погоды. У другого — от предстоящей премии. Настроение работниц швейной фабрики г. Орджоникидзе, Днепропетровской области, спешащих на утреннюю смену, находится в самой непосредственной зависимости от того, кто из шоферов окажется за рулем автобуса, отходящего в 6.06 от остановки Садовая. Именно этот, наиболее удобный для швейниц рейс, согласно графику движения, как раз и не доезжает до фабрики ровно одну остановку, а дальше женщины наперегонки с транспортом несутся по трассе, преодолевая последний участок пути.

«Уговорим шофера доехать до фабрики или нет?» — гадают каждое утро работницы. Однако шофер, который с уважением относится к графику работы швейной фабрики, тем самым нарушит свой рабочий график и поставит под угрозу собственное рабочее настроение. Как тут уравновесить интересы обеих сторон?

Рисунки Н. ПОЛЯНОВСКОЙ

Окно Выдачи

Более года разыскивала свою стиральную машину «Симбирка» Л. Е. Кисорец. «Персо́ль» обратилась к читателям с вопросом «Кто раскроет тайну?» («Работница» № 3). Ее раскрыл начальник ОТК ульяновского завода «Электробытприбор» тов. Килин, сообщив редакции, что новая стиральная машина взамен бракованной уже прибыла к хозяйке в г. Балашов, Саратовской области.

А «Сколько ждать обещанного?» — спрашивала «Персо́ль» в этом же номере руководство Домодедовского комбината бытового обслуживания населения. Мастер-контролер КБО тов. Седова сообщила, что деньги за испорченную куртку М. В. Елкиной выплатили. Через три года и три месяца!

Публикация заметки «Тамбовское рукоделие» («Работница» № 3) вызвала живой отклик среди трудящихся Мичуринской швейной фабрики имени Н. К. Крупской. Взглянув на себя как бы со стороны, мичуринцы увидели, что факты плохой организации труда на фабрике действительно имели место.

Директор фабрики тов. Шайгашов сообщил редакции, что заметка обсуждалась на расширенном заседании фабричного комитета с приглашением работников отдела главного механика и отдела снабжения. Издан приказ о строгом контроле за расходом запчастей к швейному оборудованию. Наведен порядок в хранении инструментов. Со слесарями-наладчиками и с бригадами швейников проведены беседы о бережном отношении к государственному имуществу.

ПЕРСО́ЛЬ

Знаете, как гадают на трамвайном билете? Если сумма первых трех цифр равна сумме трех последних, значит, билет счастливый. Последними наблюдениями установлено, что волшебное стечение цифр имеет глубокий смысл не только для билетов городского транспорта, но и для всевозможного рода квитанций.

Приведем наглядный пример. В июле 1975 года Пелагея Васильевна Макарова сдала в ателье мод города Гулькевичи 2 метра 40 сантиметров голубого драпа, 3 метра саржи и еще уплатила 20 рублей 93 копейки. Со своей стороны, ателье любезно обещало сшить в течение месяца модное пальто. К обещанному сроку пальто было безнадежно испорчено, и, пересмотрев свои обязательства, ателье решило вернуть заказчице его стоимость. Решило, но не вернуло. И уже две зимы и три лета П. В. Макарова поддерживает с ателье самую тесную связь — заходит, пишет, звонит, напоминает, нервничает...

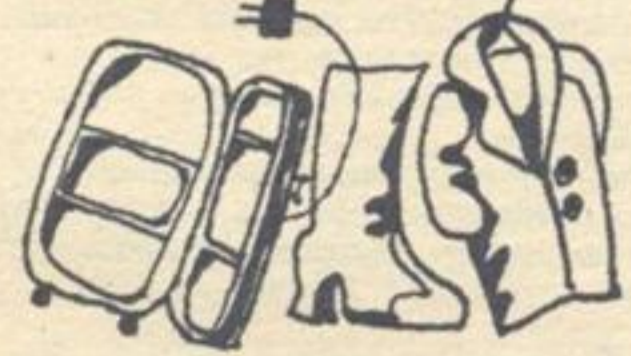
А ведь чего проще было Пелагее Васильевне еще в июле позапрошлого года обратить внимание на неблагоприятное стечение цифр на квитанции № 291472 и не возлагать голубых надежд на явно несчастливый номер.

Но если отдельные оставшиеся без пальто граждане жаждут тепла, то семейство Крюковых из пос. Кочубей, Дагестанской АССР, вот уже целый год мечтает о холоде. «Мы заплатили 140 рублей за ремонт холодильника, а он не работает», — удивляются Крюковы, явно недопонимая, что причина неудачи кроется не в стиле работы

ПУСТОЙ

НОМЕР

мастерской по ремонту холодильников г. Кизляра, а в случайном и несчастливом наборе цифр на квитанции.

Пустой номер выпал и на долю Л. Е. Богатыревой, которая имела неосторожность прошлым летом сдать ковровую дорожку в приемный пункт химчистки по ул. Краснопитерской г. Волгограда. Дорожка без следа растворилась во время чистки. В результате всей этой химической реак-

ции остался лишь горький, нерастворимый осадок в душе заказчицы да злополучная квитанция № 516877, утверждающая, что дорожка все-таки была.

В июне прошлого, конечно, года жительница Мурманска Г. А. Подорина отнесла в радиомастерскую магнитофон. «Через месяц сделаем, — сказали ей, выписывая квитанцию, — если будут запчасти...» Обрадованная Галина Алексеевна не обратила внимания ни на квитанцию с ненадежным номером 005536, ни на обтекаемость коварной формулировки «если...». Вот потому и ждет и надеется по сей день. «Но если вас не устраивает ожидание, — ставит мастерская следующее условие клиенту, — то мы с удовольствием вернем вам вашу «Чайку».

Кстати, именно такое удовольствие доставила работникам Оренбургского дома быта Клавдия Анатольевна Пигарева, в сердцах забрав через восемь месяцев свои неотресторированные сапоги...

Можно найти и другие столь же наглядные примеры, но, надо полагать, читатели уже догадались: все зависит от номера квитанции. Так что требуйте, уважаемые клиенты, счастливых квитанций!

Варим варенье

Приятно попить чайку с вареньем! Сейчас, когда начинают поспевать ягоды, самое время подумать о его варке.

Хорошим, правильно сваренным считается варенье, если форма ягод не изменилась, лишь темнее стал их цвет и сохранился аромат свежих плодов.

Как этого добиться?

Прежде всего ягоды и плоды заливают горячим сахарным сиропом и в таком виде оставляют на 3—4 часа. Если начать варить плоды сразу, да еще на сильном огне, сироп не успеет впитаться. Ягоды сморщатся, плоды разварятся.

Но одной предварительной заливки сиропом недостаточно, чтобы получить хорошее варенье. Особенно нежные ягоды — малину, ежевику, землянику, вишню, мелкие сливы, черешню с косточкой, смородину — варят в несколько приемов, с перерывами в 8—10 часов. В первый раз сироп с ягодами только доводят до кипения и ставят «на выдержку». Во второй раз варенье варят 10—15 минут и снова выдерживают. И только в третий раз на сильном огне его доводят до готовности.

Для легко разваривающихся ягод иногда применяют и такой прием: слегка поварив в сиропе, ягоды осторожно вынимают шумовкой или ситечком, а сироп продолжают варить. Незадолго до окончания варки ягоды снова опускают в сироп, доводят еще раз до кипения и укупорируют в банки.

Ягоды и фрукты с твердой кожицей (крыжовник, ранет, сливы), чтобы лучше впитался сироп, накалывают острой деревянной палочкой.

Черную смородину предварительно бланшируют: на 2—3 минуты опускают в кипящую воду, после чего охлаждают. Если этого не сделать, ягоды в холодном варенье получатся чересчур сухими.

Землянику, вишню, черешню и сливы без косточек можно варить и в один прием — сначала на слабом, потом на сильном огне.

Из черноплодной рябины варенье получается пресное. А вот если добавить яблоки (пятую часть веса) или лимонную кислоту (2 грамма на кг ягод) или вместо воды использовать сок красной смородины (2,5 стакана на килограмм), вкус варенья улучшается. Предварительно рябину бланшируют 3—5 минут в кипящей воде.

Из коричневых яблок варенье можно варить в один прием. Из других сортов яблок — с перерывами. Чтобы яблоки не потемнели, ломтики опускают в раствор поваренной соли (столовая ложка на литр воды), потом их бланшируют в кипящей воде 3—5 минут, охлаждают.

Сколько класть сахара? Это зависит от кислоты ягод или фруктов. На 1 килограмм их сахара берут от 1,2 до 1,5 килограмма. Количество воды также колеблется от 2 до 2,5 стакана.

Как узнать, когда варенье готово? Есть несколько признаков. Пенки не расходятся по краям — собираются к

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

● Если вы любите экспериментировать, сварите варенье из разных ягод и фруктов. Например, вишня, клубника, красная смородина и малина. Или яблоки с красной и черной смородиной. Крыжовник с апельсиновыми корочками. Яблоки с ежевикой.

● Посуда для варки варенья должна быть широкой. Варите не больше килограмма ягод одновременно.

● Не забывайте во время варки встряхивать таз, чтобы ягоды варились равномерно. Снимайте пенки.

● Иногда варка затягивается, варенье долго остается жидким. Так бывает, например, с вишневым вареньем. Добавьте в него немного лимонного сока или чуть-чуть яблочного желе, оно быстро загустеет.

● Банки для варенья мало хорошо вымыть, их надо еще ошпарить кипятком

и высушить, чтобы в варенье не попала вода.

● Если вы сами собираете ягоды, мойте их перед варкой как можно меньше. Купленные на рынке или в магазине фрукты промыть надо тщательнее, несколько раз меняя воду. Клубнику и малину моют, не отрывая плодоножек, в дуршлаге с крупными отверстиями, затем выкладывают на сухую тряпку или бумагу, высушивают и перебирают. Абрикосы можно протереть влажной тряпкой.

● Фрукты и ягоды с пятнами, слегка помятые, годятся только для компотов. В варенье отбирайте целые, неповрежденные. Сливы и вишни должны быть совершенно спелые, а вот груши, персики, абрикосы, клубника и малина лучше незрелые, чтобы меньше разваривались.

● Чтобы с персиков легче было снять кожицу, их погружают на несколько секунд в кипящую воду.

центру. Плоды и ягоды не всплывают на поверхность, а равномерно размещаются в массе сиропа. Капля сиропа на тарелке не расплывается.

В готовое варенье можно положить ванилин и лимонную кислоту.

Лучше всего варенье хранить в герметически закрытых стеклянных банках. Но можно закрыть банки и обыкновенными пластмассовыми крышками, фольгой или пергаментом. Хранить при температуре 10—15°.

Если варенье переварено или хранится при низкой температуре и к тому же в нем мало кислоты, оно может засахариться. Но это дело поправимое — доведите варенье до кипения и добавьте 1—2 грамма лимонной кислоты.

Если в готовое варенье попадет хотя бы немного воды или оно недоварено, в нем недостаточно сахара, варенье может забродить. В этом случае его переваривают, добавив немного сахара.

Если варенье плесневеет — значит, либо оно плохо упаковано, либо хранится в слишком сыром помещении. Снимите плесень, варенье прокипятите и поставьте в другое, сухое место.

А как быть людям, кому по состоянию здоровья нельзя есть сахар, диабетикам, например? Отказаться от варенья? Нет, на заменителе сахара сахарине можно сварить вкусный джем или повидло, заготовить компоты.

Надо только помнить, что сахарин в 500 раз слаще сахара, и, следовательно, класть его в джем или компот надо в соответствующей пропорции. Для яблочного повидла, например, понадобится всего 1 грамм сахарина на 2 литра протертой яблочной массы. Яблоки предварительно варят с небольшим количеством воды, протирают через сито, затем уваривают наполовину. Сахарин добавляют перед концом варки. Горячее повидло герметически закрывают и хранят в прохладном месте. На холоде оно сохранится и без герметизации.

Можно сварить и джем — из сливы, черной смородины, крыжовника, добавив к ним яблоки. Ягоды помещают в таз, доливают воды — стакан на килограмм массы, — уваривают на одну треть. Перед окончанием варки кладут 1 грамм сахарина на 2 литра массы.

Хранить джем нужно в герметической упаковке, иначе закиснет.

Для компотов используют заливку: 0,6—1 грамм сахарина на литр воды; стерилизуют, как обычно.

Вместо сахарина можно положить ксилит.

Для повидла берут 325 граммов ксилита на килограмм ягод, для джема — 650 граммов на килограмм, в компот — 200—300 граммов на литр воды. Надо, однако, помнить, что потребление ксилита в отличие от сахара, который легко выводится из организма, ограничено и не должно превышать нормы, рекомендованной врачом.

Д. КОРШУНОВ,
инженер-технолог питания

ЧТОБЫ ЦВЕТЫ НЕ ЗАВЯЛИ...

Вы принесли домой цветы. Они свежие и прекрасны. Как продлить их жизнь?

Прежде всего острым ножом подрежьте кончики стеблей—длинный косой срез позволит цветам лучше впитывать влагу. Стебель с прямым срезом может плотно лечь на дно вазы, закрыть доступ воде. Надрезы надо делать под водой, чтобы в капиллярах стеблей не образовались воздушные пробки.

Листья с нижней части стебля надо срезать, иначе они начнут гнить и заразить воду. У розы удалить шипы.

Стебли сирени, гортензии, жасмина, хризантем, роз советуем расщепить снизу на 2—3 части или, раздробив молотком, отделить под водой кожицу.

Нижнюю часть стеблей цикламенов хорошо наколоть несколько раз иголкой.

Стебли маков хорошо поддержать над пламенем свечи или на несколько секунд опустить в горячую воду. Тогда выделяющийся на срезе млечный сок, который заклеивает сосуды стеблей, стечет. Только надо держать растение наклонно, чтобы не обжечь цветки.

Фиалки целиком погружают в воду. Спустя некоторое время их встряхивают и ставят в вазу.

Ноготки, львиный зев, георгины, дельфиниумы полезно оставлять на 5—10 минут в горячей воде.

Воду для цветов лучше наливать прохладную и чаще менять. Исключение составляют нарциссы, гиацинты, амариллисы, выделяющие слизистый клеточный сок, а также герберы, ландыши, которые любят теплую воду.

Меняя воду, ополаскивайте концы стеблей и обновляйте срез под струей воды.

Уровень воды на сохранность цветов влияет мало. Только герберы и душистый горошек не рекомендуется погружать в воду глубже чем на 5 сантиметров.

Составляя букеты, не забывайте о биологической совместимости цветов. Неуживчивы с другими цветами гвоздики, ландыши, лилии, нарциссы, розы, душистый горошек, желтые примулы, резеда, мак, орхидеи. Быстро вянут фиалки, поставленные с ландышами. Прекрасный аромат розы губительно действует на гвоздику. Недолго будет свежим букет лет-

ников, если к нему прибавить резеду.

Не ставьте цветы рядом с фруктами—это ускоряет увядание цветов.

Правда, есть растения, которые благотворно влияют друг на друга,—тюльпаны и туя, настурция и туя. Если поместить вместе цикламены и кальцеолярии, окраска цветов станет ярче и сохранятся они дольше. Поддерживают друг друга розы и лилии. Несколько стеблей ясенника или веточка жасмина усиливают аромат ландышей.

Можно продлить жизнь срезанных цветов, добавив в воду сахар (3-процентный раствор). Чтобы не размножились микроорганизмы, туда же добавляют столовый уксус—столовую ложку на литр воды. Вместо сахара можно положить в воду аспирин или стрептомицин (на 3 л воды полтаблетки).

Можно поставить цветы в слабый раствор сернокислого магния, марганцовокислого калия или борной кислоты. Предотвращает гниение стебля раствор поваренной соли (чайная ложка на литр воды), древесный уголь.

Есть в продаже препарат «Бутон», который выпускает производственное объединение «Ленбытхим». В растворе «Бутон» розы будут стоять 10—13 дней, гвоздики—20—25 дней. И еще одно свойство имеет новинка: если срезать нерасцветшие бутоны и поставить их в раствор, они полностью раскрываются.

Если вам достались не очень свежие цветы, опустите их в посуду с водой так, чтобы стебли погрузились глубоко, а цветки (их лучше обернуть бумагой) остались на поверхности, и поставьте их на час-на два в темное прохладное место.

Чтобы продлить жизнь увядающих цветов, обновите срез и поместите цветы в теплую воду, а через 10—20 минут—в обыкновенную. Сжавшиеся при увядании сосуды расширятся, влага попадет к лепесткам, и цветы оживут.

Следует помнить, что срезанные цветы не любят сквозняков и прямых солнечных лучей. На ночь их лучше помещать в прохладное место.

С. МАКАРОВ,
инженер по озеленению

г. Брест.

ЗАГАР БЕЗ ОГОРЧЕНИЙ

Начинается лето, время отпусков, походов, ягодных и грибных вылазок. Наконец-то можно насладиться и ярким солнышком и лесной прохладой, поплавать в речке, позагорать...

Жаль, что не всем загар дается легко: ложится неровно, пятнами, рассыпаются по коже веснушки, углубляются морщины, растет пушок на лице и теле, кожа раздражается, шелушится. Особенно достается горожанкам—ведь в городе они получают меньше ультрафиолетовых лучей, и непривычная к ним кожа болезненно реагирует на солнце. И загорать поэтому надо им особенно осторожно.

Принимать солнечные ванны, особенно на юге, надо по утрам—до 9—10, а в средней полосе—до 11—12 часов. Сначала достаточно побыть на солнце 10—15 минут, постепенно это время можно увеличивать. Если у вас плохо загорающая или очень белая кожа, старайтесь больше времени проводить под тентом или в тени деревьев, тогда загар ляжет ровнее.

Утром перед пляжем умойтесь прохладной водой без мыла, настоем трав (зверобой, мята, липовый цвет) или слабым холодным настоем чая. Затем вотрите в кожу крем («Ассоль» для жирной кожи, «Аленушка» или «Янтарь» для сухой). Крем для загара наносите очень тонким слоем, хорошо растирая. Излишек снимите салфеткой. Если слой этого крема густой, неровный, то при испарении влаги загар ляжет неравномерно, могут быть ожоги. Лицо, густо смазанное жирным кремом, потеет, это тоже вызывает неровный загар.

Чтобы загореть быстрее, можно смазывать кожу смесью касторового и подсолнечного масла, взятых в равных частях.

Иногда от солнца воспаляются губы, образуются волдыри и корочки. Лучше не красить губы, а смазать их гигиенической помадой, растительным маслом.

Если после солнечной ванны вы почувствуете жжение кожи и на ней

появятся пузырьки—значит, вы обожгли ее. Протрите обожженные места настоем календулы или простоквашей, раствором борной кислоты (чайную ложку на стакан). Вечером нанесите крем «Алоэ», он хорошо успокаивает кожу после ожогов.

Берегите глаза. Носите темные очки, но не пользуйтесь ими постоянно: останется вокруг глаз белая полоска.

Волосы необходимо прикрывать головным убором. Не сушите их на солнце и расчесывайте в тени, иначе станут ломкими.

Если же у вас от солнца появляются пигментные пятна, веснушки, красные расширенные сосуды на щеках, носу,—надо защищать кожу от его лучей. Нанесите на лицо кремы «Лич» или «Щит», припудрите темной пудрой—«Курортная» или «Южная». Вечером смажьте лицо кефиром или простоквашей, протрите ломтиком огурца, время от времени делайте маску из свеженарезанной зелени петрушки с кефиром. Полезно также два-три месяца принимать витамин С (через 20 дней—перерыв 10 дней). Все лето можно применять отбеливающие кремы «Мелан», «Ахромин», а для сухой кожи—крем «Молочай». Если пигментные пятна не проходят, осенью и зимой придется заняться лечением кожи.

Летом кожа выделяет больше пота, больше пылится. Мыть ее нужно чаще, только не надо протирать одеколоном, особенно выходя на солнце, чтобы не вызвать воспаление.

Одна из самых приятных и нужных процедур—купание. Кожа после купания становится более упругой и эластичной. Хорошо очищается. Купаясь в море, массируйте в воде ноги, затем живот и грудь. После купания ополоснитесь пресной водой, смажьте кожу жирным кремом. Вечером протрите тело разбавленным столовым уксусом—это придает ощущение бодрости.

Л. ГОРДИНА,
врач-косметолог

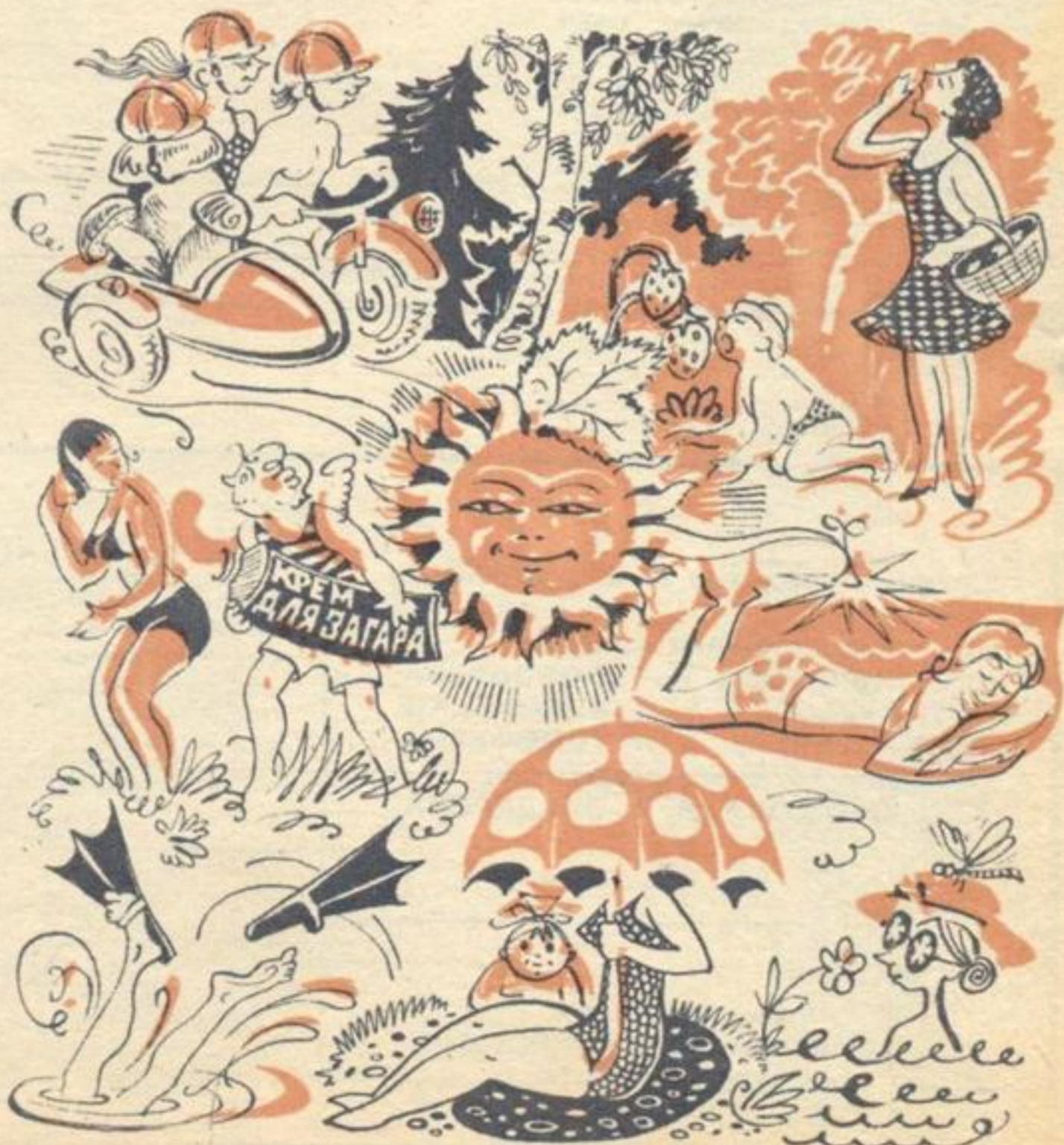

Рисунок В. ШАБАНОВА

В этот раз наша традиционная летняя кукла выросла: это уже не маленькая девочка, а девушка-подросток — так просили наши читательницы. Сашенькин гардероб рассчитан и на весну, и на лето, и на осень. Надеемся, что ее наряды понравятся девочкам-старшеклассницам, и им захочется сшить такие же себе.

1. Прямая блуза в стиле русской народной рубашки сейчас очень модна. Есть у нее одно привлекательное качество: ее легко сшить самой и разукрасить по своему вкусу вышивкой, тесьмой, аппликацией, шнуром. В прохладную погоду можно поддевать под блузу легкую «водолазку».

2. Юбка из льна с лавсаном. Широкие шлевки пристегиваются на карманах, под ними продернут пояс. Эти детали подчеркнуты крупной строчкой.

3. Платье из цветной гладкой ткани. Большой воротник и планка из белого пике, поплина или полотна обшиты по краю кружевом.

4. Плащ-пелерина из шерстяной или плащевой ткани на подкладке из штапельной шотландки. Шапочка-панамка из подкладочной ткани.

5. Блузка-рубашка из однотонной штапельной или шерстяной ткани, приспособленная от кокетки.

6. Брюки из шерсти, льна с лавсаном, джинсовой ткани можно носить с обеими этими блузками.

7. Ситцевое или сатиновое платье, комбинированное из тканей с разным рисунком. На линиях соединения тканей проложена тесьма, узенькое кружево или «выюничик».

8. Жакет-реглан и брюки из плотной ткани (джинсовой, вельвета). Воротник и передние полочки жакета можно выполнить из трикотажа или фактурной ткани (елочка, клетка).

9. Трикотажная майка-тельняшка, связанная на спицах или крючком, из шерстяной или бумажной пряжи, подойдет и к брюкам и к юбке.

10. Блуза без рукавов из льна или полотна. Широкая подшивка блузы отвернута наверх, и в ней расположены карманы. Отделка — косая цветная бейка. Дополнение — яркий шелковый галстук, однотонный или набивной.

Н. ГОЛИКОВА

Лесной чай

ле, или в нежаркой печи. Хранят в стеклянных банках или жестяных коробочках, чтобы не теряли запаха.

Собирают листья в теплые, ясные дни, сушат и хранят каждый сорт отдельно. Заваривая, смешивают разные сорта. Обычно в равных пропорциях берут сухие листья яблони и земляники, яблони и вишни, клубники и малины, клубники и земляники, кипрея и вишни, кипрея и яблони. Приятный запах придадут чаю черная смородина, мята, душица, донник, тысячелистник, черничные и вишневые листья. Лепестки роз, жасмина, шиповника делают запах сладковатым, но некоторым это нравится. К сушеным листьям можно добавить немного свежих, тонко нарезанных — аромат напитка усилится. Заваривают (не кипятят!) чай из расчета: чайная ложка сухих листьев на стакан кипятка.

Листья малины собирают все лето, вереск — в июле — августе, когда он цветет. Брусничные и черничные листья — в мае — июне, ежевичные — в июне — июле, кипрейные — в

июле — августе, яблоневые и вишневые — в августе — сентябре.

Не только вкусен, но и полезен лесной чай. Недаром народная медицина широко использует всевозможные травяные отвары. Малиновые листья и ягоды заваривают при простуде и гриппе, они хорошо понижают температуру. Чай, заваренный смородиновыми листьями, помогает при авитаминозе и малокровии. Отвар листьев ежевики полезен при гриппе и ангинах, снимает нервное напряжение. А земляника? При высокой температуре, заболеваниях почек, малокровии полезно пить отвар из ее листьев (одна десертная ложка на стакан кипятка). Липовый цвет заваривают при простудах, головной боли, клевер луговой — при слабости, общих недомоганиях, душицу — при бессоннице, чагу — при язве, гастритах, шиповник полезен сердечникам и гипертоникам... Отвар ромашки, выпитый на ночь, дает крепкий сон.

Вот какой он, лесной чай!

Л. ОРЛОВА

На первой странице обложки: «Мы песню поем» (блюдо). Художник М. Алексеева.

В приложении к этому номеру: модели летних платьев, туники; узоры для вышивки и вязание кружева.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4.
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

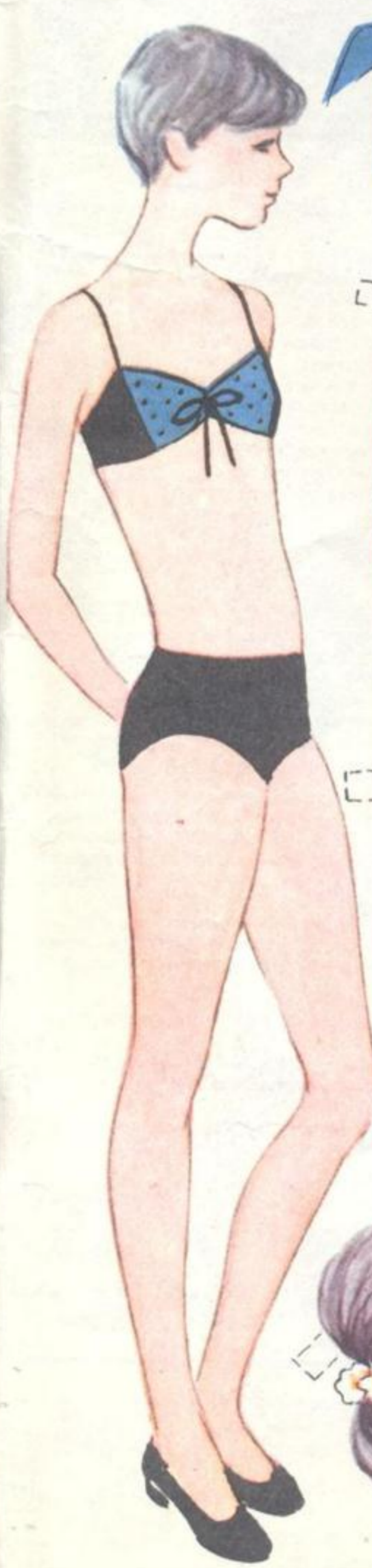
промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания — 250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды — 250-11-93; художественного оформления — 258-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 24/IV 1977 г.
А 00356. Подписано к печ. 18/V 1977 г.
Формат 60 × 90¹/₈.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13050000 экз.
(1-й завод: 1—11287550 экз.).
Изд. № 1261. Заказ № 525

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

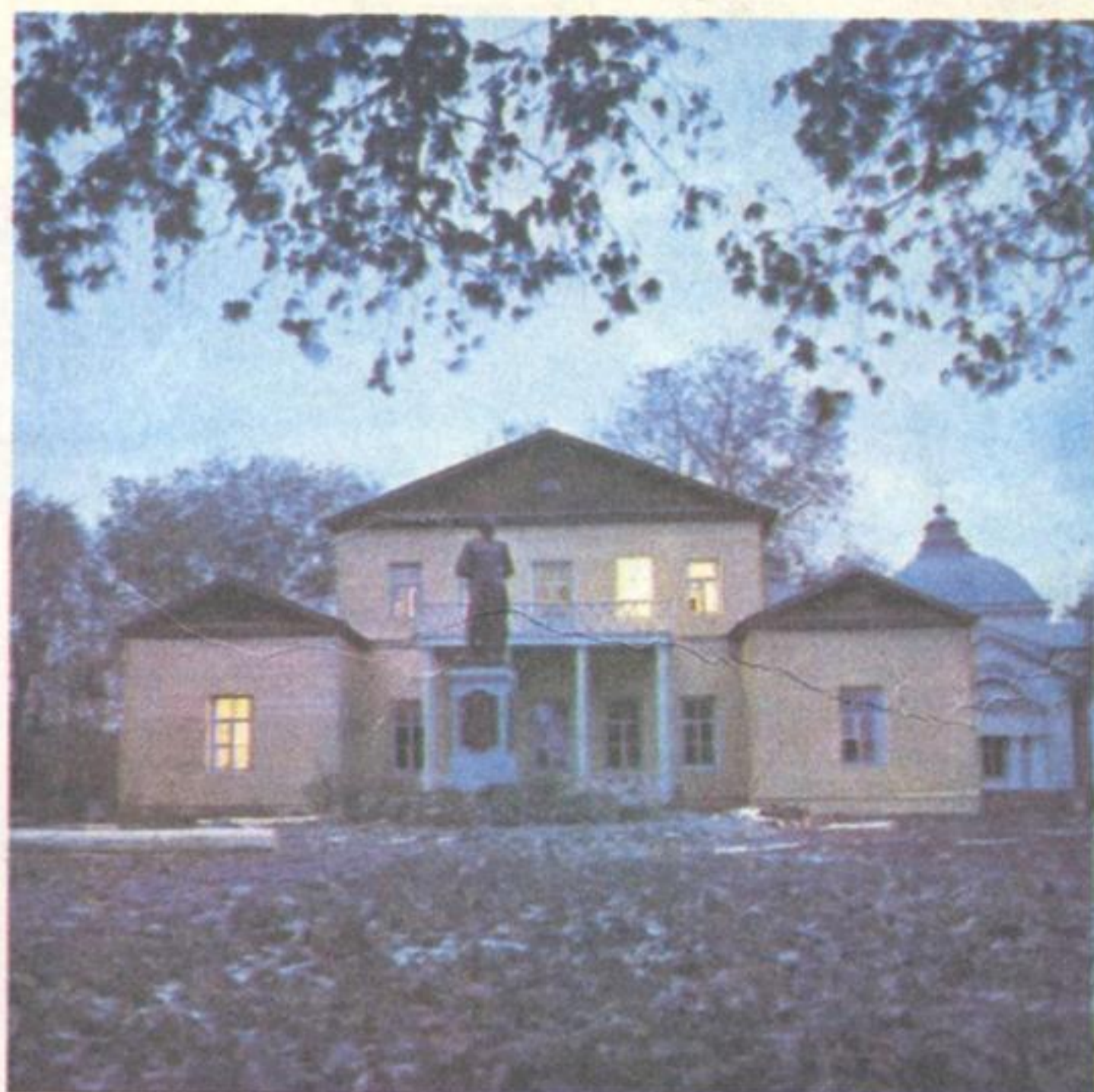
Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

«РОДНЫЕ ВСЕ МЕСТА...»

Не берусь утверждать, что Тарханы — лучшее из мест на русской земле. Но для человека, любящего Лермонтова, не устающего перечитывать взволнованные строки его стихов, страницы поэтически точной и

«Михайло Юрьевич Лермонтов». А ниже, в подземелье, где находится семейная усыпальница Арсеньевой и куда ведет узкая винтовая лестница, стоит свинцовый гроб, освещенный трепетным пламенем свечей. Здесь 23

зримой прозы, не найти уголка прекраснее.

Здесь, в Тарханах, в имении своей бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, среди дубовых рощ и стройных берез, у берегов неспешных рек и бескрайних полей провел первые тринадцать лет своей жизни великий поэт.

В центре села — Михайловская церковь, рядом с ней — часовня. Посреди часовни строгий памятник из черного мрамора. На нем надпись золотом:

Здесь похоронен поэт.

Кабинет.

апреля 1842 года, в Юрьев день, было погребено привезенное из Пятигорска тело поэта. Рядом — могилы бабушки, деда и матери.

От часовни проселком, минуя подернутые легкой дымкой поля, можно пройти в усадьбу, где над прудом, свободно разбросав свои могучие ветви, стоит дуб-великан, сто с лишним лет назад посаженный Мишей Лермонтовым.

Поезжайте в Тарханы! Пройдитесь по аллеям старого тенистого парка, уступами спускающегося к пруду. Вой-

дите в дом, восстановленный в 1939 году и превращенный в музей. В этом доме ныне около 1800 различных экспонатов. Кроме мебели лермонтовской эпохи, тут собрана библиотека, в которой можно встретить редкие издания Байрона, Шекспира, В. Скотта, Ламартина, Вольтера, Пушкина, Ивана Козлова...

А наверху, в мезонине, в одной из комнат висит оригинал картины М. Ю. Лермонтова «Кавказский вид возле села Сиони. Масло». Это, пожалуй, главная гордость музея. Тут же на отдельном столике — пенковая трубка, принадлежавшая поэту. Глядя на все это, другой поэт, наш современник, сказал:

Как искры мысли мельтешат:
воспоминаний вереницы...
...И пение тарханской жницы,
И отчий дом, и милый сад.
Журналы на столе лежат,
И не разрезаны страницы...
Не прочитать, не погрузиться,
Не возвратиться уж назад!

Эти строки навеяны посещением села Тарханы (Пензенская обл.), кстати, еще в 1918 году переименованного по желанию крестьян в село Лермонтово, и написаны Дмитрием Голубковым.

...Стеклянная дверь выведет вас на балкон. Ступите на него, оглядитесь вокруг и вслед за Лермонтовым повторите:

...Родные все места: высокий
барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут
спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями...

В этих местах просто невозможно не оказаться в плену лермонтовских строк...

Е. ПАВЛОВА
Фото А. ФИРСОВА.

Индекс 70770

Цена 15 копеек